

*Ба 20 – солагии Конституцияи (Сарқонуни)
Ҷумҳурии Тоҷикистон бахшида мешавад*

*Посвящается 20-летию Конституции
(Основного закона) Республики Таджикистан*

**ҶАБҲАҲОИ КОНСТИТУЦИОНИИ ҲОЛАТИ МУОСИРИ
ҚОНУНГУЗОРИИ ҶУМҲУРИИ ТОҶИКИСТОН**

**Маводи конференсияи байналмилалӣ илмӣ-назариявӣ
(Душанбе, 11 октябри 2014 с.)**

**КОНСТИТУЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННОГО
СОСТОЯНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН**

**Материалы международной научно-теоретической конференции
(Душанбе, 11 октября 2014 г.)**

**ДУШАНБЕ
«ИРФОН»
2014**

ББК 67.99(2Точик) 01+67.99(2)-3+67.400

Ч-12

Чабхаҳои конституционии ҳолати муосири қонунгузори Ҷумҳурии Тоҷикистон : маводи конференсияи байналмилалӣ илмӣ-назариявӣ. – Душанбе : «Ирфон», 2014. – 254 с.

Конституционные аспекты современного состояния законодательства Республики Таджикистан : материалы международной научно-теоретической конференции. – Душанбе : «Ирфон», 2014. – 254 с.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

САРМУҲАРРИР:

ЗОИРОВ Д.М. (МАДЖИДЗОДА Д.З.) – начальник Академии МВД, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель Республики Таджикистан, действительный член Всемирной Академии наук комплексной безопасности, генерал-майор милиции (сардори Академияи ВКД, доктори илмҳои ҳуқуқ, профессор, Корманди шоистаи Ҷумҳурии Тоҷикистон, аъзои ҳақиқии Академияи илмҳои умумиҷаҳонии амнияти дастаҷамъӣ, генерал-майори милитсия).

МУОВИНИ САРМУҲАРРИР:

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

СОЛИЕВ К.Х. – муовини сардори Академияи ВКД, Ҳуқуқшиноси шоистаи Тоҷикистон, номзоди илмҳои ҳуқуқ, полковники милитсия (заместитель начальника Академии МВД, Заслуженный юрист Таджикистана, кандидат юридических наук, полковник милиции).

УЗВИ ҲАЙАТИ ТАҲРИРИЯ:

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ:

ШАРИФЗОДА Ф.Р. – сардори Коллеҷи милитсияи ВКД, номзоди илмҳои ҳуқуқ, подполковники милитсия (начальник Колледжа милиции МВД, кандидат юридических наук, подполковник милиции);

ЮЛДОШЕВ Р.Р. – сардори шӯъбаи ташкилӣ-илмӣ ва таъбу нашр, дотсенти кафедраи муҳофизати ҷиноятии факултети №2 Академияи ВКД, номзоди илмҳои ҳуқуқ, майори милитсия (начальник организационно-научного и редакционно-издательского отдела, доцент кафедры уголовного процесса факультета №2 Академии МВД, кандидат юридических наук, майор милиции);

ЮСУФОВ А.Х. – сардори шӯъбаи тайёр намудани кадрҳои илмӣ ва илмӣ-педагогӣ, дотсенти кафедраи фанҳои давлатӣ-ҳуқуқии факултети №2 Академияи ВКД, номзоди илмҳои ҳуқуқ, майори милитсия (начальник отдела по подготовке научных и научно-педагогических кадров, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин факультета №2 Академии МВД, кандидат юридических наук, майор милиции).

Дар маводи конференсияи байналмилалӣ илмӣ-назариявӣ мақолаҳои илмӣ олимони варзидаи ҷумҳурӣ ва дигар давлатҳои аъзои ИДМ оид ба проблемаҳои актуалии асосҳои конституционии қонунгузори муосири милӣ ва хориҷӣ ҷамъоварӣ гардидаанд. Инчунин дар ин мавод мақолаҳои илмӣ олимони ҷавон, аз қабилӣ курсантон ва донишҷӯёни донишгоҳҳои мухталифи ҷумҳурӣ ҷойгир карда шудаанд.

Ақидаи ҳайати таҳририя метавонад ба нуқтаи назари муаллифони мақолаҳо мувофиқ наояд. Барои мазмуни мақолаҳо ва маълумотҳои саҳеҳ муаллифониашон масъул мебошанд. Мақолаҳо дар таҳрири муаллифон нашр карда мешавад. Истинод ба сарчашма, муаллиф ва шумора ҳатмист.

В данном сборнике материалов международной научно-теоретической конференции представлены научные статьи ведущих отечественных и других ученых государств-участников СНГ по актуальным проблемам конституционных положений современного отечественного и зарубежного законодательств. Также в сборнике представлены научные статьи начинающих ученых, в числе которых курсанты и студенты различных учебных заведений Таджикистана.

Мнение редакционной коллегии может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций. Ответственность за содержание публикаций и достоверность фактов несут авторы материалов. Статьи публикуются в авторской редакции. При полной или частичной перепечатке или воспроизведении любым способом ссылка на источник обязательна.

Ч $\frac{1203000000}{M501(12) - 2014}$ – 2014

ISBN 978-99975-0-206-3

ББК 67.99(2Точик) 01+67.99(2)-3+67.400

© Академияи ВКД Ҷумҳурии Тоҷикистон, 2014.
© Академияи ВКД Ҷумҳурии Тоҷикистон, 2014.

МУНДАРИЧА СОДЕРЖАНИЕ

<i>Программа конференции</i>	6-9
<i>Зоиров Дж.М. (Маджидзода Дж.З.)</i> Вступительная речь.....	10-11
<i>Зоиров Дж.М. (Маджидзода Дж.З.)</i> Конституционные факторы эволюции в историческом Таджикистане.....	12-25
<i>Сальников В.П., Романовская В.Б.</i> Прямое действие актов Европейского Суда по правам человека: некоторые проблемы.....	26-32
<i>Ромашов Р.А.</i> Актуальные проблемы структурирования и функционирования органов внутренних дел в контексте постсоветского конституционализма	33-37
<i>Стеценко С.Г.</i> Конституционно-правовые основы регулирования медицинской деятельности в Украине	38-42
<i>Абдухамитов В.А.</i> Профилактика религиозного экстремизма в сфере уличного пространства	43-46
<i>Азизов У.А.</i> Исторические тенденции развития института преступления в уголовном праве Таджикистана	47-54
<i>Алиева П.Х.</i> Становление и развитие института потерпевшего в уголовном процессе Республики Таджикистан	55-61
<i>Алимов Д., Чалилов М., Наботов Ф.</i> Конституцияи Ҷумҳурии Тоҷикистон – ҳақиқати воқеии ормонҳои ҳазорсолаи халқи тоҷик.....	62-64
<i>Арипов А.Л.</i> Конституционные основы доказывания в уголовном судопроизводстве	65-72
<i>Барбин В.В.</i> К вопросу о направлениях деятельности российской полиции.....	73-80
<i>Бобоназаров Ф.Ш.</i> Хусусияти ҳуқуқии Конституцияи Тоҷикистон соли 1994	81-84
<i>Бобоназаров Ф.Ш.</i> Зарождение и развитие конституции	85-89
<i>Буриев Ф.А.</i> Конституцияи ҳамчун ҳуҷҷати асосии давлат	90-93
<i>Гафуров М.С.</i> Основания конституционно-правовой ответственности по законодательству Республики Таджикистан	94-99

Гафуров Д.А. Худидоракунии маҳаллӣ дар Фаронса ва Ҷумҳурии Тоҷикистон (таҷрибаи ҷаҳонӣ)	100-103
Захарцев С.И., Сальников В.П. Конституционные права человека в России и допустимость их ограничения в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий на каналах связи.....	104-111
Захарцев С.И., Сальников В.П. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовному делу: перспективы законодательной регламентации	112-116
Косимов Ф.М. Оперативно-розыскная деятельность и её конституционные основы в Таджикистане	117-124
Қурбонов А.А., Эшахмедов Ш. Ҳаққи конститусионии ташкили оила ва ҳадди татбиқи он	125-131
Лялякин Ю.А. Становление государственной миграционной политики России: история и современность	132-138
Мелехин А.В. Проблемы укрепления законности в Российской Федерации	139-146
Мирзоев С.Б. Особенности конституционного нормоконтроля как гарантия гармонизации национальных законодательств.....	147-153
Маҳмадов С.А. Асосҳои конститусионӣ ҳуқуқи ташаққулёбии ниҳоди амнияти миллии Тоҷикистон	154-157
Муминов У.К. Конституция 1994 года как правовая основа суверенного Таджикистана.....	158-162
Муҳаммадиев И.С. Конститутсия ва нақши он дар таҳкими мақомоти прокуратура.....	163-168
Нажбудинов М.А. Модель взаимодействия органов внутренних дел с институтами гражданского общества в сфере противодействия наркотизации населения.....	169-171
Остроумов С.В., Остроумов Н.В., Романовская Л.Р. Конституционные и религиозные нормы как основа межконфессионального диалога в Таджикистане.....	172-177
Пулотов А.А. Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон ва инкишофи он	178-183
Романовская Л.Р., Фомичев М.В. К вопросу изучения государственно-конфессиональных отношений в государствах постсоветского пространства.....	184-190

Сазон К.Д. О национальных системах убежища в государствах – участниках СНГ	191-197
Саидов З.А., Хайруллоев Ф.С., Ёрматов Х.А. Принудительное выдворение: проблемы некоторых нововведений в Законе Республики Таджикистан «О беженцах».....	198-202
Сальников М.В., Реуф В.М. Чрезвычайная ситуация и ограничение конституционных прав граждан (на примере Российской Федерации и Республики Таджикистан).....	203-209
Тагойбеков Х., Алимов Д. Роль Конституции Республики Таджикистана в условиях глобализации	210-213
Токторалы уулу А. Главное управление государственной специализированной службы охраны МВД Кыргызской Республики в обеспечении охраны собственности на основании договоров.....	214-216
Шамсиддинов Ш. Масъалаи муҳочирати ғайриқонунӣ: таърих ва вазъияти муосир	217-220
Шарифзода П.Р. Принципи баробарӣ дар назди қонун	221-224
Юнусова Х.А. Конституционно-правовой анализ практики проведения референдума в Кыргызской Республике в 2010 году	225-229
Юлдошев Р.Р., Тошев А.М. Проект закона Республики Таджикистан «О полиции» и Стратегия реформы милиции.....	230-239
Юсуфов А.Х. Тенденции развития конституционного законодательства Республики Таджикистан на современном этапе	240-243
Щендригин Е.Н. 20 лет Конституции Российской Федерации	244-250

**МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН**

А К А Д Е М И Я

**ПРОГРАММА
МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ**

**«КОНСТИТУЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННОГО
СОСТОЯНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ
ТАДЖИКИСТАН»**

**ПОСВЯЩЕННАЯ 20-ЛЕТИЮ КОНСТИТУЦИИ
РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН**

**11 октября 2014 год
г. Душанбе**

Для официального освещения хода конференции в зале присутствуют
представители средств массовой информации

Рабочие языки конференции: таджикский, русский

08.00 – 08.30	Регистрация участников конференции
08.30 – 09.00	Открытие конференции
Модератор:	СОЛИЕВ КАРИМ ХОДЖИЕВИЧ – заместитель начальника Академии МВД Таджикистана по науке, кандидат юридических наук, Заслуженный юрист Таджикистана, полковник милиции
Приветственное слово участникам конференции	
09.00 – 09.10	МАДЖИДЗОДА Джурахон Зоир – начальник Академии МВД Таджикистана, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель Республики Таджикистан, генерал-майор милиции
09.10 – 11.30	Доклады и выступления участников
09.10 – 09.30	Правосознание и правовая культура сотрудников органов внутренних дел САЛЬНИКОВ Виктор Петрович – советник начальника Санкт-Петербургского университета государственной противопожарной службы, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, генерал-лейтенант милиции
09.30 – 09.35	ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА
09.35 – 09.55	Актуальные проблемы реформирования органов внутренних дел РОМАШОВ Роман Анатольевич – начальник Самарского Юридического института

	Федеральной службы исполнения наказаний России, доктор юридических наук, профессор, генерал-майор внутренней службы
09.55 – 10.00	ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА
10.00 – 10.20	Конституционные основы судебно-правовых реформ СТЕЦЕНКО Семен Григорьевич – первый заместитель начальника Института уголовно-исполнительной службы Украины по учебно-методической работе, доктор юридических наук, профессор, член корреспондент Национальной Академии правовых наук Украины, Заслуженный деятель науки и техники Украины
10.20 – 10.25	ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА
10.25 – 10.35	Роль Конституции Республики Таджикистан в формировании правовой системы государства РАДЖАБОВ Равшан Мухитдинович – начальник факультета № 1 Академии МВД Таджикистана, кандидат юридических наук, полковник милиции
10.35 – 10.40	ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА
10.40 – 10.50	Основание конституционно-правовой ответственности по законодательству Республики Таджикистан ГАФУРОВ Мехридин Садридинович – начальник кафедры государственно-правовых дисциплин факультета № 2 Академии МВД РТ, кандидат юридических наук, майор милиции
10.50 – 10.55	ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА
10.55 – 11.05	Взаимная ответственность государства и граждан САИДОВ Зикирулло Алиевич – начальник факультета № 5 Академии МВД Таджикистана, кандидат юридических наук, полковник милиции
11.05 – 11.10	ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА

11.10 – 11.20	Тенденции развития конституционного законодательства Республики Таджикистан на современном этапе ЮСУФОВ Акмалджон Хотамович – доцент кафедры государственно-правовых дисциплин факультета №2 Академии МВД РТ, кандидат юридических наук, майор милиции
11.25 – 11.30	ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА
11.30 – 11.40	Реализация органами внутренних дел Республики Таджикистан международных норм о правах человека при чрезвычайном положении ПАХЛАВОНОВ Давлатали Хисайнович – курсант 207 учебной группы 2-го курса факультета №2 Академии МВД Таджикистана, младший сержант милиции
11.40 – 11.45	ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА
11.45 – 12.00	Подведение итогов
12.00 – 12.30	Обсуждение проекта заключительного документа конференции
12.30 – 12.45	Выдача свидетельств участникам конференции и фотографирование
12.45 – 13.00	Заккрытие конференции
13.00 – 14.00	Обед

**ВСТУПИТЕЛЬНАЯ РЕЧЬ НАЧАЛЬНИКА АКАДЕМИИ МВД
РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН, ДОКТОРА ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК,
ПРОФЕССОРА, ЗАСЛУЖЕННОГО ДЕЯТЕЛЯ РЕСПУБЛИКИ
ТАДЖИКИСТАН, ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА МИЛИЦИИ
МАДЖИДЗОДА ДЖУРАХОН ЗОИР**

Уважаемые участники конференции и дорогие гости!

Разрешите поприветствовать Вас на международной научно-теоретической конференции «Конституционные аспекты современного состояния законодательства Республики Таджикистан».

Данная конференция является одним из тех научных мероприятий законоведов на пути развития системы законодательства Республики Таджикистан с учетом достижений завершившихся конституционных реформ.

Знание законов, особенно Конституции является важным этапом фактором в подготовке будущих юристов, сотрудников правоохранительных органов, которые должны хорошо ориентироваться в системе государственных органов и в особенностях отечественной системы законодательства.

6 ноября 1994 г. была принята Конституция Республики Таджикистан, на которую возложили необходимость правового регулирования новых общественных отношений, и стало очередным этапом в разработке, принятии и совершенствовании законов. Конституция, закрепляя Республику Таджикистан как суверенное, демократическое, правовое, светское и унитарное государство, определила основы конституционного строя, права, свободы, основные обязанности человека и гражданина, полномочия Маджлиси Оли (Парламента), Президента, Правительства, органов местных властей, суда и прокуратуры.

В соответствии с новой Конституцией Республики Таджикистан были созданы условия для развития государственной власти и совершенствования независимого государства, определены законодательные, исполнительные и судебные ветви власти, а также роль законодательной власти в принятии и совершенствовании законодательства. Переход к рыночным отношениям в экономике возникла необходимость конституционного закрепления свобод экономической и предпринимательской деятельности, многообразие форм собственности и их равной защиты со стороны государства, в частности частной.

Также следует отметить, что Президент Республики Таджикистан, уважаемый Эмомали Рахмон в своем послании Маджлиси Оли Республики Таджикистан от 26 апреля 2013 года подчеркнул, что за сравнительно небольшой период посредством Конституции и других законодательных актов разрешены многие фундаментальные нормы деятельности демократического государства – основы строя демократической государственности, в том числе ее светской и социальной сущности, торжества святости прав и свобод человека и гражданина, идеологического и политического плюрализма, создания профессионального парламента,

гарантии судебной справедливости, равенства всех перед законом, а также свободы совести в Республике Таджикистан.

Необходимо отметить, что Конституция Республики Таджикистан оправдало свое истинное значение как целостный нормативный правовой акт долговременного действия, и одним из приоритетных ее свойств является стабильность. Гарантией стабильности является особый порядок ее принятия и пересмотра. Основные задачи и принципы, стоящие перед государством, нашли свое отражение в вводной части и в соответствующих главах Конституции. Это, прежде всего те положения, которые лежат в основе всех конституционных норм: закрепление прав и свобод человека и гражданина, гражданского мира и согласия; утверждение незыблемости демократического развития нашего государства; сохранение исторически сложившегося единства страны.

В работе сегодняшней международной конференции, помимо известных отечественных ученых, принимают участие представители-ученые дружественных нам стран – России, Украины, Кыргызстана, в конференции также принимают молодые адъюнкты, аспиранты, соискатели и курсанты ВУЗ Таджикистана.

Я хочу пожелать вам успешного проведения сегодняшнего мероприятия, а также успешного продолжения работы по оптимизации всей системы законодательства, подвести итог действия Конституции Республики Таджикистан и пожелать всем вам плодотворной работы в рамках нашей конференции.

Спасибо за внимание!

ЗОИРОВ *Джурахон Маджидович*
(*Маджидзода Джурахон Зоир*), начальник
Академии МВД Таджикистана, доктор
юридических наук, профессор, Заслуженный
деятель Республики Таджикистан, генерал-
майор милиции

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ФАКТОРЫ ЭВОЛЮЦИИ В ИСТОРИЧЕСКОМ ТАДЖИКИСТАНЕ

Кардинальные перемены в жизни народов Средней Азии связаны с победой Октябрьской революции и установлением на территории бывшей многонациональной Российской Империи советской власти. Среди множества проблем возникших перед новым руководством молодой советской России, с точки зрения нашего исторически-правового исследования, интерес представляет юридическое оформление новой системы государственной власти и регулирование национальных отношений на территории бывшей Российской Империи в частности в историческом Таджикистане.

С первых дней своего существования советская власть стала активным в области законодательства по всем направлениям революционной деятельности. За короткий промежуток времени было принято намного больше законов, чем за многие последующие десятилетия. Только за первые два года, прошедшие после революции, было принято около 800 декретов¹. Среди них выделяются нормативные акты, определившие основы нового общественного и государственного строя и переход власти к Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Переходом всей полноты власти к Советам является специальное Постановление II Всероссийского съезда рабочих и солдатских депутатов. Он принял специальное обращение «О полноте власти Советов» и Постановление, что вся власть на местах переходит к Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Декретом от 8 ноября 1917 года «Об образовании рабочего и крестьянского правительства», съезд образовал для управления молодой страной Совет народных комиссаров, установив одновременно, что контроль над деятельностью народных комиссаров и право их селения принадлежит Всероссийскому съезду Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и его Центральному Исполнительному Комитету. Таким образом, решением II-съезда были созданы практически все главные звенья государственного руководства страной, которые затем нашли отражение в Конституции РСФСР 1918 года.

Декретами II Всероссийского съезда были заложены важнейшие основы Конституционного строя России, также как декрет «О земле», на основе которого немедленно и без всякого выкупа отменялась помещичья

¹ Стучка П.И. Избранные произведения по марксистко-ленинской теории права. – Рига, 1964.

собственность на землю: был закреплен переход всех природных ресурсов в исключительное пользование государства.

Конституционное значение имели и многие последующие декреты Советской власти, предшествовавшие принятию первой российской Конституции. Особенностью источников советского государственного права на этапе их становления является наличие в их системе значительного числа конституционных по своему статусу актов¹. Таким актом является декларация прав трудящихся и эксплуатируемого народа², принятая III Всероссийским съездом Советов. Именно в ней в общественной форме закреплялись основы общественного и государственного устройства Советской России, а Россия провозглашалась Республикой Советов и Федерацией советских национальных Республик на основе свободного союза свободных нации. Государство стало называться РСФСР. Конституционный характер носят также Декларация прав народов России³, Договор и Декларация об образовании СССР (1922г) – это исторические документы, которые являются важнейшими по своему значению актами, заложившими правовой фундамент новой таджикской независимой государственности.

И конечно самым важным событием, в том числе в судьбе таджикского народа, рассматриваемого этапа стало принятие Конституции РСФСР 1918 года, с которой начинается отсчет истории многонационального советского Конституционализма, государственное устройство, его традиций и принципов.

К тому же пока были не совсем ясны принципы административно-территориального деления территории бывшей Российской Империи, которая на самом деле не вполне соответствовала историческому развитию и расселению народов. Особенно это также касалось таджикского народа, проживающего на территории Хивинского и Бухарского ханства, земли, исконно принадлежащие таджикам.

Поэтому в самой Конституции (ст. 49) члены федерации определены весьма расплывчато - «как автономные областные союзы, образованные в результате особых условий экономического и национального развития», а сама федерация первоначально начала складываться в рамках прежних административно-территориальных единиц (например, Туркестанская республика в 1918 году).

Что же касается права на самоопределение вплоть до отделения, то, вопреки утверждениям зарубежных советологов⁴, оно не было пустым звуком, хотя в уже упоминавшемся письме Ленина Шаумяну говорится: «Право на самоопределение есть исключение из нашей общей посылки централизма.....! Но исключение нельзя толковать расширительно».

¹ См. Лукьянова Е.А. Российская государственность и конституционное законодательство в России (1917-1993) – М.: МГУ, 2002. – С.32

² См. СУ РСФСР. 1918, №15. – С. 215.

³ См. Лукьянова Е.А. Российская государственность и конституционное законодательство в России (1917-1993) – М.: МГУ, 2002. – С.33.

⁴ См. Hazard D. The Soviet System of Government: London, 1996. – P.86.

Российская Республика вопреки другим также признала отделение от нее Хивинского и Бухарского ханства.

Основной процесс федерализации начался именно после принятия Конституции РСФСР, где развитие союза республик шло по пути вхождения республик и автономных областей в состав РСФСР и по пути двусторонних договоров, заключившиеся между независимыми республиками и РСФСР¹. К этому времени относится и заключение союзных договоров между РСФСР и бывшими Бухарским² и Хорезмским ханствами³, которые в 1920 году стали народными советскими республиками. По этим договорам РСФСР признавала границы БСР и ХСР, передавала им хозяйственные объекты, находившиеся в пределах территории Республик, и «отказывалась на вечные времена от всяких прав» на русские поселения на территориях бывших ханств (ст.13).

В ходе социально-территориальных преобразований 1922-1923 годов в Бухаре и Хорезме была осуществлена национализация земли и водных источников, которые по Конституции Бухарской народной Советской республики 1921 года и по Конституции Хорезмской народной Советской республики 1922 года находились в частной собственности⁴.

Действия Конституции БНСР 1921 года, а потом и 1922 года, непосредственно применялись на территории Восточной Бухары, которая впоследствии стала основной административно-территориальной единицей Таджикской АССР, которая образовалась в 1924 году.

После образования СССР, в 1922 году Туркестан становится автономной республикой в составе РСФСР. 12 июня 1924 года Политбюро УК РКП (б) приняло решение «О национальном размежевании республик Средней Азии (Туркестана, Бухары и Хорезма)»⁵. В сентябре 1924 года национально-государственное размежевание Средней Азии получило законодательное оформление в постановлениях высших органов государственной власти среднеазиатских республик: 15 сентября на чрезвычайной сессии ТуркЦИКА, 19 сентября на V-Всероссийском съезде Советов⁶. 14 октября 1924 года 2-я сессия ВПИЦ утвердила решение ЦИК Туркестанской АССР от 15 сентября 1924 года «О национальном размежевании».

В постановлении ВЦИК указывалась, что таджикскому народу представляется право образования Автономной Таджикской Советской Социалистической республики в составе Узбекской ССР. 27 октября 1924

¹ См: История Советского государства и права кН.1 Становление советского государства и права (1917-1920) – М.: Народ, 1968. – С.543-554.

² См. СУ РСФСР 1921 №73 Ст. 595.

³ См. СУ РСФСР 1921 №29 Ст. 161.

⁴ См. Азизкулова Г.С. История государства и права Республики Таджикистан. Цикл лекции. – Душанбе, 1995. – С.155-162; Раджабов С.А. Вопросы возникновения и развития таджикской советской государственности. – Сталинабад, 1957. – С.11.

⁵ См. История Узбекской ССР, 1957. Т.11. – С.224.

⁶ См. Искандаров М. Из истории советского строительства в Таджикистане (1924-1929 гг). – Душанбе, 1976. – С.23.

года 11-я сессия ЦИК СССР санкционировала это размежевание...! В Постановлении указывалось: «ЦИК СССР подтверждает, что свободное волеизъявление трудового народа является высшим законом, и поручает Президиуму ЦИК СССР осуществлять оформление вновь образующихся республик в средней Азии согласно решению съездов Советов этих республик»¹.

В мае 1925 года третий съезд Советов СССР принял в состав Союза Узбекскую ССР и Туркменскую ССР², внося соответствующие изменения в конституцию СССР³. В том же году пересматриваются территориальные границы РСФСР.

Фактически история формирования *национальной таджикской государственности* начинается с сентября 1924 года, когда по решению ЦИК Туркменской АССР в составе Узбекской ССР было признано целесообразным образовать Таджикскую автономную Советскую Социалистическую республику путем объединения части территорий бывших Бухарской НСР и Туркестанской АССР, заселенных преимущественно таджиками⁴. *Юридически* же это история начинается с декабря 1926 года, когда состоялся первый Всетаджикский съезд Советов республики, на котором был избран Центральный Исполнительный Комитет Советов Таджикской АССР – правительство республики. Революционный комитет сложил свои полномочия, а ЦИК Советов Таджикской АССР с этого момента стал конституционным органом власти и управления⁵.

Следует иметь в виду, что к сентябрю 1924 года, т.е. к моменту принятия постановления ЦИК Туркестанской АССР, Бухарская НСР и Туркестанская АССР имели свои Конституции и другие нормативно-правовые акты, касающиеся организации государственной власти и управления. Не вызывает сомнения, что эти акты существенно повлияли на процесс становления государственной власти и формирования государственного (конституционного) права Таджикской АССР, а потом и Таджикистана, как союзной республики в составе СССР.

¹ См. История Советской Конституции. Сборник документов. – М., 1957. – С.239; Раджабов С.А. Историческое значение национально-государственного размещивания // Советское государство и право. – 1974. – №10. – С.18-24; Тахиров Ф.Т. Правовая система Таджикской АССР. – Душанбе, 1998. – С.5.

² См: Постановление III Съезда Советов Союза ССР «О вхождении в состав Союза ССР Туркменской и Узбекской Социалистических Советских Республик» // СЗ СССР. – 1925. – №35. – Ст.244.

³ См: СЗ СССР. – 1925. – №35. – Ст.245.

⁴ См: Рахимов Р. Проблемы межнациональных отношений в Узбекистане // Актуальные проблемы межнациональных отношений в СССР. – Ленинград, 1989. – С.27; Холикзода Абдукодир, Точикони Мовароунахр. Аз истиной Русия то истиклол. – Душанбе, 1997. – С 92.

⁵ См: Съезды Советов (в документах). 1923-1937 гг. – М., 1965. –Т. VII. – С.317-361; Халиков Р. Мероприятия коммунистической партии и Ревкома Таджикской АССР по переходу к выборным органам власти в республике // Конституционное развитие Таджикской АССР: Сборник статей. Вып.1. – Душанбе, 1980. – С.8-13.

Прежде всего, необходимо отметить, что до принятия Конституции Таджикской АССР, т.е. фактически до 1929 года, государственное и общественное устройство республики регламентировалось Конституцией СССР 1924 года и Конституцией Узбекской ССР 1927 года. Наряду с этим действовали ряд нормативно-правовых актов, принятые органами власти Таджикской АССР.

Среди них – правовые акты Ревкома Таджикской АССР, положившие в соответствии с Конституцией СССР и законодательными актами Союза ССР и Узбекской ССР начало конституционно-правовому регулированию становления советской таджикской национальной государственности. Так, 7 декабря 1924 г. Ревком Таджикской АССР принял «Обращение ко всем трудящимся республики». В этом акте Ревком Таджикской АССР указывал, что он «ставит своей задачей создать как в центре, так и на местах власть до кишлака, маленький, гибкий, дешевый советский аппарат, способный действительно служить беднейшему дехканству и защищать его интересы». На реализацию этой задачи были направлены акты Ревкома «О структуре аппарата Таджикской АССР», «О наркоматах», «О местных Советах» и ряд других¹. Они и стали основными источниками и первичной правовой базой зарождения конституционных процессов в Таджикистане. Свое развитие они получили в решениях первого Всетаджикского съезда Советов республики.

Первый Всетаджикский съезд Советов республики не только юридически оформил образование Таджикской АССР и заявил о добровольном ее вхождении в Узбекскую ССР и через нее в состав СССР, но и принял ряд документов, имеющих политико-правовое значение. Среди таких документов следует назвать Декларации «О таджикских национальных формированиях РККА», «О национализации земли, вод, недр и лесов Таджикской АССР», «О введении всеобщего обязательного обучения», Обращение «Ко всем трудящимся Таджикистана о раскрепощении женщин», Постановления «О правах трудящихся женщин Таджикской АССР и необходимости борьбы с их закрепощением», «Об амнистии», «О реэмиграции» и другие². Некоторые из этих законодательных актов имели конституционное значение, не случайно, впоследствии были включены в Конституцию Таджикской АССР 1929 года, к разработке которой приступили вскоре после принятия 3 октября 1927 года Конституции Узбекской ССР.

Следует отметить одну любопытную деталь: еще до *юридического* закрепления национальной таджикской государственности и проведения первого Всетаджикского Учредительного съезда Советов 18 октября 1926 года в республике приступили к разработке проекта Конституции Таджикской АССР. Незадолго до созыва съезда Советов Президиум

¹ См: Фаньян Д.К. Истории советского строительства в Таджикистане (1920-1929 гг.): Сборник документов. – Сталинабад: Таджикгосиздат, 1941. – С.69; Раджабов С. Таджикистан – суверенное советское государство. – Сталинабад, 1957. – С.153.

² См: Имомов А. Конституционное право Республики Таджикистан. – Душанбе: Оли сомон, 1997. – С.62.

Ревкома Таджикской АССР принял Постановление, в котором говорилось: «Для разработки проекта Конституции Таджикской АССР с использованием основных положений Конституции Узбекской ССР и с учетом местных условий Таджикистана предложить Ревкому созвать специальное совещание. Для политического обсуждения проекта Конституции Таджикской АССР выделить комиссию, установив ей срок работы один месяц»¹. Однако к моменту созыва Учредительного съезда Советов (с 1 по 12 декабря 1926 г.) конституционная комиссия не успела подготовить проект.

I съезд Советов Таджикской АССР поручил ЦИК на основании Конституции СССР и Конституции Узбекской ССР разработать проект Конституции Таджикской АССР и представить его на рассмотрение II съезда Советов республики. Согласно решению съезда ЦИК Советов Таджикской АССР 19 февраля 1927 года образовал конституционную комиссию, которую возглавил ответственный секретарь Президиума ЦИК. В процессе работы конституционной комиссии было составлено несколько вариантов проекта Конституции. В первом варианте, составленном в 1927 году, она имела 6 разделов и 121 статью².

Комиссия к маю 1927 года подготовила проект Конституции и с одобрения Оргбюро ЦК КП Узбекистана представила его на рассмотрение ЦИК Советов Таджикской АССР. По решению II сессии ЦИК проект Конституции был передан на места для широкого обсуждения, которое длилось более полутора лет. Окончательный вариант проекта состоял из 7 разделов, 17 глав и 107 статей. Проект Конституции 15 апреля 1929 года был рассмотрен на заседании Исполнительного бюро Таджикского обкома КП (б) Узбекистана, и в основном одобрен. 21 апреля 1929 года IV сессия ЦИК Советов республики, заслушав и обсудив доклад председателя Президиума ЦИК Таджикской АССР о проекте Конституции приняла постановление об одобрении проекта и внесении его на рассмотрение и утверждение III съезда Советов Узбекской Советской Социалистической Республики.

И.А. Имомов первым из ученых-конституционалистов обратил внимание на неточности и фактические ошибки, допущенные в юридической литературе советского периода при интерпретации этого постановления. Так, в литературе отмечалась, что в Постановлении сессии ЦИК Совета республики шла речь о направлении проекта Конституции на рассмотрение и утверждение II съезда Советов Таджикистана³. Такая трактовка постановления ЦИК не соответствует фактическим и юридическим обстоятельствам.

¹ См: ЦГА Таджикской ССР. Ф.9. оп.1, ед. хр. 37. л.614.

² См: Николаева М.В. Документы съездов Советов Таджикской АССР и Таджикской ССР как исторический источник: автореф. дис... канд. ист. наук. – Душанбе, 1966. –С.9.

³ См: Раджабов С.А. В.И. Ленин и советская национальная государственность. – Душанбе, 1970. – С.430; Тахиров Ф. Система и организационные формы деятельности высших органов государственной власти Таджикской АССР: Сб. трудов юридического факультета ТГУ. – Душанбе, 1973. – С.17.

По первому вопросу повестки дня съезда – «О принятии Конституции (Основного Закона) Таджикской АССР», было принято следующее постановление: «I. Проект Конституции (Основного Закона) Таджикской Автономной Советской Социалистической Республики принять ...4. Поручить первой сессии ЦИКа Советов Таджикской Автономной Советской Социалистической Республики окончательно отредактировать текст Конституции и внести таковую на рассмотрение и утверждение III съезда Советов Узбекской Советской Социалистической Республики»¹.

Отсюда, справедливо отмечает А.И. Имомов, «вытекает важный вывод о том, что верховный орган государственной власти автономной республики мог *подготовить и принять* Конституцию республики, а право *утверждения* этой Конституции и ее введения в действие относилось к полномочиям верховного органа государственной власти союзной республики, в состав которой входила данная автономная республика»². В силу объективных исторических причин эта Конституция не была представлена на утверждение верховного органа государственной власти Узбекской ССР. Дело в том, что вскоре после II съезда Советов Таджикской АССР встал вопрос об образовании Таджикской Советской Социалистической Республики, в связи с чем вопрос об утверждении Конституции Таджикской АССР отпал.

Это обстоятельство вызвало продолжающуюся до настоящего времени дискуссию о правовом статусе и легитимности документа, принятого II съездом Советов Таджикской АССР. Между тем, *конституционная легитимность* Конституции Таджикской АССР вызывает большие сомнения.

Конституция легитимна, когда принимается компетентными на то органами государства и в установленном порядке вводится в действие. Конституция АССР могла быть введена в действие лишь после утверждения высшими органами государственной власти союзной республики. Согласно п. «б» ст.55 Конституции Узбекской ССР 1927 г. право *окончательного утверждения* Конституции Таджикской АССР было отнесено к исключительному ведению Всеузбекского съезда Советов³. Съезд Советов и ЦИК Узбекской ССР имели право отменять постановления съездов Советов Таджикской АССР, нарушающие эти положения Конституцию или постановления верховных органов Узбекской ССР. Тот факт, что этого утверждения не произошло в силу исторических обстоятельств, динамики процессов развития национальной государственности в СССР, и не может служить основанием для признания Конституции Таджикской АССР легитимной с точки зрения существовавшего в тот исторический период правопорядка. Косвенно это

¹ См: Съезды Советов в документах. 1917-1937. – М., 1965. –С.362-363.

² См: Имомов А. Укрепление государственности и создание гражданского общества в Таджикистане. – Душанбе, 2003. – С.268.

³ См: Конституция УзССР фактически воспроизводит п. «б» ст. 16 Конституции РСФСР 1925 г. и соответствующие статьи Конституций других союзных республик в составе СССР. СУ РСФСР. – 1925. – №30. – Ст.218.

признает и А.И. Имомов говоря о неопределенном «правовом состоянии» этого правового памятника юридического оформления государственности Таджикистана как автономной республики¹.

Следует обратить внимание и на то, что не все нормы этой Конституции были бесспорными. Например, в ст. 4 Конституции говорилось, что Таджикская АССР с Горно-Бадахшанской областью, вступая в состав Узбекской ССР, передает последней полномочия, отнесенные соглашением с Узбекской ССР к ведению органов Узбекской ССР и перечисленные в Конституции Узбекской ССР. Фактически же в соответствии с установившейся государственно-правовой практикой при образовании автономных республик, как правило, какие-либо соглашения между ними и союзной республикой о правах автономий не заключаются.

Закрепление в Конституции отдельных несвойственных верховным органам власти автономии полномочий по отношению к актам высших органов государственной власти Узбекской ССР превышало автономный характер прав республики. Можно предполагать, что ее составители несколько по иному представляли правовое положение автономной республики, характер власти и взаимоотношения с верховными органами союзной республики. Например, в ст. 2 Таджикская АССР определялась как социалистическое государство рабочих и крестьян, строящееся на основе *свободной федерации* и вхождения в Узбекскую ССР². Но Узбекская ССР с самого начала не была федеративной советской республикой и ни в разделе 4 Конституции Узбекской ССР, посвященной Таджикской АССР, ни в других ее разделах о федеративном устройстве Узбекистана речь не шла.

Весьма смело была сформулирована и глава 2 раздела 2 Конституции: «О суверенных правах Таджикской АССР», в ст. 19 которой подчеркивалось, что Таджикская АССР осуществляет свою власть самостоятельно, **а Узбекской ССР по предметам, отнесенным к их ведению.** В Конституции же Узбекской нет ни одного указания об суверенном характере осуществления государственной власти республики.

За исключением этих весьма важных в правовом отношении моментов Конституция Таджикской АССР 1929 года по духу, существу и форме мало чем отличалась от конституций иных государственно-национальных образований СССР, являясь крайне идеологизированной, нетерпимой к инакомыслию, декларирующей и легитимирующей непосредственное насилие в отношении представителей свергнутых классов. В качестве примера практической идентичности конституционных текстов приведем

¹ См: Имомов А. Укрепление государственности и создание гражданского общества в Таджикистане. – Душанбе, 2003. – С.271.

² Видимо, это обстоятельство послужило А.Д. Дегтяренко основанием полагать, что отношения между Таджикской АССР и Узбекской ССР были федеративными. См: Дегтяренко Н.Д. Развитие советской государственности в Таджикистане. – М., 1960. – С.86-114; Критический анализ этой точки зрения см: Агзамходжаев А, Уразбаев Ш. СССР – социалистическое государство советских народов. – Ташкент, 1972. – С.215-216.

краткую сравнительную характеристику ряда статей первого раздела «Общие положения» Конституций Таджикской АССР и РСФСР:

Отмечая выше некоторую свободу в понимании разработчиков Конституции Таджикской АССР 1929 г. принципов автономизации, следует иметь в виду общий процесс и тенденции развития советской автономии в середине 20-х годов прошлого века. Дело в том, что Конституция СССР 1924 года изменила круг и статус ряда административных единиц. Две из них – Казахская и Киргизская области – в 1925 году были преобразованы в АССР. Конституция также закрепила новую форму автономии – национальный округ. Новеллой Конституции РСФСР 1925 года стала глава «Об автономных республиках и областях». В ней было предусмотрено, что АССР имеют свои основные законы (конституции), а положения об автономных областях принимаются съездами Советов этих областей и утверждаются ВЦИКом (ст.44).

С учетом этих тенденций, свидетельствующих о стремлении Союза ССР и РСФСР к законодательной реализации декларированного права наций на самоопределение и учет национальных особенностей в ходе государственно-правового строительства, понятна некоторая «вольность» разработчиков Конституции Таджикской АССР в понимании прав автономий. Это касается, в частности, ст.52, в п. «б», в которой к исключительному ведению Всетаджикского съезда Советов отнесено установление границ Таджикской АССР, хотя Конституция РСФСР установление границ автономий относил к ведению Всероссийского съезда Советов и ВЦИК (ст.17).

Оценивая первую Конституцию Таджикистана, несмотря на наличие в ней многих заимствований из уже действующих конституционных актов, в том числе РСФСР и Узбекской ССР, и определенных просчетов технико-юридического характера, свойственных данному этапу формирования конституционного законодательства, следует отметить достаточно четкое структурирование в ней всех основных вопросов государственной и общественной жизни.

Вопросы административно-территориального устройства республики специально Конституцией не регулировались. Однако в связи с организацией советской власти на местах в ст.66 говорилось о территории округов, вилоятов, тюменей или районов, а ст.77. предусматривала, в связи с установлением нормы представительства в местные органы власти, наличие городских и сельских Советов депутатов с их исполнительными органами – Президиумом или исполнительным комитетом. В отдельных случаях, согласно Конституции, местным органом власти могло стать общее собрание избирателей.

Конституция определила сферу полномочий Всетаджикского съезда Советов. Его исключительному ведению подлежало: установление, дополнение и изменение Конституции Таджикской АССР с последующими утверждением их Всеузбекским съездом Советов; образование ЦИК; утверждение Положения о Горно-Бадахшанском областном исполнительном комитете Советов (ст.25, 52).

12 июня 1929 года Президиум ЦИК СССР рассмотрел обращение Правительства Таджикской АССР об ее преобразовании в союзную республику. Президиум ЦИК СССР принял постановление, в котором указал, что Таджикская АССР по своим экономическим, национальным и географическим признакам является совершенно обособленной от Узбекской ССР единицей. Постановление отмечало своевременность постановки вопроса о выделении Таджикской АССР из состава УзССР и о вхождении ее в СССР как самостоятельной союзной республики. Президиум ЦИК СССР поручил органам государственной власти Узбекской ССР и Таджикской АССР обсудить вопрос о выделении Таджикской АССР из Узбекской ССР и войти в Президиум ЦИК СССР с конкретными предложениями¹.

Следующий этап развития национальной государственности Таджикистана связан с приобретением им статуса союзной республики: 5 декабря 1929 года II сессия ЦИК Союза ССР утвердила решение III съезда Советов Таджикистана об образовании Таджикской ССР и постановила распространить действие договора об образовании Союза ССР на Таджикскую ССР². В марте 1931 года IV съезд Советов ССР утвердил решение ЦИК и принял Таджикскую ССР в состав Союза ССР.

III Чрезвычайный съезд Советов в постановлении об образовании Таджикской ССР поручил Правительству Республики разработать республиканскую Конституцию, соответствующую новому правовому статусу Таджикистана и представить проект на рассмотрение сессии ЦИКа³. Подготовленный проект Конституции был представлен на рассмотрение IV съезда Советов Таджикской ССР, который 25 февраля 1931 г. утвердил Конституцию Таджикской ССР⁴. Редактирование Конституции затянулось до декабря 1932 г. и лишь постановлением Президиума ЦИК Таджикской ССР от 20 декабря 1932 г. Конституция была опубликована в печати.

В таджикской юридической литературе по поводу нового правового статуса Таджикистана и содержания Конституции 1929 г. высказано немало прелестных, если не сказать – высокопарных, слов и оценок в определенной мере являющихся своеобразной модификацией одного из тезисов отчетного доклада правительства республики на четвертом Всетаджикском съезде Советов о том, что «образование седьмой союзной республики явилось результатом правильно проводимой ленинской национальной политики, политики укрепления национальных республик, проведения в жизнь принципа национального равноправия...» или постановления ЦК КП Таджикистана «О пятидесятилетии образования Таджикской ССР и Коммунистической партии Таджикистана, в котором

¹ См: История Таджикской ССР/ Под общ.ред. Б.А. Антоненко. Изд. 2-е, перераб. и доп. – Душанбе: Маориф, 1983. – С.223.

² Постановление второй сессии ЦИК СССР 5-го созыва «О непосредственном вхождении в состав Союза ССР Таджикской Союзной ССР» // СЗ СССР. – 1929. – №75. – Ст.717.

³ Съезды Советов в документах. 1917-1937 гг. – М., 1965. – Т.VII. – С.694.

⁴ Там же. – С.661.

отмечалось, что «Этот исторический акт имел неоценимое значение для ускорения социалистического строительства, развития экономики и культуры республики, для становления таджикской социалистической нации»», а «Образование Таджикской Советской Социалистической Республики, как и других братских республик нашей Родины, явилось живым воплощением революционного дела Великого Октября и занимало собой поворотный пункт в исторических судьбах таджикского народа»¹.

Если отбросить политическую фразеологию, то, действительно, статус союзной республики значительно повышал возможности Таджикистана в решении экономических и, в известной степени, национальных вопросов, поскольку избавлял от необходимости сверять принимаемые решения, включая расстановку национальных кадров, с одновременной оглядкой и на Москву, и на Ташкент.

В 30-е годы республиканские конституции объективно не могли не повторять имеющийся «эталон» - Конституцию СССР и сколь ни будь заметно отличаться от нее в регулировании важнейших институтов государственности: организации центральной и местной власти, законотворчества, избирательной системы.

Например, действовавшая в то время Конституция СССР 1924 года в девятой главе – «О союзных республиках» - фиксировала саму систему органов власти (Съезд – Центральный Исполнительный Комитет – Совет Народных Комиссаров). При этом состав СНК республик определялся исчерпывающим образом, что не оставляло республикам свободы маневрирования и жестко соответствовало разделению компетенции между СССР и его субъектами. «Типовое» правительство республики включало в себя: председателя СНК, заместителей председателя, председателя ВСНХ, народных комиссаров земледелия, финансов, продовольствия, труда, внутренних дел, юстиции, рабоче-крестьянской инспекции, и т.д.

Мы не случайно выше употребили термин «типовое» правительство, поскольку в отдельных республиканских конституциях набор и наименование комиссариатов мог не совпадать. Например, в Конституции Таджикской ССР 1931 г. вместо ВСНХ упоминается Государственная плановая комиссия, вместо наркомата внутренней торговли – наркомат снабжения. Нет наркомата внутренних дел, но есть Главное управление милиции и угрозыска (ст.48). Но в новой редакции Конституции (редакция 1935 г.²) наименования республиканских наркоматов соответствуют «типовым» требованиям. Новая редакция устранила и сохранившуюся еще со времен Конституции 1929 г. новеллу о суверенных правах республики. Правда, ст. 27 Конституции 1931 г. была более выдержанной, чем предыдущая – о суверенности государственной власти речь не шла, констатировалось лишь, что «Таджикская ССР, входя на правах

¹ См: Съезды Советов в документах. 1917-137 гг. – М., 1965. – Т.VII. – С. 652 // Коммунист Таджикистана. – 1973. –15 июля.

² Новая редакция Конституции утверждена в январе 1935 г. пятым съездом Советов ТАСС. См: История государства и права. Кн. 2. Советское государство и право в период строительства социализма. – М.: Наука, 1968. –С.216

полноправного члена в Союз Советских Социалистических Республик». Но и столь осторожная формулировка в редакции 1935 г. уже отсутствует.

Если действительно не прельщаться «конституционной внешностью», то не трудно заметить, что многие положения Конституций СССР и Конституций союзных республик были «конституционной фальшью». Так, ст.2 Конституции Таджикской ССР 1937 г. в целом верно отражала важнейший исторический итог пути, пройденного республикой за эти годы – воссоединение искусственно разъединенных частей таджикского народа и формирование его реальной национальной государственности.

Важнейшим признаком государственности являлось то, что каждая союзная республика вне пределов компетенции Союза, осуществляла государственную власть самостоятельно, Таджикская ССР как союзная республика имела свою Конституцию, которая могла устанавливаться, изменяться и дополняться только Верховным Советом республики (ст. 15 Конституции Таджикской ССР 1937 г.¹, ст.14. Конституции СССР 1936 г.).

Конституция Таджикской ССР устанавливала, что верховный Совет Таджикской ССР является полновластным органом государственной власти союзной республики, а Таджикская ССР – это *суверенное государство*. В СССР, провозглашалось в Конституции, как в советском социалистическом союзном государстве совместимы суверенитет союза и суверенитет союзных республик в пределах, установленных ст.14 Конституции СССР, причем суверенитет республики охраняется и гарантируется суверенитетом СССР. Ст.14 Конституции Таджикской ССР закреплял высшее суверенное право Таджикской республики – право на свободный выход из состава СССР и это право подтверждалось ст.17 Конституции СССР.

Таджикская ССР обладала собственной территорией, без согласия республики ее территория не могла быть изменена (ст.16). Таджикская ССР являлась субъектом международного права. Она имела право вступать в непосредственные отношения с иностранными государствами, заключать с ними соглашения, обмениваться дипломатическими и консульскими представителями. Кроме того, Таджикская ССР имела право создавать свои республиканские войсковые формирования².

Можно говорить и о наличии республиканской законодательной власти, разумеется, с учетом того, что в СССР отвергался сам принцип разделения властей. По Конституции ТССР вся законодательная власть была сконцентрирована в Верховном Совете³. Он ведал законодательством об

¹ Утверждена 1 марта 1937 г. Чрезвычайным шестым съездом Советов ТССР.

² Эти права союзных республик, в том числе ТССР, были зафиксированы решением X сессии Верховного Совета СССР 1 февраля 1944 года. См.: История Советского государства и права. Кн. 3. Советское государство и право накануне и в годы отечественной войны (1936-1945 гг.). – М.: Наука, 1985. – С. 344-345.

³ Верховный Совет Таджикской ССР как высший орган государственной власти осуществлял кроме того все права, которым обладала Таджикская ССР, поскольку они не входят в полномочия подотчетных ему республиканских органов – Президиума

устройстве судов республики, принимал гражданский, уголовный и процессуальный кодексы, кодексы о труде, браке, семье, устанавливал порядок пользования землей, недрами, лесами и водами, утверждал границы и районное деление ГБАО, разрешал вопросы областного, краевого административно-территориального устройства, утверждал образование или ликвидацию районов, городов, поселков и кишлачных Советов и устанавливал их границы. Перечисленные ведущие атрибуты национальной государственности, включая установление государственных символов – Государственный герб, Государственный флаг, Государственный гимн, развивала и закрепляла и Конституция Таджикской ССР 1978 г.

Как уже отмечалось, от конституции к конституции совершенствовалось их технико-юридическое оформление, расширялся предмет конституционно-правового регулирования и набор конституционно-правовых институтов. Если, например, в Конституции Таджикской ССР 1937 г. было 12 глав (Общественное устройство; Государственное устройство; Высшие органы государственной власти Таджикской ССР; Органы государственной власти Горно-Бадахшанской автономной области; Местные органы государственной власти; Бюджет Таджикской ССР; Суд и прокуратура; Основные права и обязанности граждан; избирательная система; Герб, флаг, столица; Порядок изменения Конституции), то в Конституции 1978 года их насчитывалось уже 21, в том числе такие, как «Политическая система», «Экономическая система», «Социальное развитие и культура», «Внешнеполитическая деятельность и защита социалистического Отечества».

Если говорить о системе защиты конституционного строя и конституционализме, то именно в советский период был создан наиболее изощренный и по своему действенный механизм функционирования государственных институтов, в том числе политической юстиции, обеспечивающий незыблемость конституционно легитимной власти¹.

Нетрудно заметить, что в наборе перечисленных содержательных элементов советского конституционализма, мы при всем желании не обнаружим, например, *реальную* свободу личности; сформированное *общественное сознание*, построенное на убежденности не только о пользе институтов власти и государственных законов, их оформляющих, но и в возможности достижения социальной справедливости и защиты обоснованных интересов посредством своих действий и шагов властей, основанных на нормах права; *связанности государства* и общества правом,

Верховного Совета Таджикской ССР, Совета Министров и министерств республики (Ст.20.22).

¹ См: Аврутин Ю.Е. Полиция и милиция в механизме обеспечения государственной власти в России: теория, история, перспективы. –СПб.: Изд-во «Юридический центр Прогресс», 2003; Кудрявцев В.Н., Трусов А.И. Политическая юстиция в СССР. – СПб.: Изд-во «Юридический центр Прогресс», 2002.

законом; *уважения* граждан и должностных лиц к действующим в государстве законодательным актам¹.

Но, напомним еще раз нашу позицию: конституционализм – это некий идеал, к которому должно стремиться государственно-организационное общество, идущее по пути социального прогресса. Несмотря на все успехи «коммунистического строительства» и декларируемые политические лозунги об интернационализме, формировании единой социальной общности «советский народ» и т.д. Советский Союз и его лидеры избрали тупиковый и регрессивный путь развития, а не путь социального прогресса. Иначе и не может оцениваться деятельность государства, которое, например, в ходе своего национально-территориального строительства произвольно перекраивало карту страны, игнорируя исторически сложившиеся ареалы расселения тех или иных народностей, уничтожало национальную элиту, субэтносов, объявляло отдельные народы предателями и изменниками. Советский конституционализм, в том числе Конституция СССР и Конституции союзных республик были политической ширмой, политическим декором тоталитарной государственности, а тоталитаризм по определению не может быть прогрессивным. Тупиковый и регрессивный путь развития советской государственности делает понятным ту легкость, с которой СССР распался как геополитическая и правовая реальность.

¹ См: Баранов В.М. Теневое право. – Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2002; Аврутин Ю.Е., Гуляев А.П., Егоршин В.М., Сальников В.П., Шапиев С.М. Преступность, общество, государство: Проблемы социогенеза. Опыт междисциплинарного теоретико-прикладного исследования. – СПб., 2002.

САЛЬНИКОВ Виктор Петрович,
Главный редактор – Председатель
редакционного совета журнала
«Юридическая наука: история и
современность», доктор юридических наук,
профессор, Заслуженный деятель науки
Российской Федерации, Почетный работник
высшего профессионального образования
Российской Федерации,

РОМАНОВСКАЯ Вера Борисовна,
Заведующая кафедрой теории и истории
государства и права Нижегородского
государственного университета им
Н.И.Лобачевского, доктор юридических наук,
профессор

ПРЯМОЕ ДЕЙСТВИЕ АКТОВ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА: НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Проблематика права человека не теряет своей актуальности уже несколько десятилетий. В странах западного мира, а теперь все чаще – и восточного, вопросы прав человека и их защиты со стороны государственно правовой системы поднимаются на уровне теоретической и практической юриспруденции. Правотворческая и правоприменительная деятельность цивилизованного государства исходит из приоритета прав и свобод личности¹. Однако, существуют определенные проблемы относительно интерпретации ряда положений и расхождение во мнениях о некоторых соматических правах личности. Можно, в частности, указать на различное понимание природы брачных отношений, трансгендерных, межполовых правах, интересов сексуальных меньшинств и тому подобных

¹ Александров А. «Высшая цель - человек» // Российская Федерация сегодня. – 2012. – № 23. Декабрь. – С.10–11;

Булатов Р.Б., Каюмов Д.Р. Гражданин как высшая ценность конституционно-демократического, гражданского общества // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2006. – №2. – С.118-122; Сальников В.П. Право и свобода в качественной иерархии ценностей личности // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – 2006. – №9. – С.6–15; Сальников В.П., Сальников М.В. Правовая культура и правовая традиция в их категориальном соотношении и понимании // Правовое государство: теория и практика. – 2014. – №3 (37). – С.13–19; Сальников В.П., Цмай В.В. Современная система защиты прав человека // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1999. – №1. – С.82; Сальников В.П., Цмай В.В. Современная система защиты прав человека // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1999. – №1. – С.82; Сальников М.В. Равноправие граждан пред законом как условие стабильности общества // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2003. – №1 (17). – С.103–104; Сальников М.В. Равноправие граждан перед законом и правовое государство // Вестник Удмуртского государственного университета. – 2000. – № 2. – С.17.

явлениях. Это связано с различными культурно-правовыми традициями в странах Запада и России, преодоление которых в обозримом будущем вряд ли возможно¹.

По мнению большинства российских обывателей и ученых неприемлемым является насаждение чуждых нашей культуре институтов, поскольку это может привести к разрушению религиозно-духовной культуры и правосознания граждан². Надо учитывать, что для российской юриспруденции вопрос ценностного содержания права, его нравственной ориентации является отнюдь не риторическим³.

Конституция Российской Федерации в п. 4 ст. 15 указывает, что общепризнанные принципы и нормы международного права являются

¹ Сальников В.П., Сальников М.В. Национально-этнические ценности в правовой культуре и политико-правовых традициях // Вестник Башкирского университета. – 2014. – Том 19. – №3. – С.950–956; Сальников В.П., Сальников М.В. Правовая культура и правовая традиция в их категориальном соотношении и понимании // Правовое государство: теория и практика. – 2014. – №3 (37). – С.13–19; Сальников В.П., Сальников М.В. Правовая культура и политико-правовые традиции в контексте абсолютных ценностей // Юридическая мысль. – 2014. – №4 (84). – С.70–86; Сальников М.В. Геополитические, экономические и социо-культурные факторы в контексте становления и динамики развития национальной политико-правовой традиции в России // Правовое поле современной экономики. – 2012. – №11. – С.47–66; Сальников М.В. Западная традиция права: политико-правовые ценности и идеалы // Мир политики и социологии. – 2013. – № 10. – С. 169-173.; Сальников М.В. Политико-правовая традиция, правовая культура и правовая система: к вопросу о соотношении категорий // Мир политики и социологии. – 2012. – №9. – С.153–156; Сальников М.В. Политико-правовая традиция и правовая культура общества: соотношение в теоретическом правоведении и юридической практике // Мир политики и социологии. – 2013. – №9. – С.169; Сальников М.В. Политико-правовая традиция как фактор, детерминирующий специфику национальной правовой системы // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – №9. – С.174–192; Сальников М.В. Политико-правовая традиция: социальный феномен и категория теоретического правоведения // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – №11. – С.161–166; Сальников М.В. Развитие русской отечественной мысли конца XIV – начала XVI века // История государства и права. – 2005. – №1. – С.49; Сальников М.В. Традиционализм как политико-правовой феномен: методология познания и исследования // Мир политики и социологии. – 2012. – №11. – С.169–179;

² Захарцев С.И. Право и истина // Мир политики и социологии. – 2012. – №9. – С.146–152; Захарцев С.И. Правосознание: понятие и уровни // Правовое поле современной экономики. – 2012. – №2. – С.48–53; Сальников В.П., Сальников М.В., Биктасов О.В. Онтологическо-правовые основания гражданского сознания // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2005. – №3. – С.7–13;

³ Жданов П.С., Романовская В.Б. К проблеме ценностного содержания современного права // Российская юстиция. – 2011. – №6. – С.47; Захарцев С.И. Профессиональная деформация правосознания сотрудников полиции, судей и прокуроров // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2013. – №4 (9). – С.335–343; Сальников В.П. Правовая культура как фактор стабилизации современного российского общества // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. – 2001. – №1. – С.187; Сальников В.П., Сальников М.В. Правовая культура и политико-правовые традиции в контексте абсолютных ценностей // Юридическая мысль. – 2014. – №4 (84). – С.70–86.

составной частью российской правовой системы; если международным договором России предусмотрены иные правила, чем федеральным законом, то применяется международный договор.

Во исполнение этого положения Конституции в Федеральном законе «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» указывается, что Россия признает юрисдикцию Европейского суда по правам человека в вопросах применения и толкования Конвенции. Таким образом, Российская Федерация признала для себя обязательным то толкование Конвенции, которое дает Европейский суд, что необходимо для единообразного подхода к применению Конвенции¹.

На основании норм указанного закона некоторые ученые стали делать вывод о возможности непосредственного применения постановлений Европейского суда по правам человека в правоприменительной практике. Свое развитие данное мнение получило в постановлениях Пленума Верховного суда РФ и Конституционного суда РФ. Таким образом, доктрина российского права и судебная практика вводят в российскую правовую систему в качестве нормы международного права постановления международного суда².

Как следствие, в настоящее время большое значение приобретает выявление основных свойств постановлений Европейского суда по правам человека и определение их места в российской правовой системе. Европейский суд по правам человека, рассмотрев жалобу на нарушение прав и свобод, гарантированных Конвенцией о защите прав человека и основных свобод, выносит постановления.

¹ Федеральный закон «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – №14. – Ст.1514; Бондарь Н.С. Конвенционная юрисдикция Европейского суда по правам человека в соотношении с компетенцией Конституционного суда Российской Федерации // Журнал российского права. – 2006. – №9; Воронцова И.В., Соловьева Т.В. Постановления Европейского суда по правам человека в гражданском процессе Российской Федерации. – М., 2009; Воскобитова М.Р. Стандарты Европейского суда по правам человека и российская правоприменительная практика. – М., 2005; Европейский суд по правам человека: Методические материалы / Под общ. ред. Л.В. Тумановой. – Тверь: ТверскГУ, 2001. – 167 с; Ковлер А.И. Европейское право прав человека и Конституция России // Журнал российского права. – 2004. – №1; Колобов М. Решения Европейского Суда по правам человека: правовые последствия для государств-членов Совета Европы // Стандарты Совета Европы и Конституция Российской Федерации. - М., 2006; Маранов Р.В. Практика Европейского суда по правам человека по делам о свободе совести. – М., 2009; Марченко М.Н. Юридическая природа и характер решений Европейского суда по правам человека // Государство и право. – 2006. – № 2; Султанов А.Р. Европейские правовые стандарты, уроки истории и правоприменительная практика / Предисловие А.И. Ковлера. – М.: Статут, 2012. – 335 с.; Туманова Л.В., Владимирова И.А. Защита семейных прав в Европейском суде по правам человека. – М., 2007.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ №5 от 10 октября 2003 г. «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2003. – №12.

Необходимо отметить, что Конвенция предусматривает ряд условий, которым постановления должны соответствовать. Конвенция определяет содержание решения и способ его принятия. Это означает, что постановление, принятое с нарушением данных требований, не может считаться вынесенным законно, и заявитель должен иметь возможность обжаловать такое постановление в Большую палату, которая выполняет функции апелляционного органа Европейского суда. Однако ни Конвенция, ни регламент суда не предусматривают такого основания обжалования постановлений Европейского суда.

Постановления Суда обладают следующими свойствами: имеют открытый характер; официально публикуются, любое интересующееся лицо может с ними ознакомиться; имеют окончательный характер. Это означает, что вступившее в законную силу постановление не может быть пересмотрено, оно подлежит безусловному исполнению. Важной характеристикой данного источника является его прецедентный характер.

Необходимо отметить, что прецеденты Европейского суда по правам человека обладают рядом особенностей по сравнению с «классическим» прецедентом. Так, например, Суд не связан доктриной прецедента, то есть он не обязан следовать своим же решениям, однако пересмотр сложившейся практики, ее кардинальное изменение лежат не в сфере компетенции палат Суда, а в сфере компетенции Большой палаты, то есть это является исключительным обстоятельством.

Важно отметить и то, что Суд не связан субъектным составом или фактическими обстоятельствами при применении прецедента. Он не нуждается в обосновании применения прецедента, поскольку применяет не норму права, а правовой стандарт, который обособлен от конкретных жизненных ситуаций и формируется не с учетом обстановки происшедшего события, хотя и она учитывается Судом, а с учетом «духа» Конвенции. Важно отметить еще одну особенность подобных решений – они имеют декларативный характер. Это означает, что суд лишь объявляет нарушение Конвенции, но не уточняет, какие именно меры индивидуального или общего характера (кроме справедливой компенсации) необходимо предпринять государству для устранения данного, а также всех возможных подобных нарушений Конвенции¹.

Европейский суд действует на основе принципа субсидиарности (то есть он является «дополнением» к национальному правосудию), его деятельность ограничивается лишь вопросами применения и толкования Конвенции. Кроме того, Суд большое внимание уделяет доктрине «свободного усмотрения» (*the margin of appreciation*), в соответствии с которой государства – члены Совета Европы обладают большой свободой усмотрения в отношении мер, необходимых для исполнения своих обязательств по Конвенции.

¹ Колобов М. Решения Европейского Суда по правам человека: правовые последствия для государств-членов Совета Европы // Стандарты Совета Европы и Конституция Российской Федерации. – М., 2006.

Постановления Европейского суда по правам человека обладают и таким свойством, как прямое действие в национальных правовых системах многих государств – участников Конвенции.

Данное утверждение представляется спорным. В соответствии с Конституцией РФ только международные договоры являются частью российской правовой системы. ФЗ «О международных договорах РФ» в п. 3 ст. 5 предусматривает возможность непосредственного применения международных договоров при наличии определенных условий: первое, договор должен быть официально опубликован и, второе, договор не требует издания внутригосударственных актов для применения.

Кроме того, в соответствии с ч. 3 ст. 15 Конституции, в Российской Федерации не могут применяться законы, а также любые иные нормативные правовые акты, затрагивающие права, свободы, обязанности человека и гражданина, если они не опубликованы официально для всеобщего сведения. В соответствии с указанным конституционным положением суд не вправе основывать свое решение на неопубликованных нормативных актах, затрагивающих права, свободы, обязанности человека и гражданина. Стоит отметить, что к таким актам относятся постановления Европейского суда по правам человека.

Суд в своих постановлениях определяет содержание, объем прав и свобод физических и юридических лиц, а также дает заключение о правомерности или неправомерности тех или иных действий государства в сфере прав человека. Однако данные акты не подлежат официальному опубликованию, они даже не подлежат переводу на русский язык. Поэтому складывается ситуация, когда акт, не получивший всенародного ознакомления, вводится в правовую систему России и действует непосредственно. В связи с этим, не отрицая значения постановлений Европейского суда по правам человека, представляется необходимым закрепить механизм имплементации постановлений Суда в российскую правовую систему.

Например, особое внимание следует уделить такой форме применения постановлений Европейского суда по правам человека, как пересмотр внутренних судебных решений. Стоит отметить, что такое возможно только в случае, если в процессуальное законодательство стран внести соответствующие изменения. В данном аспекте прямое действие постановлений Европейского суда весьма ограничено и зависит от воли государства. В Российской Федерации подобные изменения были внесены в действовавшее уголовно-процессуальное и арбитражно-процессуальное законодательство.

Так, ст. 413 УПК определяет возможность возобновления производства ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств, одним из которых является установление Европейским судом нарушения Конвенции о защите прав и основных свобод при рассмотрении судом Российской Федерации уголовного дела. Причем пересмотр уголовного дела по данному основанию осуществляется Президиумом Верховного суда РФ, а его полномочия исчерпываются изменением или отменой приговора.

Таким образом, оставить приговор без изменения, если установлено нарушение Конвенции, то есть вынесено постановление Европейского суда, Верховный суд России не может. Аналогичное основание для пересмотра судебных актов по вновь открывшимся обстоятельствам содержит ст. 311 Арбитражного процессуального кодекса России. Однако гражданское процессуальное законодательство не предусматривает возможности пересмотра судебных актов ввиду объявления нарушения положений Конвенции при отправлении правосудия по гражданским судам.

Большое сомнение вызывает возможность применения постановлений Европейского суда *contra legem*, то есть вопреки действующему внутреннему законодательству. Это наталкивается на ряд трудностей. Так, в соответствии с ч. 4 ст. 15 Конституции РФ если международным договором предусмотрены иные правила, чем действующим национальным законодательством, то приоритет имеют нормы международного договора.

Необходимо отметить, что по смыслу ФЗ «О международных договорах РФ» только сама Конвенция является международным договором. Поэтому, исходя из буквального смысла Конституции, постановления Европейского суда не обладают приоритетом по сравнению с национальным правом. Это подтверждается также теорией международного права, которая, основываясь на ст. 34 Статута Международного суда, относит решения международных судебных органов не к основным источникам права, а только к вспомогательным, которые помогают установить смысл нормы международного права¹.

С другой стороны, правовые позиции Европейского суда по правам человека, изложенные в его постановлениях, являются неотъемлемой частью Конвенции о защите прав человека. Это подтверждается как практикой самого Суда, Постановлением Верховного суда РФ «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права», так и правоведами в области прав человека.

В частности, Постановление Пленума Верховного суда РФ «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» в пункте 10 указывает: «применение судами вышеназванной Конвенции должно осуществляться с учетом практики Европейского суда по правам человека во избежание любого нарушения Конвенции о защите прав человека и основных свобод». Стоит указать также на Постановление Конституционного суда РФ № 2-П, в котором указывается на необходимость обеспечить прямое действие постановлениям Европейского суда².

¹ Федеральный закон «О международных договорах Российской Федерации» от 15.07.1995 г. // Российская газета. – 1995. – №140.

² Постановление Конституционного Суда от 5.02.2007 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности положений ст. 16, 20, 112, 336, 376, 377, 380, 381, 382, 383, 387, 388 и 389 ГПК РФ в связи с запросом Кабинета министров Республики Татарстан, жалобами ОАО «Нижнекамскнефтехим» и «Хакасэнерго», а также жалобами ряда граждан» //

В частности, п. 2.1. Постановления определяет следующее: «как и Конвенция о защите прав человека и основных свобод, решения Европейского суда по правам человека – в той части, в какой ими, исходя из общепризнанных принципов и норм международного права, дается толкование содержания закрепленных в Конвенции прав и свобод, включая право на доступ к суду и справедливое правосудие, – являются составной частью российской правовой системы, а потому должны учитываться федеральным законодателем при регулировании общественных отношений и правоприменительными органами при применении соответствующих норм права».

Таким образом, постановление Европейского суда по правам человека представляет собой декларацию (объявление) о наличии или отсутствии нарушения Конвенции о защите прав человека и основных свобод, обязательную для исполнения государством, в отношении которого она вынесена, и имеющую прямое действие в национальных правовых системах государств – участников Конвенции, а в некоторых случаях влекущую пересмотр судебных актов, вынесенных национальными судами по предмету жалобы в отношении заявителя. Вместе с тем, это постановление должно быть созвучно конституционным ценностям национального государства. Российская Конституция в любых случаях коллизии национальной и международной правовых систем защищает права российского человека и гражданина.

РОМАШОВ Роман Анатольевич, начальник Самарского Юридического института Федеральной службы исполнения наказаний России, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки России генерал-майор внутренней службы

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СТРУКТУРИРОВАНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В КОНТЕКСТЕ ПОСТСОВЕТСКОГО КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА

1. Постсоветский конституционализм как культурно-правовое явление

Для современного цивилизованного мира в качестве оптимальной признается система, в рамках которой социально-политическое устройство и наиболее значимые общественные отношения строятся в соответствии с теоретической моделью конституционализма. Данная модель предполагает понимание конституционализма в трех смысловых значениях. Во-первых, конституционализм рассматривается в качестве совокупности закрепляемых на конституционном уровне ценностных детерминант с признанием и уважением которых связывается оценка общества в качестве цивилизованного. Во-вторых, конституционализм представляется как политико-правовой режим, включающий в качестве составных элементов закрепляемые на конституционном уровне общезначимые правила, в соответствии с которыми осуществляется формирование и функционирование аппарата государственной власти, а также юридические механизмы посредством которых обеспечивается подчинение действующим правилам всех субъектов социально-политических отношений, в том числе и самих представителей государственной власти. Наконец, в-третьих, конституционализм выступает в качестве идеальной модели взаимодействия государства и общества, в рамках которой обеспечивается достижение баланса публичных, частных и корпоративных интересов и определяются перспективные направления прогрессивного развития социально-политической организации сообщества¹.

В подобном плюралистическом «ракурсе» конституционализм рассматривается преимущественно в западной политико-правовой науке. Что же касается отечественной юриспруденции, то для нее в большей степени характерными являются научные подходы, в рамках которых формируется представление о конституционализме как о системе взглядов на структуру и содержание конституции, место и роль конституции в системе источников права, а также о юридическом механизме разработки, принятия и реализации Основного закона государства. Не отрицая важность и научную значимость данного подхода, все-таки, следует

¹ См.: Ромашов Р.А. Конституция России и современный российский конституционализм //История Конституции России: хрестоматия /под ред. Р.А. Ромашова. – СПб.: СПбГУП, 2013. – С.287.

отметить его узость, поскольку сведение конституционализма к совокупности знаний о конституции не позволяет, либо, по крайней мере, существенным образом усложняет комплексную характеристику данного феномена.

По мнению автора, в современной России сформировалась модель конституционализма в большей степени присущая не странам Западной демократии, а народно-демократическим режимам, имевшим место в условиях советского периода. К примеру, в условиях ГДР и ПНР наряду с партиями монополистами коммунистического типа существовали и карликовые партии, которые не могли претендовать, на сколько-нибудь, серьезные властные полномочия, однако, позволяли говорить о наличии многопартийной системы. Сложившаяся ситуация для России как это ни парадоксально является скорее прогрессом нежели регрессом. Просто история в очередной раз доказала невозможность «большого прыжка» в области пресловутой социальной ментальности. «Если западноевропейские государства десятилетиями строили свои правовые системы, то их восточные соседи за короткий срок попытались достигнуть сравнимого с ними результата»¹. Неудивительно, что общественное сознание большинства россиян, сформировавшееся в условиях «казарменного социализма» не только не готово к жизни в условиях реальной демократии, но и боится этой жизни, воспринимая ее идеологов и наиболее успешных (в смысле обладания крупными капиталами) представителей, как преступников виновных в расхищении общего богатства и, как следствие массовом обнищании населения. При этом ОЛИГАРХ в современном русском языке, такое же ругательное слово, которым для советского обывателя было СПЕКУЛЯНТ. И тот и другой строят свои состояния за счет «ограбления» трудового народа. Соответственно борьба с олигархами и последствиями «грабительской» приватизации, равно как и противодействие коррупции становится традиционной пиаровской акцией предвыборного периода. Вместе с тем невозможность моментального перерождения социализма в капитализм, не должна рассматриваться как доказательство неудачи демократических преобразований. В современной России в настоящий момент сложилась система, которая с определенной долей условности может быть названа «постсоветским конституционализмом». Характерными чертами данной системы является сочетание признаков патримониального социализма и либертарной демократии. От первой системы мы в настоящий период имеем огромный бюрократический аппарат, представители которого наделенные многочисленными льготами и привилегиями используют свои властные полномочия в основном для того, чтобы сохранить и приумножить собственную власть, рассматриваемую в качестве

¹ Дудко И.Г. Проблемы конституционного развития постсоветских государств //Конституция и демократия: взгляд в будущее: материалы и доклады IX Международной научно-практической конференции (Самара, 29 мая – 2 июня 2013 г.) /под ред. В.В. Полянского, В.Э. Волкова. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2013. – С.61.

действенного средства реализации собственных эгоистических интересов и, что тоже не маловажно обеспечивающую юридический иммунитет соответствующих субъектов. Кроме того, наследием социалистической системы является общественное сознание, ориентированное на социальный паразитизм, когда государство начинает рассматриваться как некая отстраненная от рядового гражданина абстракция к которой обращены надежды и чаяния населения «государство должно обеспечить, защитить, гарантировать» и т.п. Вместе с тем, наряду с «пережитками социализма» в современной России существуют и прогрессивные тенденции, прежде всего связанные с капитализацией хозяйственных отношений, формированием гражданского общества и вхождением страны в мировое сообщество. Сочетание в рамках современного отечественного конституционализма двух противоположно направленных тенденций предполагает выделение двух возможных направлений эволюции данного феномена.

В качестве основных направлений эволюции постсоветского конституционализма могут с примерно одинаковой вероятностью рассматриваться два варианта:

а) постепенное «сворачивание» фактической демократии и формирование в стране «корпоративно-бюрократического капитализма». Для данной формы характерным будет наличие не общегосударственной (как в условиях государственной патримонии), а корпоративной собственности сосредоточенной непосредственно у обладающей властными полномочиями бюрократической элиты и обеспечиваемой всей силой государственного принуждения;

б) сохранение и постепенное расширение демократических преобразований, связанное, прежде всего с формированием культуры признания и уважения прав и свобод человека и гражданина, а также с укреплением гражданского общества как социально-правового основания либертарного конституционализма западного типа.

Наличие указанных противоположных векторов развития, актуализирует проблему выбора пути, по которому должна идти Россия. По образному выражению В.Д. Зорькина этот путь лежит «между Сциллой чиновничьего произвола и Харибдой анархического безвластия»¹.

2. Проблемные аспекты организации и деятельности органов внутренних дел в условиях постсоветского конституционализма

Рассмотрение конституционализма в качестве комплексной теоретико-прикладной концепции определяющей основополагающие принципы и устанавливающей базовые критерии государственного устройства, актуализирует проблему структурирования и функционирования органов внутренних дел, существующих и действующих в неразрывной связи с деятельностью государства.

В СССР понятия органы внутренних дел и структурные подразделения Министерства внутренних дел, были практически тождественными. Министерство внутренних дел, представляло собой

¹ Зорькин В.Д. Конституционно-правовое развитие России. – М.: Норма: ИНФРА, 2011. – С.565.

систему органов (подразделений) внутренних дел осуществлявших функции в сфере профилактики и борьбы с преступностью, осуществления паспортного и миграционного контроля, обеспечения противопожарной безопасности, исполнения уголовно-правовых наказаний и др. При этом система органов внутренних дел, с одной стороны строилась по принципу иерархии и единоначалия, а с другой являлась многофункциональным комплексом в полном смысле слова осуществлявшим контроль за состоянием «внутренних дел» государства.

Завершение советского периода государственного развития и обретение Российской Федерацией суверенитета, обусловило начало нового этапа государственного строительства. Из состава МВД были выведены органы пожарной охраны, миграционной службы, наркоконтроля, исполнения наказаний, которые получили собственный организационно-правовой статус (МЧС, ФМС, ФСКН, ФСИН). По сути, сейчас МВД это криминальная милиция, милиция общественной безопасности и внутренние войска. Причем и это не конец децентрализации. Имеется мнение о необходимости вывода из структуры МВД внутренних войск, которые будут преобразованы в национальную гвардию, подчиняющуюся непосредственно Верховному главнокомандующему – Президенту России.

Происходящие преобразования на практике привели к совершенно не оправданному увеличению числа управленческих аппаратов соответствующих структур, при том, что ни их функциональность, ни оперативная обстановка в сфере деятельности существенных изменений не претерпели. Простое сравнение, если в СССР на региональном (областном) уровне всеми «внутренними делами» занималось ГУВД, возглавляемое одним начальником, то сейчас в одной только Самарской области действуют ГУВД, ГУЧС, УМС, УФСКН, ГУФСИН. Количество лиц занимающих должности старшего и высшего начальствующего состава увеличилось в разы, а говорить о заметных позитивных тенденциях в соответствующих областях, к сожалению не приходится. Иными словами, для государства, содержание органов внутренних дел в условиях постсоветского конституционализма обходится значительно дороже, а эффективность их деятельности остается все еще недостаточной. Более того, серьезным образом осложнились вопросы, касающиеся межведомственного взаимодействия.

Так, к примеру, в настоящее время, функции по оперативному реагированию на случаи предполагаемых нарушений режима отбывания уголовно-правового наказания в виде ограничения свободы, а также по поиску вышедших из под контроля лиц возлагаются на уголовно-исполнительные инспекции (УИИ) Федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН) России. При этом сотрудники УИИ обязаны реагировать на сигналы о нарушении режима исполнения наказания независимо от времени их поступления и не взирая на угрозы для собственной безопасности. Однако, факт правонарушения, является основанием для действия полиции, сотрудники которой обязаны

осуществлять в данных случаях сопровождение сотрудников УИИ и в случае подтверждения факта правонарушения принимать соответствующие меры. Аналогичная проблема связана с деятельностью по доставлению лиц подвергаемых домашнему аресту в правоохранительные и судебные органы. Функция досудебного конвоирования лиц содержащихся в СИЗО, возложена на МВД, однако тождественная функция по сопровождению лиц содержащихся под домашним арестом исполняется УИИ. С учетом того, что большинство сотрудников УИИ женщины, а около 90% лиц находящихся под домашним арестом мужчины, причем более 50% которых подозреваются в совершении тяжких и особо тяжких преступлений, возникает реальная угроза безопасности сотрудников УИИ, требующая вмешательства со стороны МВД, провозглашающего охрану прав человека и гражданина в качестве основной цели своей деятельности.

Можно также говорить о проблемах взаимодействия применительно к таким аспектам служебной деятельности, как осуществлении оперативно-розыскной деятельности в учреждениях УИС, а также о розыске и задержании лиц осуществивших побеги из ИУ и СИЗО.

Во всех перечисленных проблемных моментах, недостатки взаимодействия оборачиваются снижением эффективности правоохранительной деятельности, а в некоторых случаях обуславливают неоправданные риски и, к большому сожалению, человеческие потери.

Подводя итог сказанному, следует подчеркнуть, что формирование на современном постсоветском пространстве системы правовой государственности и законности, носит долговременный характер и не возможно без четкого и слаженного взаимодействия подразделений и органов, которые в советский период входили в состав единого Министерства внутренних дел, а ныне относятся к различным государственным ведомствам и службам. От умения конкретных руководителей и сотрудников выйти за рамки узковедомственных интересов и осуществлять деятельность, направленную на выполнение общегосударственных целей и задач, в конечном итоге зависит практическое воплощение основополагающего конституционного принципа: фактического уважения и защиты прав и свобод человека и гражданина.

СТЕЦЕНКО **Семен** **Григорьевич,**
*заместитель начальника Института
уголовно-исполнительной службы Украины
по учебно-методической работе, доктор
юридических наук, профессор, член
корреспондент Национальной Академии
правовых наук Украины, Заслуженный
деятель науки и техники Украины*

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ МЕДИЦИНСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УКРАИНЕ

Два десятилетия существования Конституции Республики Таджикистан обоснованно позволяют подвести определенные итоги, проанализировать влияние Основного закона страны на непосредственное регулирование общественных отношений и обозначение векторов развития законодательства то мет или иным отраслям. В целом само название проводимой в Академии МВД Республики Таджикистан Международной научно-теоретической конференции «Конституционные аспекты современного состояния законодательства Республики Таджикистан» свидетельствуют о значимости Конституции в проектировании, создании и реализации текущего законодательства. По большому счету именно состояние реализации законодательства, преимущественно в контексте взаимодействия ветвей власти и степени гарантирования прав и свобод человека, позволяют констатировать действенность Конституции и ее реальное влияние на жизнь человека, общества и государства.

В этой связи автор надеется, что определенный опыт реализации Конституции Украины будет интересен и для таджикских коллег, которые занимаются различными направлениями правовой науки. В нашей стране Основной закон был принят позже, в 1996 году (это один из наиболее поздних примеров конституций постсоветских государств), как следствие длительных политических процессов согласований между различными субъектами законотворческой деятельности. Восемнадцать лет существования Конституции Украины дал большое количество примеров, свидетельствующих о более чем значительной роли этого нормативно-правового акта в деле государственного строительства и развития правовой базы. За это время Верховной Радой Украины четыре раза вносились изменения в текст Конституции:

– в 2004 году это был результат т.н. «померанчевой революции», когда президентско-парламентская республика была де-юре преобразована в парламентско-президентскую с усилением роли и значения Верховной Рады Украины в системе властных сдержек-противовесов;

– в 2011 году это был результат необходимости выполнения решения Конституционного Суда Украины по поводу признания неконституционными внесения вышеуказанных изменений 2004 года в связи с нарушением процедуры их принятия. Украина снова становится президентско-парламентской республикой;

– в 2013 году были внесены изменения в статью 98 Конституции Украины по поводу Счетной Палаты – ей предоставлено право осуществлять от имени Верховной Рады Украины контроль за поступлением средств в Государственный бюджет и их использованием;

– в 2014 году – внесение изменений в текст Основного закона страны и фактическое восстановление редакции Конституции Украины образца 2004 года, где Украина де-юре становится парламентско-президентской республикой.

В значительной степени конституционный правопорядок имеет отношение и к регулированию медицинской деятельности. Ключевые положения, которые посвящены вопросам охраны здоровья, сформулированы в статье 49, где, в частности, отмечается:

«Каждый имеет право на охрану здоровья, медицинскую помощь и медицинское страхование. Охрана здоровья обеспечивается государственным финансированием соответствующих социально-экономических, медико-санитарных и оздоровительно-профилактических программ. Государство создает условия для эффективного и доступного для всех граждан медицинского обслуживания. В государственных и коммунальных учреждениях здравоохранения медицинская помощь предоставляется бесплатно; существующая сеть таких учреждений не может быть сокращена. Государство способствует развитию лечебных учреждений всех форм собственности. Государство заботится о развитии физической культуры и спорта, обеспечивает санитарно-эпидемиологическое благополучие».

Казалось бы, в достаточной степени «мягкая, спокойная» формулировка, которая в значительной степени унаследована бывшими постсоветскими республиками уже в своих внутренних законодательствах. А советские нормы республиканских конституций во многом определялись правопорядком того времени. Как справедливо отмечает Р.А. Ромашов, в структуре советского права место основного института занял институт советского законодательства¹. В современных же условиях сама жизнь подсказала наличие определенных проблем в вопросах реализации и толкования определенных положений данной статьи. Существенную роль в деле актуализации медико-правовой проблематики в ее конституционно-правовом измерении сыграл Конституционный суд Украины – единственный в стране орган, который имеет право давать официальное толкование положений Конституции Украины.

Сегодняшнее состояние социально-экономического и политического срезом общественной жизни Украины подтверждают особую актуальность исследования вопросов, связанных с местом и ролью единственного органа конституционной юрисдикции в формировании и реализации государственной политики в сфере охраны здоровья граждан. Это связано со многими обстоятельствами, ключевыми из которых могут считаться:

¹ Ромашов Р.А. Проблема соотношения понятий «право» и «закон» в контексте исторического и юридико-лингвистического анализа: открытая лекция. – Киев, 2007. – С.11.

– особенности полномочий Конституционного суда Украины, который является важным элементом системы сдержек и противовесов;

– наличие исключительного права толкования Конституции и законов Украины, что обуславливает более значительную роль данного суда в дальнейшей нормотворческой и правоприменительной деятельности в сфере охраны здоровья граждан;

– правовые позиции Конституционного Суда Украины в «медицинских делах» способствуют формированию доктрины правового обеспечения медицинской деятельности;

– неоднозначное восприятие обществом ряда решений единственного органа конституционной юрисдикции в контексте обеспечения и защиты социальных прав человека вообще и прав в сфере здравоохранения в частности, что привело к фактическому торможению части реформ медицинской сферы Украины;

– целесообразность поиска путей выхода из проблем юридического обеспечения медицинской деятельности, руководствуясь тем обстоятельством, что решения Конституционного Суда Украины являются обязательными к выполнению на территории Украины, окончательными и не могут быть обжалованы.

Как примеры того, каким образом единственный орган конституционной юрисдикции выступает в качестве субъекта правового воздействия на государственную политику в сфере здравоохранения, отметим два:

1. Решение Конституционного суда Украины от 25 ноября 1998 года № 15-рп / 98 (дело о платных медицинских услугах) и от 29 мая 2002 года № 10-рп / 2002 (дело о бесплатной медицинской помощи).

2. Проблематика введения в Украине обязательного медицинского страхования, которая благодаря правовым позициям единого органа конституционной юрисдикции приобрела новые черты, которые вообще ставят под сомнение саму идею возможности введения данного вида страхования в Украине.

Относительно первого вопроса, то важно отметить, что данные решения по большому счету не стали «ключом» решения проблем восприятия гарантированной государством в статье 49 Основного закона Украины бесплатной медицинской помощи и применения действующего законодательства в отношении платных медицинских услуг. В частности, это касается таких обстоятельств как:

– абсолютность или относительность категории «бесплатность медицинской помощи» в контексте финансово-экономических возможностей государства и государственного финансирования учреждений здравоохранения. Здесь же важно осознать и дать надлежащую научно-экспертную и общественную оценку такой категории как «гарантированный государством объем бесплатной медицинской помощи»: это отход от абсолютизации положений статьи 49 Конституции Украины и «либерализация» подхода в социальных прав человека и обязанностей государства по их обеспечению?

– целесообразность дополнительного обоснования предложенного разделения терминов «медицинская помощь» и «медицинская услуга» как критерия бесплатности / платности в государственных и коммунальных заведениях здравоохранения, что приводит сегодня к попытке на уровне подзаконных актов расширить перечень того, за что может взиматься плата в медицинских учреждениях.

Что же касается проблематики введения в Украине обязательного медицинского страхования, то указанные ранее два решения Конституционного суда Украины существенно модифицируют восприятие такого важного фактора финансирования и организационно-правового обеспечения здравоохранения, которым является обязательное медицинское страхование. За счет чего достигается такое понимание роли единственного органа конституционной юрисдикции? Обстоятельств несколько:

– введение медицинского страхования как один из путей выхода из критической ситуации, которая сложилась с бюджетным финансированием здравоохранения, в мотивировочной части решения о платных медицинских услугах (с одной стороны) и невозможность взимания с граждан платы в форме обязательных страховых платежей, в мотивировочной части решения о бесплатной медицинской помощи (с другой). Фактически речь идет о целесообразности законодательного введения обязательного медицинского страхования, но без долевого участия самих застрахованных. Это более чем сомнительно, поскольку опыт ведущих стран мира, в которых существует данный вид страхования достоверно показывает: гражданин должен быть активным субъектом обязательного медицинского страхования, что проявляется среди прочего в уплате определенных взносов на страхование. В ином варианте введения обязательного медицинского страхования, оно в контексте наполнения фондов мало чем будет отличаться от бюджетного финансирования здравоохранения, которое в Украине существует сегодня. Кроме того, не стоит забывать о необходимости содействия на общегосударственном уровне ответственному отношению к своему здоровью со стороны самих граждан. Весомым фактором такого понимания должна стать частичная уплата страховых взносов со стороны самих граждан. Однако как компенсаторный механизм здесь должен действовать принцип: «в течение года не болел – платишь меньше»;

– более чем противоречивый характер понимания предписания части первой статьи 49 Конституции Украины «каждый имеет право на охрану здоровья, медицинскую помощь и медицинское страхование» как право каждого не обязательное, а добровольное медицинское страхование (мотивировочная часть решения по делу о бесплатной медицинской помощи). Такой вариант, как представляется, не является идеальным с позиций понимания социальных прав человека и с позиций попытки государства ввести обязательное медицинское страхование (сегодня констатируем наличие с 1996 года 15 законопроектов по этому вопросу). Какое же это право каждого, если его реализовать может только человек,

имеющий средства на приобретение полиса добровольного медицинского страхования? Ведь даже пример первой четверти XX века на первых этапах создания Советского государства свидетельствует, что 22 декабря 1918 года был принят декрет «О страховании на случай болезни», который провозглашал максимальный охват медицинским страхованием всех слоев трудящихся¹. А сейчас, спустя почти 100 лет, мы раздумываем о том, все ли гарантировать право на обязательное страхование.

Таким образом отметим, что Конституция Украины заложила ключевые основы регулирования медицинской деятельности в стране. В свою очередь, Конституционный суд Украины является важным субъектом правового воздействия на государственную политику в сфере здравоохранения. Осуществляя толкование Основного закона государства, принимая решение в «медицинских делах», Суд формирует доктрину правового обеспечения медицинской деятельности, указывает направления правотворчества и правоприменения.

¹ Сальников В.П., Стеценко С.Г. Регламентация медицины в России (историко-правовое исследование). – СПб., 2002. – С.58-59.

*АБДУХАМИТОВ Валиджон Абдухалимович,
заведующий кафедрой уголовного права
Российско-Таджикского (Славянского)
университета, кандидат юридических наук,
доцент*

ПРОФИЛАКТИКА РЕЛИГИОЗНОГО ЭКСТРЕМИЗМА В СФЕРЕ УЛИЧНОГО ПРОСТРАНСТВА

В последние годы как в мире, так и в Таджикистане все более остро встает общесоциальная и криминологическая проблема противодействия религиозному экстремизму. В настоящее время данный термин все чаще стал появляться на страницах газет, на радио, телевидении и в Интернете. Данное обстоятельство связано с ростом преступности экстремистской направленности, а также с увеличением количества всевозможных организаций данной направленности. Так, угроза экстремизма заняла одно из главных мест в общей системе угроз национальной безопасности Таджикистана, что нашло отражение в утвержденной Указом Президента Республики Таджикистан Концепции по борьбе с терроризмом и экстремизмом¹.

Экстремизм, отмечает Е.Е. Донника означает приверженность к крайним взглядам и мерам, склонность к решению возникающих проблем социального, политического, правового, экономического, экологического, национального характера не принятыми в обществе способами, средствами и методами².

Говоря об общественной опасности религиозного экстремизма как угрозы национальной безопасности следует отметить его связь с другими угрозами для безопасности страны, жизненно важных интересов личности, общества и государства. Опасность экстремизма для жизненно важных интересов личности, общества и государства связана в значительной мере с действием не только внутренних, но и внешних источников этого явления. Серьезная опасность религиозного экстремизма для Таджикистана непосредственно связана с активностью и многообразием его субъектов, как внешних, так и внутренних, многочисленностью основных течений - религиозного экстремизма, возникающих на основе целого ряда негативных социальных процессов, имеющих объективный и субъективный характер и обладающих достаточной устойчивостью.

В настоящее время религиозный экстремизм в Таджикистане молодеет и проявляется в форме активного участия молодежи в возрасте от 14 до 30 лет в неформальные организации (группировки). К числу таковых относятся: "Исламское движение Туркестана (ранее называлось Исламское

¹ Концепция РТ по борьбе с терроризмом и экстремизмом утвержденный Указом Президента Республики Таджикистан от 28 марта 2006 г. № 1717.

² Донника Е.Е. О некоторых проблемах противодействия экстремизму в России на современном этапе // Труды Академии управления МВД России. – 2008. – №3. – С.34.

движение Узбекистана (ИДУ)"¹, "Хизбут-Тахрир"², "Салафия"³, "Джамоати Таблиг"⁴, "Джамаат Ансаруллох"⁵ и др. Молодежный экстремизм обычно начинается с выражения пренебрежения к действующим в обществе правилам и нормам поведения или в их отрицании.

К числу основных факторов молодежного экстремизма в Таджикистане можно отнести: кризисные явления в экономической системе; кризис школьного и семейного воспитания; конфликты в семье и в отношениях со сверстниками; деформация системы ценностей; неадекватное восприятие педагогических воздействий; отсутствие жизненных планов.

Говоря об общественной опасности экстремистской деятельности, необходимо оценивать степень общественной безопасности, которые исходят из ряда экстремистских действий. Зачастую данные действия происходят на улицах городов и других общественных местах. Что касается криминологической характеристики экстремизма, то события

¹ В Таджикистане Исламское движение Узбекистана внесено в список запрещенных экстремистских и террористических организаций в 2001 году, его деятельность запрещена на территории республики Верховным судом.

² Точное полное название – «Хизбат-Тахрир аль-Ислами» (араб. – Исламская партия освобождения). В Таджикистане партия «Хизбут-Тахрир» внесена в список запрещенных экстремистских и террористических организаций в 2001 году, ее деятельность запрещена на территории республики Верховным судом.

³ В Таджикистане число сторонников салафия начала расти с 2000 года. Особо широкую популярность она приобрела в 2005 – 2008 годы, когда в ряде регионов Таджикистана, в частности и в Душанбе открылись мечети, где молитвы читались по салафитским методам. Считая новое явление угрозой единства религии и общества, в конце 2008 года движение Салафия было объявлено вне закона. В январе 2009 года по иску Генеральной прокуратуры Верховный суд Таджикистана внес движение Салафия в список запрещенных в Таджикистане организаций. В январе 2010 года Верховный Суд Таджикистана приговорил лидера таджикских салафитов Сироджиддина Абдурахмонова (эшони Сироджиддин) к семи годам лишения свободы.

⁴ Деятельность Джамоати Таблиг в Таджикистане запрещена Верховным судом в 2006 году.

⁵ Верховный суд Таджикистана вынес приговор сторонникам экстремистской организации "Джамаат Ансаруллох" («Общество сподвижников Аллаха»), деятельность которой на территории республики официально запрещена. По некоторым данным большинство из них были задержаны пакистанскими спецслужбами, а затем переданы Таджикистану. Судебный процесс над ними проходил в закрытом режиме. 12 из 13 подсудимых в итоге были приговорены к лишению свободы на сроки от 5 до 24 лет. Официальный запрет на деятельность «Джамаат Ансаруллох» был введен в Таджикистане в мае 2012 г. Организация была признана экстремистской и террористической. Доступ к ее сайтам на территории Таджикистана По данным правоохранительных органов, "Общество сподвижников Аллаха" является ячейкой "Аль-Каиды". Ее считают причастной к вооруженным столкновениям, произошедшим на востоке республики в 2010 г., совершению теракта в Согдийской области (речь идет о взрыве у здания УВД, в результате которого погибли двое и были ранены 25 человек) и подготовке терактов в Душанбе.

последних лет в Таджикистане подтверждают наличие безусловной связи между экстремизмом и насильственными преступлениями против личности.

Выработка мер профилактики религиозного экстремизма требует значительных мер различного характера. Прежде всего, это устранение пробелов в законодательстве.

Так, Закон РТ «О борьбе с экстремизмом» от 8 декабря 2003 г. №69¹ в качестве составной части экстремизма называет «осуществление массовых беспорядков, хулиганских действий и актов вандализма по мотивам идеологической, политической, расовой, национальной или религиозной ненависти либо вражды, а равно по мотивам ненависти либо вражды в отношении какой-либо социальной группы». Однако ст. 188 «Массовые беспорядки», ст. 237 «Хулиганство», ст. 237¹ «Вандализм» Уголовного Кодекса РТ не содержат никакого упоминания о квалифицирующем признаке, каким являются «мотив идеологической, политической, расовой, национальной или религиозной ненависти либо вражды, а равно по мотивам ненависти либо вражды в отношении какой-либо социальной группы». Тем самым законодатель фактически ставит массовые беспорядки, хулиганство и вандализм, совершаемые по указанным мотивам, в один ряд с «обычными» массовыми беспорядками, хулиганством и вандализмом, что на практике оборачивается целым рядом негативных последствий.

Помимо указанных преступлений, членами экстремистских организаций совершаются и другие преступления в сфере уличного пространства. К числу таковых можно отнести тяжкие преступления против личности, совершенные по мотиву национальной, расовой или религиозной вражды, в частности убийство, а также умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего.

Для данных преступлений характерно то, что они совершаются как правило, с применением холодного оружия, ножей и т.п., что в еще большей степени угрожает нарушению общественного порядка и общественной безопасности граждан на улицах и иных общественных местах.

Указанные выше преступления свойственны молодежной преступности, поэтому выработка мер профилактики должна быть направлена, в первую очередь, в отношении данной категории лиц.

В целях предупреждения экстремистской деятельности сотрудниками правоохранительных органов должны систематически проводиться профилактические меры, направленные на предупреждение экстремистской деятельности в молодежных объединениях. К таковым следует относить: волонтерское движение, работа школы молодежного актива, деятельность Советов студенческой и работающей молодежи, молодежные общественные организации.

¹ См.: Закон Республики Таджикистан от 08.12. 2003 г. «О борьбе с экстремизмом» // Ахбори Маджлиси Оли РТ. – 2003. – №12. – Ст.697.

Работа инспекторов по делам несовершеннолетних, осуществляющих свою деятельность в общеобразовательных учреждениях в вопросах профилактики распространения экстремистских идей в подростковой и молодёжной среде. Кроме того, должна проводиться работа в плане организации взаимодействия с преподавательским составом образовательных учреждений, обмен информацией и совместная профилактическая работа среди учащихся.

Сотрудниками внутренних дел регионов в рамках своей компетенции должны проводиться рабочие встречи с лидерами религиозных организаций, сообществ, объединений, в ходе которых разъясняется недопустимость осуществления деятельности, имеющей экстремистское направление.

Таким образом, необходимо сказать, что религиозно-экстремистские движения в Таджикистане в последние годы приобрели значительное число членов, как правило, молодежи. Их деятельность является предметом серьезной озабоченности как граждан, так и органов государственной власти Таджикистана, зачастую нанося вред законопослушным гражданам, поскольку совершаются они в сфере уличного пространства. Неблагоприятные тенденции многочисленных экстремистских действий в сфере уличного пространства способствуют нарастанию социальной напряженности в обществе, приводят к утрате населением чувства защищенности, оказывают негативное воздействие на сознание людей, вызывая у них чувство обеспокоенности за собственную безопасность и за безопасность родственников и близких, влияют на ухудшение социально-психологической обстановки в обществе.

Именно поэтому требуется незамедлительное вмешательство всех государственных органов для предупреждения распространения и разрастания данных проявлений.

*АЗИЗОВ Убайдулло Абдуллоевич,
доцент кафедры теории и истории
государства и права юридического
факультета Таджикского национального
университета, кандидат юридических наук*

ИСТОРИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ ТАДЖИКИСТАНА

Всякие человеческие поступки влекут за собой определённые результаты. Они могут, с одной стороны, изменить отношения между людьми, их сознание, а с другой стороны, для самого действующего человека любой поступок также влечет определённые последствия. Человек, совершивший поступок, всегда ждет взаимного ответа. Человеческие поступки в сфере правоотношений всегда имеют двойное значение - правомерное, то есть соответствующее нормам права, и неправомерное поведение, которое выражается в правонарушениях.

«Правомерное поведение – отмечает И.С. Самощенко – это по сути дела не столько подчинение воли лица общей воле, сколько реализация лицом своей воли, воплощение его свободы»¹. На основе вышеуказанного можно сказать, что правомерное поведение либо прямо и непосредственно, либо более отчётливо всегда выступает как удовлетворение тех общественных и личных интересов, ради обеспечения которых и устанавливалась норма права.

«В отечественной юридической науке до недавнего времени, – отмечает профессор М.И. Абдулаев, - основное внимание традиционно уделялось проблемам, связанным с неправомерными деяниями лиц (правонарушениям), и почти не учитывалось поведение лиц, которое соответствует предписаниям правовых норм, так как эта проблема считалась малозначительной, хотя юриспруденция как наука должна в первую очередь обращать внимание именно на социально значимое поведение личности в правовой сфере, потому что основная масса правоотношений, возникающих и существующих в обществе, имеет в своей основе правомерное поведение»².

Все правонарушения, как антисоциальные явления, с одной стороны имеют общие черты, а с другой стороны, каждое из них в отдельности, как явление реальной действительности, конкретно, например, оно совершается конкретным лицом, в определённом месте и времени, нарушает определённые нормы права и имеет другие свои признаки.

Правонарушение, в том числе преступление на разных этапах развития человеческой цивилизации и юридической науки определялось различно. Преступление как социальное явление сформировалось на определённой стадии формирования человеческого общества одновременно с возникновением права и государства. Однако до

¹ См.: Теория государства и права/под ред. А. И. Денисова. – М., 1972. – С.458.

² См.: Абдулаев М.И. Теория государства и права. – СПб, 2010. – С.349.

возникновения государства и права в обществе существовали такие явления, составляющие содержание преступления и других деяний, которые наносили вред общественным интересам и спокойствию в обществе. Можно сказать, что все сознательные деяния людей в обществе, которые противоречили существующим в нем традициям, обычаям и другим правилам поведения, признанным в обществе, и эти деяния дезорганизовывали нормальную жизнедеятельность данной социальной организации, могли караться этой социальной общностью. С возникновением государства наиболее серьезные и часто встречающиеся виды поведения, фиксируются, и к членам общества, отклоняющимся от норм, применяются меры негативного характера. До появления государства эти меры применялись от имени социальной общности или отдельными членами общества, а после – специально уполномоченными на то органами или лицами от имени государства.

Например, преступление как негативное социальное явление детально предусматривалось в зороастрийских источниках права. Преступлениями признавались такие деяния, которые нарушали те установления и предписания, на которых были основаны общественный порядок и стабильность в обществе, т.е. нормы, которые регулировали общественные отношения зороастрийской общины. Все ценностные отношения, интересы, объекты, которые исходили из концепций миропонимания и мироустройства зороастрийской религии, подпадали под охрану уголовно-правовых норм. В зороастрийском праве преступлением считалось общественно опасное деяние, посягающее на жизнь человека, животных, ангелов, религию и ведущее к разрушению окружающей среды¹. Как мы видим, древнее понимание преступления мало чем отличается от современного его понимания.

Исламская система права тоже имеет религиозный характер и источником политики и права считается Аллах. В соответствии с этим положением все другие императивные нормы предписываются Аллахом. В мусульманском уголовном праве все преступления разделяются на три группы – хадд, кисас и тазир.

Преступления категории хадд составляют такие деяния, которые посягали на «права Аллаха» и которые не подлежали прощению. Преступления категории кисас составляли те деяния, которые посягали не на права всей мусульманской общины, а на права отдельных лиц. В третью группу преступлений тазир входили те деяния, которые не считались преступлениями в период становления халифата, и с развитием государства с целью укрепления порядка в мусульманском обществе стали уголовно наказуемыми (неуплата закята, несоблюдение поста, оскорбление, хулиганство, мошенничество, взяточничество, растрата государственных средств и т.д.). Мера наказания по таким делам зависела от мнения, высказанного муджтахидами, и от усмотрения отдельных судей.²

¹ См.: Халиков А.Г. Правовая система зороастризма. (Древнее право). – Душанбе, 2005. – С.308.

² См.: Китаб ал-Харадж. Хрестоматия по исламу. – М., 1994. – С.180-189.

В теории мусульманского уголовного права под преступлением понимается нарушающее заповеди Корана, подрывающее авторитет ислама, общественно опасное деяние, направленное против морали, обычаев, виновно совершенное правоверным мусульманином или иноверцем, находящимся в пределах действия шариата, запрещенное Кораном и другими источниками мусульманского права под страхом наказания¹.

Большой юридический энциклопедический словарь дает такое определение правонарушения и преступления: «Правонарушение – любое действие (бездействие), нарушающее к.-л. нормы права»².

В этом же словаре предусмотрены также признаки правонарушения, которыми являются: а) противоправное поведение человека, которое выражается в действии или бездействии. Правонарушением не могут быть мысли, чувства, помыслы, так как они не регулируются правом. Бездействие является правонарушением, в том случае если человек должен был совершить определенные действия, но не совершил их (не оказал помощь лицу, находящемуся в опасном для жизни состоянии); б) виновное поведение субъекта права, т.е. лицо должно осознанно совершать правонарушение, отдавать себе отчет в своих действиях³.

Преступлением в вышеуказанном словаре признаётся «предусмотренное Особенной частью Уголовного кодекса правонарушение, представляющее собой общественно опасное деяние (действие или бездействие), посягающее на конституционный строй, собственность, личность, трудовые, имущественные и другие права и свободы граждан»⁴.

И.С. Самощенко считает, что правонарушение – это посягательство не на закон, а на те условия, которые его породили, на те классовые интересы, которые в нем нашли свое выражение, на те общественные отношения, которые закрепляются и охраняются законом (правопорядок). Противоправность – это юридическое выражение вредности правонарушений для интересов господствующего класса или всего социалистического общества⁵.

Центральным понятием уголовного права является понятие преступления. Определение понятия преступления в Уголовном кодексе Таджикской ССР 1961 г. опиралось на социально – политические и экономические постулаты своего времени, на идеологические основы советской науки уголовного права⁶.

¹ См.: Кенгезов М. Р. Институт преступления и наказания в мусульманском праве: дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2010. – С.34-35.

² См.: Барихин А.Б. Большой юридический энциклопедический словарь. – М., – 2000. – С.474.

³ См.: Там же. – С.476.

⁴ См.: Там же. – С.488.

⁵ См.: Теория государства и права / под ред. А. И. Денисова. – М., 1972. – С.492.

⁶ См.: Азизов У.А. Развитие уголовного законодательства Республики Таджикистан. – Душанбе, 2006. – С.47.

Уголовный кодекс Республики Таджикистан 1998 г. заимствовал формально - материальный характер законодательного определения понятия преступления. Оно предусматривает как формальный (нормативный) признак (запрещенность деяния уголовным законом), так и материальный признак (его общественную опасность).

Преступлением признается деяние, действие или бездействие, которое имеет четыре признака: общественная опасность, противоправность, виновность, наказуемость (ст. 17). Отсутствие общественной опасности (материальный признак) исключает из числа преступлений малозначительные деяния, имеющие формальное сходство с преступлением¹.

Как было отмечено, уголовная противозаконность является формальным признаком преступления. Это вытекает из принципа «нет преступления без указания о том в законе». Согласно этому принципу по уголовному праву Республики Таджикистан не допускается применение уголовного закона по аналогии.

Материальный признак преступления заключается в его общественной опасности. Она заключается в способности совершенного деяния причинять существенный вред интересам, находящимся под охраной уголовного закона. На основе вышеуказанного надо определить понятие общественной опасности. Общественная опасность – это материальный признак преступного деяния, раскрывающий его социальную сущность.

Анализируя и сопоставляя общественную опасность и вредность преступления с другими видами правонарушений и проступками, И.С. Самощенко считает, что «преступления суть правонарушения, посягающие на условия существования общества, затрагивающие интересы всего общества. Это экстраординарные, особо вредные правонарушения. Они стоят не в одном ряду с другими видами правонарушений, проступками, а над ними»². Там же, говоря об особенностях других видов правонарушений, автор отмечает, что: «Проступки – обычные, ординарные правонарушения. Они отличаются друг от друга не степенью своей вредности для общества, а иными материальными чертами и признаками, обусловленными особенностями той стороны социалистического правопорядка, на которую они посягают»³.

Во время постсоветском законодательной работы в науке уголовного права появились многочисленные предложения по поводу отказа или сохранении общественной опасности как признака, обозначающего социальное свойства преступления. Одни предлагали исключить общественную опасность из понятия преступления, другие – заменить ее на «вредоносность», третьи – раскрыть в отдельной норме понятие общественной опасности, сохранив ее в общем понятии преступления; и, наконец, четвертые считали обоснованным указать на общественную

¹ См.: Уголовный кодекс Республики Таджикистан. – Душанбе, 2012. – С.8.

² См.: Теория государства и права / под ред. А. И. Денисова. – М., 1972. – С.498.

³ См.: Там же. – С.499.

опасность, не раскрывая ее, как это было сделано в Основах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1991 года¹.

«Как показывает само наименование «преступление»..., - писал известный русский правовед Н.С. Таганцев, - такое деяние должно заключать в себе переход, переступление за какой-то предел, отклонение или разрушение чего-либо»².

О.Ф. Шишов характеризует понятие преступления «как общественно опасное, противоправное, виновное и наказуемое деяние, посягающее на социалистические общественные отношения, причиняющее в большинстве случаев им существенный вред или создающее угрозу причинения такого вреда»³.

Другим основным признаком любых правонарушений, в том числе преступлений, является виновность. Недопустимо признавать какое-либо действие (бездействие) правонарушением без вины (субъективной стороны). Если есть такие факты, то в сфере уголовного права их называют объективным вменением. В настоящее время уголовное законодательство закрепляет принцип, согласно которому «лицо подлежит уголовной ответственности только за те общественно опасные деяния и наступившие общественно опасные последствия, в отношении которых установлена его вина. Объективное вменение, то есть уголовная ответственность за невиновное причинение вреда, не допускается» (ст. 7 УК РФ).

Преступления общественно опасны в силу значительности вреда и наносимого ущерба с точки зрения государства и общества. От политики государства и социально-экономических отношений в обществе во многом зависит, считается ли то или иное деяние преступлением или нет. Вспомним последние изменения в уголовном законе, связанные с тем, что часть деяний, прежде считавшихся преступными, сейчас перестали быть таковыми (например, отменена статья о спекуляции).

Правонарушение не может быть одновременно и преступлением, и проступком, критерии общественной опасности не позволяют совмещать их в одном деянии. Следует присоединиться к существующей в науке уголовного права идее о том, что в настоящее время среди общественно опасных деяний (уголовных правонарушений) можно различать уголовные преступления и уголовные проступки. Данная точка зрения имеет право на существование, так как позволяет более четко проводить разграничение внутри уголовно-правовых нарушений по степени их общественной вредности⁴.

¹ См.: Мальцев В. Малозначительность деяния в уголовном праве // Законность. – 1999. – №1. – С.9.

² См.: Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая. – Т.1. – М., 1994. – С.24.

³ См.: Шишов О.Ф. Преступление и административный проступок. – М., 1965. – С.16.

⁴ См.: Абдулаев М.И., Комаров С.А. Проблемы теории государства и права. – СПб, 2003. – С.457.

Ни одно деяние, какие бы опасные последствия оно ни причинило, не может рассматриваться как преступление, если оно совершено невиновно. Деяние признается уголовно наказуемым тогда, когда оно совершено виновно, т.е. при наличии соответствующего психического отношения лица к деянию и наступившим последствиям в форме умысла или неосторожности¹.

Другим основным признаком преступления является его уголовно-правовая наказуемость. Запретить под угрозой применения уголовных наказаний совершение определенных деяний не означает лишь декларирования запрещенности деяния. Оно предопределяет обязательное установление за совершение преступления соответствующего наказания. Предусмотренное в уголовном законе за совершение общественно опасного деяния наказание может быть не применено не во всех случаях. Целый ряд норм уголовного закона (Главы 11-12 Уголовного кодекса Республики Таджикистан) предусматривают условия, при которых можно освободить лицо, виновное в совершении преступления, от уголовной ответственности и уголовного наказания.

В советский период некоторые ученые предлагали именовать противоправность и наказуемость не формальными, а нормативными признаками преступления. Так, О.Ф. Шишов считал, что более целесообразно рассматривать противоправность как нормативный признак, нормативный момент преступления – общественно опасного деяния, ответственность за которое предусмотрена уголовным законом².

В литературе можно встретить и другой, пятый, признак преступления – его аморальность³. Разные позиции об аморальности существуют у ученых – криминалистов и специалистов по теории уголовного права.

В числе советских ученых-криминалистов, которые поддерживали аморальный признак преступлений, были Н.Д. Дурманов и А.А. Герцензон. Например, Н.Д. Дурманов впервые в советской уголовно-правовой литературе рассмотрел основные признаки материального понятия преступления по советскому уголовному праву: общественная опасность, противоправность, виновность, наказуемость и аморальность⁴. А.А. Герцензон, давая определение преступления, включил в общее определение понятия преступления четыре признака: «общественную опасность, противоправность, отрицательную морально-политическую оценку и наказуемость»⁵.

¹ См.: Уголовный кодекс Республики Таджикистан. – Душанбе, 2012. – С.13-14.

² См. Шишов О.Ф. Указ. соч. – С.28.

³ См.: Герцензон А. А. Понятие преступления в советском уголовном праве. – М., 1955. – С.51-53.

⁴ См.: Герцензон А.А. Понятие преступления. – М., 1954. – С.131-148.

⁵ См.: Герцензон А. А. Понятие преступления в советском уголовном праве. – М., 1955. – С.41., Об этом см. также. Уголовное право. История юридической науки. – М.: Наука, 1978. – С.35-37.

Многие досоветские российские криминалисты и специалисты по теории права решительно выступали против внесения в определение и оценку преступления морального аспекта. Так например, Н.С. Таганцев пишет: «Преступное не может и не должно быть отождествлено с безнравственным: такое отождествление, как свидетельствуют горькие уроки истории, ставило правосудие на ложную стезю: вносило в область карательной деятельности государства преследование идей, убеждений, страстей и пороков: заставляло земное правосудие присваивать себе атрибуты суда небесного»¹.

Несмотря на то, что об аморальности преступления в уголовном законе не указано, можно подходить к этому вопросу со стороны взаимосвязанности права и морали. В данном случае законодатель поступил осторожно, чтобы сделать разграничения между интересами общества и государства, между официальным наказанием за совершенное противоправное поведение со стороны государственной власти и его оправданием с позиций общепринятой морали. Право и мораль на протяжении всей истории развития человеческого общества имели и имеют постоянные взаимосвязи. Все правовые запреты, в том числе преступного деяния, в большинстве случаев выражают моральные устои общества. Именно в данном случае можно говорить об аморальности как одном из признаков преступления.

Преступления – это антиобщественное, вредное явление, которое вызывает со стороны общества отрицательное отношение. Государство и общество, с одной стороны, имеют право, а с другой стороны, обязано бороться с преступностью, и одновременно устранить причины и условия, способствующие их возникновению в обществе. Своевременная и эффективная борьба с преступностью станет основанием для обеспечения нормального развития общества, сохранения правопорядка, охраны общественных и личных интересов, защиты справедливости.

Как вытекает из вышеизложенных определений и высказанных мыслей, на разных этапах развития юридической науки в уголовном праве понятие «преступление» определялось различно. Для определения, какого – то деяния как общественно опасного надо было проанализировать всю происходящую в обществе совокупность аналогичных деяний и выделить общие, свойственные каждому из них и основные признаки, которые подлежали закреплению в уголовно-правовых нормах или других общеобязательных правилах поведения, исполнение которых обеспечивалось со стороны государства. Однако определения понятия преступления как общественно опасного деяния на протяжении многих веков как правовая категория не получило законодательного закрепления. Вместе с нормами иных отраслей законодательства стали закреплять и уголовно-правовые нормы. С развитием законодательной деятельности изменилось положение, и появились кодифицированные сборники, которые объединили нормы уголовного права. На этой же основе

¹ См.: Таганцев Н.С. Указ. соч. – С.24.

появились и уголовно-правовые определения, в том числе определения понятия преступления, с использованием различной законодательной техники. Но какие социально отклоняющиеся деяния фиксировались в качестве преступлений в законодательстве, зависело от политических и экономических интересов господствующего класса. Закон и государство защищали т.е. общественные отношения, которые являлись наиболее важными сначала, для данной части общества, а потом для всего общества в целом¹.

¹ См.: Уголовное право. Часть Общая, Часть Особенная. – М., 1999. – С.60-61.

*АЛИЕВА Парвина Хабибхоновна,
стажер кафедры уголовно права и процесса
юридического факультета Российского
университета дружбы народов имени
Патриса Лумумбы*

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА ПОТЕРПЕВШЕГО В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

Республики Таджикистан в 1924 году в составе Узбекской Советской Социалистической Республики (далее ССР) была образована в Таджикскую автономную ССР, которая в 1929 году была преобразована в Таджикскую ССР, вплоть до 1991 года. В период которого, существовало однородное система права для всех республик, входящих в ее состав, в том числе и единый уголовный процесс, за исключением незначительных различий. Поскольку как справедливо в свое время отмечал профессор, В.П. Божьев, Основами уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик (31.10.1924 г. и 25.12.1958 г.) сформировывались прежде всего общие положения уголовного процесса, его задачи, основные принципы, также ряд специальных, наиболее важных вопросов, касающихся отдельных стадий и институтов уголовного процесса, по которым требовался единообразная регламентация на территории всего Советского Союза. Спецификой республиканского уголовно – процессуального законодательства являлся детальная регламентация процессуальных прав субъектов (участников) уголовного процесса, если в общесоюзном законе тот или другой вопрос не получал полного разрешения¹.

Исходя из этого, считаем целесообразным начать свое исследование с института потерпевшего в уголовном процессе Советского Союза, и Таджикской Советской Социалистической Республики, за основу, которого взяли Уголовно – процессуальные кодексы 1926 и 1929 г.г. Узбекской ССР, УПК Таджикской ССР 1935 г., Основ 1958 г., УПК Таджикской ССР 1961 г, а также работы советских процессуалистов.

Следует также еще раз отметить, что в современном международном сообществе отсутствует институт потерпевшего. УПК РСФСР 1922 – 1923 имели ряд норм о потерпевшем, прежде всего право на предъявление гражданского иска, давать показания, право на переводчика, на обжалование действия следователя. Развивая эти нормы закона в науке уголовного процесса Советского Союза в 20 – 50 годах было много работ, обосновавших более определенное представление о потерпевшем, как участнике уголовного процесса, каковое нашло закрепление в Основах уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958 г. и УПК РСФСР 1960 г. и УПК Таджикской ССР 1961 г., а также в УПК

¹ Божьев В.П. Павлов Н.Е. Вопросы общей части уголовного процесса. – М., 1986. – С.13–14.

других союзных республик, принятых в 60 – годов. Таким образом, в этом отношении законодательство 1958 года сделало первый шаг, зародила нового субъекта уголовного судопроизводства – потерпевшего. Это свидетельствует об успехе советского законодательства.

Вместе с тем, в годы советской власти, базируясь на принципе публичности, законодатель не уделял достаточного внимания охране прав и законных интересов лиц, потерпевших от преступлений и подробно их не регламентировали, поскольку подразумевалось, что государство в процессе борьбы с преступностью стоит на защите потерпевшего. Однако государственные органы и должностные лица, осуществляющие раскрытие и расследование преступлений, были увлечены изобличением подозреваемого, обвиняемого, а не восстановлением прав потерпевшего¹.

По делам публичного обвинения потерпевший, за исключением случаев, когда он являлся гражданским истцом, обладал в основном процессуальным положением свидетеля.

Что же касается дел частного – публичного обвинения, потерпевший занимал аналогичное положение, как в делах публичного обвинения. С тем отличием, что дела частного – публичного обвинения возбуждались лишь по заявлению потерпевшего.

Несмотря на сказанное, в законодательстве советского периода не содержалось термина «доступа потерпевших к правосудию».

Несмотря на то, что в уголовном процессе и не отрицался принцип состязательности, так как в суде допускалось участие сторон обвинения и защиты, однако сам этот принцип имел уже несколько иное понимание, чем в дореволюционном уголовном процессе. В качестве сторон, обладающей процессуальными правами для отстаивания своих интересов, выступали государственный обвинитель, обвиняемый и его защитник, а также гражданский истец и потерпевший, выступающий в качестве обвинителя по делу частного обвинителя. Как верно писал В.П. Божьев, «не был воспринят либерально – демократически дух Уставах»². По мнению М.С. Строговича, уголовный процесс сохраняет свой состязательный характер, даже в том случае, если по делу участвовал лишь один подсудимый. Поскольку подсудимый «является стороной, имеет все права стороны и защищается от обвинения перед судом»³.

До принятия Основ уголовного судопроизводства 1958 года, как было отмечено нами выше, потерпевший фактически выполнял функцию свидетеля по делу, за исключением случаев, когда он выступал в качестве обвинителя по делам частного обвинения и когда им предъявлялся гражданский иск в уголовном деле. Вместе с тем потерпевший, как представитель стороны обвинения, был вправе участвовать в доказывании вины обвиняемого.

¹ Евлоев Р.М. Процессуальные гарантии защиты прав и законных интересов лиц, потерпевших от преступлений (стадия предварительного расследования): дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2005. – С.171.

² Уголовный процесс: учебник / под ред. В.П. Божьева. – М., 2002. – С.7.

³ Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. – М., 1958. – С.87.

Впервые в советском законодательстве нормативное определение потерпевшего было сформулировано в ч.1 ст.24 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958г. и воспроизведено в ст.53 УПК РСФСР 1960 г., а после и в ст.54 УПК Таджикской ССР 1961г.

Таким образом, согласно вышеприведенным нормам потерпевшим признается лицо, которому преступлением причинен моральный, физический или имущественный вред.

С этого момента стало возможным говорить о потерпевшем как о самостоятельным участнике уголовного процесса, поскольку главы, в которых содержалось данное определение, именовались «Участники процесса. Их права и обязанности».

Существенным изменением процессуального положения потерпевшего является принятия Основ (1958 г) и Уголовно – процессуального кодекса Таджикской ССР 1961 года, признание потерпевшего в качестве субъекта судебного разбирательства, с наделением его достаточно широкими полномочиями на различных стадиях процесса.

Так согласно Основ потерпевший в судебном разбирательстве вправе был пользоваться равными правами по предоставлению доказательств и заявлению ходатайств с подсудимым. В месте с тем, формы участия потерпевшего в процессе, объем его прав и обязанностей по-прежнему зависели от того, участвует ли потерпевший в делах публичного, частно-публичного, либо частного обвинения, заявляет ли он иск о возмещении материального ущерба, есть ли необходимость его допроса для выяснения тех или иных обстоятельств дела.

Совершенством Основ, полагаем, являлось, то что моральный вред стал самодостаточным основанием для признания лица потерпевшим.

В соответствии со статьей 54 УПК Таджикской ССР гражданин признанный потерпевшим от преступления имел право: давать показания по делу; представлять доказательства; заявлять ходатайства; знакомиться с материалами дела с момента окончания предварительного следствия, а по делам по которым предварительное следствие не проводилось, с момента предания обвиняемого суду; участвовать в исследовании доказательств на судебном следствии; заявлять отводы; приносить жалобы на действия лица, производящего дознание, следователя, прокурора и суда, а также приносить жалобы на приговор или определения суда и постановления народного судьи.

В случаях, предусмотренных частями первой и четвертой статьи 104 УПК Таджикской ССР, потерпевший имел право лично или через своего представителя поддерживать обвинение.

По делам о преступлениях, последствием которых явилась смерть потерпевшего, права, предусмотренные настоящей статьей, имели его близкие родственники.

Что же касается круг лиц, которые могли признаваться потерпевшими по уголовному делу, то согласно ч.3 п.2 Постановлению Пленума Верховного Суда СССР №16 от 1 ноября 1985г. «О практике применения

судами законодательства, регламентирующего участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве», юридические лица не могли быть признаны потерпевшими.

Подводя итоги вышесказанному, следует отметить, что в Основах, УПК РСФСР, УПК Таджикской ССР несмотря на некоторые недостатки, были предусмотрены много прав у потерпевшего, что позволяет нам оценить этих правовых актов достаточно прогрессивным для своего времени.

Если соотнести нормы УПК Узбекской ССР 1926, УПК Таджикской ССР 1935 г. о потерпевшем с нормами УПК Таджикской ССР 1961 г., то очевидно развитие процессуального положения потерпевшего существенно. Один лишь перечень прав, закрепленный потерпевшему УПК Таджикской ССР 1961 г., является весомым аргументом той принципиально новой роли, которая отводится теперь потерпевшему в уголовном судопроизводстве.

Таким образом, анализ процессуального положения потерпевшего в советский период показал, что значительным шагом в прогрессе советского уголовно – процессуального законодательства было принятие 25 декабря 1958 года Основ уголовно-процессуального законодательства, а также принятый УПК Таджикской ССР 1961 года. Эти правовые акты существенно изменили процессуальное положение потерпевшего, не только предоставив ему права для защиты своих нарушенных преступлением законных интересов, но и признав его участником уголовного судопроизводства.

Становление и развитие института потерпевшего в уголовном процессе Республики Таджикистан. Уголовно – процессуальный кодекс Таджикской ССР 1961 года с небольшими изменениями и дополнениями действовал не только в эпоху советской власти в Таджикистане, но и почти 20-лет после приобретения независимой государственности таджиков. Подготовка нового УПК РТ началось сразу же после приобретения Таджикистаном независимости, но, объективные и субъективные причины, начавшаяся гражданская война, отъезд специалистов, начавшийся общий кризис в стране стали причиной столь долгой подготовки нового УПК.

3 декабря 2009 года был принят новый Уголовно – процессуальный кодекс Республики Таджикистан, который вступил в силу с 1 апреля 2010 года, что в отличие от УПК Таджикской ССР, объявившего в числе первоочередных задач уголовного судопроизводства быстрое и полное расследование преступлений и изобличение виновных, получил приоритет защиты прав и свобод личности, в частности защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений.

Впервые потерпевший закреплен в главе 5 УПК РТ наряду с прокурором, следователем, органом дознания и др. участником уголовного судопроизводства, осуществляющие уголовное преследование, что по нашему мнению, безусловно является достижением в науке уголовного процесса.

Расширен круг лиц, признаваемых потерпевшими. Согласно УПК Таджикской ССР потерпевшим признавался только гражданин, то есть физическое лицо. Законодатель Республики Таджикистан реализует опыт законодательства Российской Федерации о потерпевшем, также учитывая критические высказывания ученых по данной проблематике предусмотрел возможность признания и юридического лица. Данное нововведение давно предлагалось рядом ученых – процессуалистов¹, однако, несмотря на разрешение законодателем столь многолетнего спора, некоторые авторы все же выступают против признания юридических лиц потерпевшими². Так, по мнению Д.П. Чекулаева, чтобы защитить имущественные интересы или деловую репутацию юридического лица будет вполне достаточным признать его гражданским истцом³. Поскольку механическое применение норм ст.52 Конституции Российской Федерации в данном случае неприемлемо, так как данная статья помещена в главе «Права и свободы человека и гражданина»⁴. А.А. Коомбаев также не видит необходимости признания юридических лиц потерпевшими по делу ради того, чтобы наделить их правами потерпевшего. Поскольку, по его мнению, при причинении морального вреда, в результате совершенного преступления, к примеру, в виде вреда деловой репутации он может быть компенсирован иным путем, например, опубликованием в СМИ опровержения.

В случаи же причинения имущественного вреда, требования юридического лица могут быть разрешены в порядке гражданского иска в уголовном процессе⁵.

А что же касается *процессуального положения потерпевшего*, согласно УПК РТ то существенным образом расширились права потерпевшего по сравнению с УПК Таджикской ССР.

Начнем с того, что новое УПК РТ предусматривает возможность наряду с потерпевшим и его законного представителя и представителя пользоваться правами, закрепленными в ч.2 ст.42 УПК РТ. Другими словами право иметь законного представителя, представителя потерпевшему не препятствуют последнему самому участвовать в

¹ Иванов Д.Я. Обоснованность и целесообразность признания юридических лиц потерпевшими от преступления // Мировой судья. – 2010. – №5. – С.10; Шаров Д.В. Обеспечение прав потерпевшего в досудебном производстве (по материалам практики следователей органов внутренних дел): дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2006. – С.43-44.

² Николаев М.В. Участие потерпевшего в уголовном преследовании по делам публичного и частно-публичного обвинения: дис. ... канд. юрид. наук. – Кемерово, 2008. – С.10; Иванов В.В. Проблемы реализации и процессуальные гарантии конституционного права потерпевшего на доступ к правосудию и судебную защиту: дис. ... канд. юрид. наук. – Самара, 2004. – С.10-11.

³ Чекулаев Д.П. Потерпевший в уголовном судопроизводстве: доступ к правосудию и компенсация причиненного ущерба: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2005. – С.8.

⁴ Чекулаев Д.П. Указ. соч. – С.55.

⁵ Коомбаев А.А. Право потерпевшего на обжалование процессуальных действий и решений в досудебных стадиях уголовного судопроизводства: по материалам Кыргызской Республики и Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2008. – С.34-35.

уголовном процессе, в отличие от предыдущего УПК Таджикской ССР, согласно нормой, которого гражданин, признанный потерпевший или его представитель могли пользоваться правами, предусмотренными ч.2 ст.54.

Действующий УПК РТ также предусматривает право потерпевшего: пользоваться услугами переводчика бесплатно; знакомиться с протоколами следственных действий, производимых с его участием, и подавать на них замечания; участвовать с разрешения следователя или дознавателя в следственных действиях, проводимых по его ходатайству либо ходатайству его представителей; выписывать из материалов уголовного дела необходимые сведения, участвовать в судебных обсуждениях и прениях в суде первой инстанции при разбирательстве по делу; знакомиться с протоколом судебного заседания и подавать по нему замечания; быть извещенным о принесенных по делу жалобах и протестах и подавать на них возражения; участвовать в судебном рассмотрении заявленных жалоб и протестов.

В новом УПК РТ в части 3 статьи 42 включены также обязанности потерпевшего: являться по вызову дознавателя, следователя, прокурора и суда, судьи, сообщать все известные ему по делу сведения и отвечать на поставленные вопросы; не разглашать известные ему сведения о первоначальном дознании или предварительном следствии; соблюдать установленный порядок при производстве следственных действий и во время судебного заседания.

Новеллой в УПК РТ является норма в части 8 статьи 42, которая провозглашает: «Государство гарантирует потерпевшему доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба». Как отмечалось нами в предыдущем параграфе в УПК советских времен о доступе потерпевшего к правосудию вовсе не было и речи. Республика Таджикистан провозгласивший себя демократическим, правовым государством, признала права и свободы человека и гражданина высшей ценностью и гарантировало права и свободы каждого, в частности потерпевшему судебную защиту и возмещение нанесенного ему ущерба.

Достижением в уголовном судопроизводстве Республики Таджикистан является принцип охраны права и свобода личности при производстве по уголовным делам, согласно которому при наличии достаточных данных о том, что потерпевшему, свидетелю или другим участникам дела, а также членам их семей или близким родственникам угрожают убийством, применением насилия, уничтожением или повреждением имущества, либо иными опасными противоправными действиями, суд, судья, прокурор, следователь, дознаватель обязаны в пределах своей компетенции принять предусмотренные законом меры к охране жизни, здоровья, чести, достоинства и имущества этих лиц (ч.3 ст.12 УПК РТ).

Еще одним различием является производства дел частного обвинения. УПК РТ в отличие от предыдущего УПК Таджикской ССР, в которой была

посвящена лишь одна статья (ст.104), включила новую главу (гл.37) посвящённой производству по делам частного обвинения.

Согласно действующему законодательству дело частного обвинения возбуждается пострадавшим или его законным представителем путем подачи в суд заявления о привлечении лица к уголовной ответственности (ч.1 ст.354 УПК РТ), то есть с момента принятия судом заявления к своему производству лицо, её подавшее, становится частным обвинителем и ему должны быть разъяснены права, предусмотренные статьей 43 настоящего Кодекса.

Случаи возбуждения уголовного дела по частным жалоб, в соответствии УПК Таджикской ССР 1961 г. предусматривался в общем порядке. То есть, после того как в суд поступила жалоба потерпевшего, суд непосредственно с принятием процессуального акта – заявления потерпевшего, издавал постановление о возбуждении уголовного дела в отношении обвиняемого. Рассмотрение дела начиналось после вручения подсудимому копию постановления о возбуждении уголовного дела.

Статья 104 УПК Таджикской ССР предусматривала примирение обвиняемого и потерпевшего до удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора, что отсутствует в новой УПК РТ. Лишь в ч.6 ст.355 настоящего Кодекса упоминается, что в случае с их стороны предъявления заявления о примирении, производство дела на основании абзаца пятого ч.1 ст.27 данного Кодекса прекращается по решению судьи.

Для уголовного судопроизводства Республики Таджикистан целесообразно установить срок, предъявления суду заявления о примирении сторон. Автор видит решение данного вопроса в опыте УПК Таджикский ССР. Таким образом, предлагается дополнить ч.6 ст.355 УПК РТ после слов: «В случае с их стороны предъявления заявления о примирении» следующую фразу: «до удаления суда в совещательную комнату для вынесения постановления приговора».

АЛИМОВ Давлаталӣ,
номзади илмҳои таърих, Донишгоҳи
давлатии Қўргонтеппа ба номи Носири
Хусрав,

ҶАЛИЛОВ Маҳмадулло,
аспиранти Донишгоҳи давлатии
Қўргонтеппа ба номи Носири Хусрав,

НАБОТОВ Файзиддин,
аспиранти Донишгоҳи давлатии
Қўргонтеппа ба номи Носири Хусрав

КОНСТИТУТСИЯИ ҶУМҲУРИИ ТОҶИКИСТОН – ҲАҚИҚАТИ ВОҶЕИИ ОРМОНҲОИ ҲАЗОРСОЛАИ ХАЛҚИ ТОҶИК

Арзиши Конститутсия ҳамчун қонуни асосии кишвар пеш аз ҳама дар самаранок танзим намудани муносибатҳои ҷамъиятӣ ва дар ҳаёт татбиқ намудани муқаррароти конститусионӣ зоҳир мешавад.

Яке аз нишонаҳои асосии давлати миллии соҳибхитии тоҷикон ин тавассути Конститутсия мустақилона ба роҳ мондани давлатдорӣ мебошад.

Қабули Конститутсия (Сарқонуни) Ҷумҳурии Тоҷикистон чун қисми ҷудонашавандаи ҷомеаи ҷаҳонӣ, рушду камоли онро дарк намуда, соҳибхитии давлатро таъмин намуда, озодӣ ва ҳуқуқи шахсро муқаддас дониста, баробарҳуқуқӣ ва дӯстии тамоми миллату халқиятҳоро эътироф карда ва бунёди ҷомеаи адолатпарварро вазифаи худ мешуморад.

6 ноябри соли 1994 Конститутсияи (Сарқонуни) Ҷумҳурии Тоҷикистон ҳамчун санади олий ба тариқи райъпурсии умумихалқӣ қабул карда шуд. Истиқлолияти Ҷумҳурии Тоҷикистонро Конститутсия таҳким бахшида, расмӣ гардонидани давлати Тоҷикистонро, ҳамчун давлати соҳибхитӣ, демократӣ, ҳуқуқбунёд, дунявӣ ва ягона ба халқи олам муаррифӣ намуд.

Аҳамияти Конститутсия бояд пеш аз ҳама дар мавҷуд будани имкониятҳои татбиқи бемайлони ҳуди он ифода гардад.

Дар кураи Замин эълон гардидани Ҷумҳурии Тоҷикистон ҳамчун давлати соҳибхитӣ пеш аз ҳама дар он зоҳир мегардад, ки Тоҷикистон сиёсати хориҷиро дар соҳаҳои иқтисодӣ, иҷтимоӣ, фарҳангӣ ва ғайра мустақилона муайян менамояд. Моддаи 1-уми Конститутсия Ҷумҳурии Тоҷикистонро чун давлати соҳибхитӣ муқаррар менамояд, ки ин яке аз нишонаҳои узвият дар муносибатҳои байналмилалӣ мебошад, ки тавассути он Ҷумҳурии Тоҷикистон бо бисёр кишварҳои мутараққии ҷаҳон шартномаҳои байналмилалӣ доир ба паҳлуҳои гуногун бандад.

Дар тӯли 20-соли амали Конститутсия (Сарқонун) Ҷумҳурии Тоҷикистон тавонист ҳамаи он дастовардҳоеро, ки тайи чанд сол муяссар нагардида буд, соҳиб шавад ва Конститутсияи (Сарқонуни) Ҷумҳурии Тоҷикистон дар ҳаёти сиёсӣ, иқтисодӣ, иҷтимоӣ ва давлати миллии тоҷикон нақши бениҳоят бузург ва муҳим гузошт.

Дар ин муддати начандон зиёди таърихӣ амали Конституцияи (Сарқонуни) Ҷумҳурии Тоҷикистон то ба имрӯз дар ҳаёти сиёсиву иқтисодӣ ва иҷтимоиву фарҳангии кишварамон дигаргуниҳои азим ба вуқӯ пайвастанд. Махсусан таи ин солҳо музокироти миёни тоҷикон, ки мақсад аз он таъмини сулҳу субот ва ваҳдати миллӣ буд, шуруъ шуда, 27 июни соли 1997 ба имзо расонидани Созишномаи умумии истиқрори сулҳ ва ризоияти миллӣ дар кишвар ба анҷом расид. Баъди ин Созишнома ба 26 сентябри соли 1999 ба тариқи райъпурсии умумихалқӣ ба Конституцияи Ҷумҳурии Тоҷикистон тағйироту иловаҳо ворид карда шуданд. Дар асоси ин тағйирот дар Ҷумҳурии Тоҷикистон парламенти думачлиса (иборат аз ду палата), ки аз Маҷлиси миллӣ ва Маҷлиси намояндагон иборат аст, таъсис дода шуд. Таъсиси чунин мақомоти дар кишвар яке аз дастовардҳои муҳими Конституцияи (Сарқонуни) Ҷумҳурии Тоҷикистон мебошад, ки барои рушду такомули давлату давлатдорӣ миллии тоҷикон мусоидати калон намуд.

Дар Конституцияи (Сарқонуни) Ҷумҳурии Тоҷикистони соҳибхатиёр, тамомияти арзишҳои миллӣ, дахлнопазирии ҳудуди кишвар, моҳият ва вазифаҳои давлат, ҳуқуқ ва озодиҳои инсон ва шаҳрванд, забони давлатӣ, рамзҳои давлатӣ ва шакли давлатдорӣ Тоҷикистон, ҳадафҳои сиёсати дохилӣ ва хориҷии давлат, ҳаёти ҷамъиятӣ, асосҳои иқтисодиву сиёсӣ ва иҷтимоию фарҳангии давлат ба тариқи мушаххас инъикос шудаанд.

Сарчашмаи асосии санадҳои меъёри ҳуқуқӣ дар Ҷумҳурии Тоҷикистон Конституция буда, дар тӯли амали худ тамоми ҳамаи он ҷузъиёти беҳтарини афкори демократияро ба инобат гирифта, ба инкишофи демократия, аз ҷумла дар соҳаи ҳуқуқ ва озодиҳои инсон ва шаҳрванд такони ҷиддӣ бахшидааст.

Бевосита дар моддаи 5-уми Конституцияи (Сарқонуни) Ҷумҳурии Тоҷикистон муқаррар шудааст, ки инсон, ҳуқуқ ва озодиҳои он арзиши олии мебошанд. Ин меъёр 22-юми июни соли 2003 ба Конституция тариқи райъпурсии умумихалқӣ ворид гардид, ки инсон ҳамчун бузургтарин арзиш ва дорои манфиатҳои муайян шинохта шуд. Дар ин замина бо қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи боздошти татбиқи ҷазои қатл» аз 15-уми июли соли 2004 татбиқи ҷазои қатл дар Ҷумҳурии Тоҷикистон боздошта шуд.

Дар тӯли амали меъёрҳои Конституцияи (Сарқонуни) Ҷумҳурии Тоҷикистон ва сиёсати Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон, Ҷаноби Оли муҳтарам Эмомалӣ Раҳмон қабули якҷанд санадҳои меъёрӣ-ҳуқуқӣ, аз ҷумла қонунҳои конституционӣ, қонунҳои оддӣ, қарорҳо ва инчунин барномаҳои стратегияҳо (Стратегияи баланд бардоштани сатҳи некӯаҳволии мардуми Тоҷикистон барои солҳои 2013-2015), ки ҳамаи инҳо барои боз ҳам баланд бардоштани зиндагии мардуми Ҷумҳурии Тоҷикистон равона шудаанд, қабул гардид.

Дигар дастоварди Конституцияи (Сарқонуни) Ҷумҳурии Тоҷикистон, ки барои амалишавии ҳуқуқу озодиҳои инсон ва шаҳрванд, татбиқи меъёрҳои Конституция кафолат дода шудааст ин таъсиси Суди

конститутсионӣ мебошад. Суди конститутсионӣ дар ҳаллу фасли масъалаҳои таъмини тартиботи ҳуқуқӣ, ҳифзи ҳуқуқу озодиҳои инсон ва шаҳрванд, мутобиқати қонунҳо ва дигар санадҳои меъёри ҳуқуқӣ ва инчунин таҳкими қонуниятҳои конститутсионӣ саҳми назаррас гузоштааст.

Конститутсия ҳамчун санади меъёрию ҳуқуқии қувваи олии ҳуқуқидошта муддати тӯлонии таърих амал карда истода, чун унсури ҳатмии инкишофи ҳуқуқӣ-давлатии рушди ҷамъият баромад мекунад. Қувваи амали Конститутсия хусусияти мунтазамро дошта, танҳо дар сурати қабули Конститутсияи нав метавонад, ки Конститутсияи пешина қувваи амали худро гум кунад.

Чуноне, ки Конститутсияи (Сарқонуни) Ҷумҳурии Тоҷикистон соли 1978 бо тағйироту иловаҳо танҳо аз лаҳзаи қабули Конститутсияи (Сарқонуни) Ҷумҳурии Тоҷикистон соли 1994 қувваи амали худро гум кард.

Ҳамин тариқ, татбиқи Конститутсия – ин фаъолияти мақсадноки субъектони босалоҳият – мақомоти давлатӣ, мақомоти худидоракунии маҳаллӣ, шахсони мансабдори онҳо, шаҳрвандон ва иттиҳодияҳои ҷамъиятии онҳо барои баамалбарории асосҳои сохтори давлатӣ ва ҷамъиятӣ, ҳуқуқ ва озодиҳои шахс ба ҳисоб меравад.

Тамоми он дастовардҳои, ки тӯли 20-соли амали Конститутсия насиби халқу миллати Тоҷикистон гардиданд, натиҷаи хирад ва заковати азими сарвари давлатамон Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон, Ҷаноби Олӣ муҳтарам Эмомалӣ Раҳмон ва халқи Тоҷикистон мебошад. Зеро маҳз бо роҳбарии ин шахсияти бузург ва иродаи аксари мутлақи мардуми ин сарзамини куҳанбунёд, имрӯз кишвари мо дорои чунин қонуни олӣ ва дар арсаи байналмилалӣ ҳамчун давлати соҳибхитӣ, демократӣ, ҳуқуқбунёд ва дунявӣ эътироф ва пазируфта шудааст.

Халқи Ҷумҳурии Тоҷикистон ҳамчун баёнгарии соҳибхитӣ ва сарнавишти ҳокимияти давлатӣ, дар тӯли амали ин санади олӣ ҳамаи соҳаҳои тараққиёти зиндагиашонро мушаххас гардониданд.

*АРИПОВ Анвар Лутфиллоевич,
начальник кафедры уголовного права,
криминологии и психологии факультета № 2
Академии МВД Республики Таджикистан,
кандидат юридических наук, майор милиции*

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ДОКАЗЫВАНИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В современных условиях права и свободы человека и гражданина определяют цели, содержание и применение всех законов в государстве, деятельность органов государственной власти, органов местного самоуправления и обеспечиваются судебной властью. Признавая их высшей ценностью, государство соблюдает и обеспечивает их защиту. Одно из наиболее серьезных ограничений прав и свобод человека возможно в результате вовлечения его в уголовное судопроизводство. Только правильное с точки зрения закона, полное и объективное установление всех обстоятельств дела способно, оградить не виновного лица от необоснованного привлечения к уголовной ответственности и осуждению. В уголовном процессе установление всех обстоятельств дела осуществляется посредством доказывания. Доказывание представляет собой деятельность специально уполномоченных на то субъектов, на которых законом возложена обязанность установить все обстоятельства уголовного дела.

Доказывание – формирование доказательств и оперирование ими в целях воссоздания действительной картины изучаемого события – является единственным средством достижения целей судопроизводства, т.е. защиты прав и свобод человека и гражданина, интересов общества, государства и организаций, пострадавших в результате совершения преступления¹. Так как не установив всех обстоятельств которые имеют значение для правильного разрешения дела, не представляется возможным достичь задач уголовного судопроизводства. С одной стороны есть опасность необоснованного привлечения лица к уголовной ответственности, а с другой стороны – сохраняется возможность не раскрытия преступления и как результат не восстановление нарушенных прав и интересов (потерпевших) от преступления.

Основы доказывания как деятельности уполномоченных на то субъектов государственных органов исходят из ряда норм Конституции. Конечно же в нормах Конституции о способах доказывания и видах доказательств, прямого указания не содержится, более того данные положения не являются предметом конституционно-правовой регламентации. Конституция как основной закон определяет направление и приоритеты в отдельных отраслях права/законодательства в государстве. Закрепление же данных положений приоритет, отдельных отраслей

¹ Шейфер, С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. – М., 2012. – С. 16.

права/законодательства, в случае с доказыванием и доказательствами – уголовно-процессуального. Понятие доказательств, способов и субъектов доказывания и в целом механизм реализации основополагающих конституционных норм, касающихся уголовного судопроизводства регламентируется уголовно-процессуальным законом.

С принятием в 1994 году Конституции и провозглашением высшей ценностью прав и свобод человека и гражданина, возникла необходимость реформирования и приведения в соответствии приоритетов установленных в уголовно-процессуальном законе, в той последовательности, в которой они закреплены в Конституции. В свою очередь, это обусловило постановку задач уголовного судопроизводства с акцентом на защиту прав и свобод человека и гражданина, как это закреплено в тексте Конституции.

Действовавший уголовно-процессуальный закон 1961 года принятия, первоочередной задачей ставил, быстрое и полное раскрытие преступлений, изобличение виновных и обеспечение правильного применения закона с тем, чтобы каждый совершивший преступление, был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден (ч.1 ст. 2 УПК Республики Таджикистан).

Как цель, было указано, что уголовное судопроизводство должно способствовать укреплению законности и правопорядка, предупреждению и искоренению преступлений, охране интересов общества, прав и свобод граждан, воспитанию граждан в духе неуклонного соблюдения Конституции и законов, уважения правил общежития¹.

Данные задачи исходили из того, что по каждому расследуемому и разрешаемому судом уголовному делу должна была быть установлена истина, т.е. чтобы осужден и наказан был действительный преступник, а невиновный человек был освобожден от обвинения, реабилитирован. Выполнение задач уголовного судопроизводства было неразрывно связано с установлением истины по делу. М.С. Строгович, отмечал, что только тот судебный приговор, в основе которого лежит истина, является законным и обоснованным приговором, актом правосудья. Истина, устанавливаемая в уголовном процессе по расследуемому и разрешаемому судом делу, есть объективная истина, называемая материальной истиной².

В отличие от предыдущего, принятый в 2009 году уголовно-процессуальный закон своей задачей ставит:

- установление порядка производства по уголовным делам;
- защита прав и свобод человека и гражданина;
- защита интересов общества, государства и организаций, пострадавших в результате совершения преступления;
- своевременное и полное раскрытие преступлений;

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан от 17.08. 1961 г. (в редакции закона РТ от 20 марта 2008 г. № 366) // Джумхурият. – 2008. – 30 марта.

² *Строгович, М.С.* Курс советского уголовного процесса Т.1. – М. «Наука», 1968. – С. 131-132.

- привлечение к уголовной ответственности лица, совершившего преступление;
- справедливое разрешение рассматриваемых вопросов в суде;
- соблюдение процессуальных норм при применении уголовного закона;
- гарантия защиты законных интересов участников уголовного судопроизводства и других лиц.

В качестве цели указывается, что уголовно-процессуальное судопроизводство направлено на укрепление законности и правопорядка, предупреждение преступлений, уважение к законам, правам и свободам человека и гражданина, осуществление судебной справедливости. Порядок же производства по уголовным делам, направлен на обеспечение защиты от необоснованного обвинения и осуждения, от незаконного ограничения прав и свобод человека и гражданина, а в случае обвинения или осуждения невиновного – незамедлительную его реабилитацию¹.

Исходя из этого, можно отметить, что положения разработанные теорией доказывания нашли свое отражение в действующем уголовно-процессуальном кодексе, основываясь на следующих нормах Конституции:

- права и свободы человека и гражданина признаются, соблюдаются и защищаются государством(ст. 5);

- права и свободы человека и гражданина осуществляются непосредственно. Они определяют цели, содержание и применение законов, деятельность законодательной, исполнительной и местной властей, органов местного самоуправления и обеспечиваются судебной властью(ст. 14);

- ограничения прав и свобод граждан допускаются только с целью обеспечения прав свобод других граждан, общественного порядка, защиты конституционного строя и территориальной целостности республики (ст. 14);

- никто не считается виновным в совершении преступления до вступления приговора суда законную силу (ст. 20).

Данные нормы Конституции выделены и идут в той последовательности, которая начинается от общих фундаментальных положений, а далее более предметно, касающиеся вопросов уголовного процесса.

Норма, содержащаяся в ст. 5 Конституции определяет не только цель и приоритеты в деятельности по доказыванию, но и в осуществлении уголовного судопроизводства в целом. По своей структуре она состоит из следующих частей: признание прав и свобод человека и гражданина, их соблюдение и защиту со стороны государства. Признание и соблюдение прав и свобод человека и гражданина гарантируется со стороны государства, в лице его органов. Данные положения применительно к

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан 03 декабря 2009 г. // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. 2009 г., №12, ст. 815; ст. 816 (в редакции Закона РТ от 14.03.2014 г., № 1067).

уголовному судопроизводству указывают на правоохранительные органы и органы государственной власти (суд, прокуратура и другие органы, осуществляющие расследование) как органы призванные соблюдать, защищать права и свободы человека и гражданина.

Процесс доказывания осуществляется специально уполномоченными на то субъектами, обладающими властными полномочиями. Сам процесс, по своей сути состоит из поисковых и удостоверительных действий направленных на установление обстоятельств совершенного преступления. В ходе этой деятельности субъекты расследования, осуществляющие доказывание, уполномочены применять ряд мер принуждения, направленных на обеспечение объективности информации (сведений), исключения воздействия на неё, а также своевременности её обнаружения. Все эти действия могут быть сопряжены с вмешательством в права и свободы человека, в том числе и конституционные. В их числе можно назвать: принудительный привод, производство выемки, обыска, наложение ареста на имущество, заключение под стражу. Такого рода серьезные ограничения допустимы только ввиду обеспечения прав и свобод лица (лиц) – пострадавших от незаконных действий другого лица (лиц) и причинившие значительный вред и характеризующиеся повышенной общественной опасностью. Такого рода нарушения прав возможны в результате совершения преступления. Учитывая это, осуществление доказывания законом допускается только в ходе расследования по уголовному делу, ввиду совершенного преступления. Данными правилами и ограничением в осуществлении доказывания обеспечивается требование допустимости ограничения прав и свобод граждан, только с целью обеспечения прав свобод других граждан, общественного порядка, защиты конституционного строя и территориальной целостности, предусмотренное ст. 14 Конституции.

Тем самым, если нормы, содержащиеся в статьях 5 и 14 Конституции, влияют на законодательную регламентацию деятельности по доказыванию и в определенной носят общий характер, то в отличии от них в ст. 20 Конституции содержится специальная норма содержащая положение, которое можно назвать одним из ключевых и определяющих, не только в доказывании, но и в целом в теории уголовного процесса. Данную норму в науке называют презумпцией невиновности. Презумпция невиновности означает, что обвиняемый считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в установленном законом порядке. В законодательствах большинства государств, значение презумпции невиновности раскрывается по разному. Однако в целом её значение сводится к тому, что виновность лица (обвиняемого) должна быть доказана в суде. Основываясь на нормах Конституции и положений теории доказывания, уголовно-процессуальный закон в ст.15 определяет презумпцию невиновности в следующих положениях:

- никто не считается виновным в совершении преступления до вступления приговора суда в законную силу;
- обязанность доказывать обвинение возлагается на обвинителя;

-обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность;
-все сомнения в виновности обвиняемого, которые не могут быть устранены в порядке, установленном уголовно-процессуальным законом, толкуются в пользу обвиняемого;
-обвинительный приговор не может быть основан на предположениях.

В основе презумпции невиновности лежит общая и широко признаваемая нормаморали, согласно которой каждый человек должен предполагаться (презумироваться) добропорядочным, пока иное не будет доказано. Прототипом презумпции невиновности А.М. Ларин называл древнеримскую формулу *praesumptio boni viri*, что означает: участник судебной тяжбы считается действующим добросовестно, пока иное не доказано¹.

В Европе принцип презумпции невиновности был сформулирован итальянским автором Чезаре Беккариа в его произведении «О преступлениях и наказаниях», изданной на его родном языке в 1764г., а затем переведенной на многие европейские языки². Как общественно-политическая идея она зародилась незадолго до Великой французской революции XVIII в. и пришла в уголовный процесс из политики. Ее выдвинуло в качестве политического лозунга, наряду с требованиями свободы, равенства и братства революционное «третье сословие» в пику отжившему инквизиционному пыточному судопроизводству, королевскому произволу и бессрочному заточению в тюрьму без суда и следствия. В своем изначальном виде, презумпция невиновности формулировалась в виде следующего требования, закрепленного в статье 9 Декларации прав человека и гражданина Франции 1789 г.: «Так как каждый человек предполагается невиновным, пока его не объявят (по суду) виновным, то в случае необходимости его ареста всякая строгость, которая не является необходимой для обеспечения (за судом) его личности, должна быть строго караема законом»³.

В науке уголовного процесса досоветского периода о презумпции невиновности писали такие видные ученые как Л.Е.Владимиров, С.И.Викторский, В.К.Случевский, С.В.Познышев, И.Я.Фойницкий. В частности, Л.В.Владимиров писал: «*Praesumptio juris* идет в пользу подсудимого, он предполагается невиновным, доколь не доказано противное»⁴. И.Я. Фойницкий писал: «Современный процесс исходит из

¹ Ларим, А.М. Презумпция невиновности. – М. «Наука», 1982. – С. 12.

² Чезаре Б. О преступлениях и наказаниях / Сост. и предисл. В.С. Овчинского (в переводе профессора М.М. Исаева). – М.: ИНФРА-М, 2004. – С. 53. О значении этой книги говорит и тот факт, что в 1766 году вышел комментарий Вольтера к ней, в котором содержались его высказывания по ряду вопросов уголовного права и процесса.

³ Безлепкин, Б.Т. Комментарий к УПК РФ (постатейный). – М.: ООО «ВИТРЭМ», 2002. – С. 25.

⁴ Судебные уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны. Часть вторая // URL: <http://civil.consultant.ru/reprint/books/118/16.html#img17>

предположения невинности /*praesumptio boni viri*/, в силу которого на обвинении лежит обязанность доказать все элементы как объективной, так и субъективной виновности, рассеяв всякое разумное сомнение в пользу невинности»¹. В.К. Случевский, С.В. Познышев считали, что подсудимый должен признаваться невинным, пока не будет доказано противное обвинителем². Н.Н. Розин также полагал, что по общему правилу обвиняемый должен признаваться невинным, пока его вина не доказана в судебном порядке согласно ст. 91 Уложения о наказаниях³.

С того времени презумпция невинности внедрялась в практику общественных отношений, а также в законодательство. В настоящее время принцип презумпции невинности закреплен как в основных международных документах ООН, Совета Европы, так и в внутреннем законодательстве развитых стран. Так, в статье 11 Всеобщей декларации прав человека, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г. презумпция невинности формулируется следующим образом: «... каждый человек, обвиняемый в совершении преступления, имеет право считаться невинным до тех пор, пока его виновность не будет установлена законным порядком путем гласного судебного разбирательства, при котором ему обеспечиваются все возможности для защиты»⁴. В п. 2 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах, принятом Генеральной Ассамблеей ООН 18 декабря 1966 г. указано: «... каждый обвиняемый в уголовном преступлении имеет право считаться невинным, пока виновность его не будет доказана согласно закону»⁵.

Презумпция наряду с преюдицией это исключение из общих правил доказывания. Однако именно презумпция (невиновности) в определенной степени способствует недопущению произвола в уголовном судопроизводстве, устанавливая определенные требования в осуществлении доказывания. С презумпцией невинности связаны ряд положений касающихся доказывания, и которые отражены в нормах уголовно-процессуального закона. В частности такие законодательные принципы уголовного процесса как всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств дела (ст. 21 УПК РФ), обеспечение подозреваемому, обвиняемому, подсудимому и осужденному права на защиту (ст. 22 УПК РФ), исходят от положений презумпции невинности и являются его логическим продолжением.

¹ Фойницкий, И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Том II. – СПб., «Альфа», 1996. – С. 208.

² Цит. по: Хрестоматия по уголовному процессу России // сост. Э.Ф. Куцова. – М., «Городец», 1999. – С. 84-85.

³ Цит. по: Хрестоматия по уголовному процессу России // сост. Э.Ф. Куцова. М., «Городец», 1999. – С.84-85.

⁴ Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 г. п.2 ст.11 // URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml

⁵ Международный пакт о гражданских и политических правах. Принят резолюцией 2200А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 года п.2 ст.14 // URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml

Конституционная норма, регламентирующая презумпцию невиновности, служит основой для установления ряда положений в уголовно-процессуальном законе, которые определяют и характеризуют доказывание. Сущность пяти пунктов установленных ст. 15 УПК РФ, которые раскрывают значение конституционного положения о презумпции невиновности, находят свое отражение в различных нормах уголовно-процессуального закона. Так, согласно установленным ч.2 ст. 87 УПК РФ правилам оценки доказательств, органы уголовного преследования дают оценку доказательствам с точки зрения их достаточности для привлечения лица к уголовной ответственности. В то время как суд, судья дают оценку доказательствам для решения вопроса о виновности или невиновности подсудимого по мере их достаточности для привлечения его к уголовной ответственности. В соответствии с указанной нормой, в ч.1 ст. 335 УПК РФ, среди вопросов, разрешаемых судом при вынесении приговора, указывается выяснение доказанности совершения деяния подсудимым, а также доказанность его вины в совершении этого деяния и наличие обстоятельств смягчающих или отягчающих его ответственность. Разрешения вопроса о виновности подсудимого отнесено к исключительной компетенции суда и находит свое отражение в указанной выше норме.

Обстоятельства, установлены в ст. 85 УПК РФ подлежат доказыванию со стороны субъектов расследования – следователем, дознавателем (а также в ряде случаев прокурором ч.1. ст. 168 УПК РФ). Требованием данной нормы, а также возложением обязанности расследования уголовного дела на указанных участников процесса, обеспечивается требование обязанности доказывания обвинения обвинителем. Положения о праве подозреваемого и обвиняемого давать или не давать объяснения или показания и быть информированным перед допросом об этом, соответствуют положению, согласно которым обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность.

Требование толкования всех сомнений в виновности обвиняемого, которые не могут быть устранены в порядке, установленном уголовно-процессуальным законом, в пользу обвиняемого, находит свое отражение в ч.1 ст. 340 УПК РФ, где перечисляются основания вынесения оправдательного приговора, в числе которых указана недоказанность участия подсудимого в совершении преступления. Оправдание в данном случае означает признание невиновности подсудимого и влечет за собой его полную реабилитацию.

В ч. 1 ст. 339 УПК РФ, находит свое отражение положение, согласно которому обвинительный приговор не может быть основан на предположениях. Данная норма устанавливает, что обвинительный приговор постановляется лишь при условии, что в ходе судебного разбирательства виновность подсудимого в совершении преступления подтверждена совокупностью исследованных доказательств.

Таким образом, можно отметить, что нормы Конституции являются определяющими и основополагающими для отдельных отраслей права и

законодательства и уголовный процесс в данном случае не является исключением. Так же они как требование основного закона в государстве оказывают свое влияние и на институт доказывания в уголовном судопроизводстве. В связи с этим, можно отметить, что конституционные нормы, которые в определенной степени влияют на законодательную регламентацию процесса доказывания, условно можно разделить на общие и специальные нормы. В числе общих можно отметить нормы, определяющие основные приоритеты и задачи в конкретной отрасли законодательства. В числе же специальных, можно отметить презумпцию невиновности, в соответствии с положениями которой построена законодательная регламентация доказывания – процесса формирования (собрания), проверки и оценки доказательств в уголовном процессе.

*БАРБИН Вячеслав Владимирович,
заместитель начальника кафедры
государственно-правовых дисциплин
Академии управления МВД России, кандидат
юридических наук, доцент, полковник полиции*

К ВОПРОСУ О НАПРАВЛЕНИЯХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РОССИЙСКОЙ ПОЛИЦИИ

Интенсивно развивающееся международное сотрудничество Российской Федерации, и министерства внутренних дел в частности, обусловило появление в Федеральном законе «О полиции» положения, предусматривающего, что по решению Президента Российской Федерации сотрудники полиции могут участвовать в мероприятиях по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности¹.

В соответствии с Федеральным законом от 23 июня 1995 г. № 93-ФЗ «О порядке предоставления Российской Федерацией военного и гражданского персонала для участия в деятельности по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности» под деятельностью по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности с участием Российской Федерации понимаются операции по поддержанию мира и другие меры, предпринимаемые Советом Безопасности Организации Объединенных Наций в соответствии с Уставом ООН, региональными органами либо в рамках региональных органов или соглашений Российской Федерации, либо на основании двусторонних и многосторонних международных договоров Российской Федерации и не являющиеся согласно Уставу ООН принудительными действиями (миротворческая деятельность), а также международные принудительные действия с использованием вооруженных сил, осуществляемые по решению Совета Безопасности ООН, принятому в соответствии с Уставом ООН для устранения угрозы миру, нарушений мира или акта агрессии².

Правильное определение исчерпывающего круга правовых предписаний, которые формируют правовые основы организации и деятельности российских полицейских наблюдателей в операциях ООН по поддержанию мира, зависит от перечня тех федеральных органов исполнительной власти, чьи представители командированы в миротворческие миссии в этом качестве.

¹ О полиции: Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (в ред. Федерального закона от 25.11.2013 г № 317-ФЗ) // СЗ РФ. – 2011. – №7. – Ст.900; – 2014. – № 30 (Часть I). – Ст.4259.

² О порядке предоставления Российской Федерацией военного и гражданского персонала для участия в деятельности по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности: федеральный закон РФ от 23.06.1995 г. № 93-ФЗ (в ред. ФЗ от 04.06.2014) // СЗ РФ. – 1995. – №26. – Ст. 2401; – 2014. – №23. – Ст.2930.

Речь идет о том, что в составе российского полицейского контингента участвуют как сотрудники органов внутренних дел, так и представители других органов исполнительной власти, как это было, например, при проведении миротворческой операции ООН в Косово, в которой, помимо сотрудников МВД России, принимали участие и специалисты из ФПС ФСБ России. Ориентируясь на перспективы российского миротворчества, можно предположить, что тенденция в будущем сохранится, и российский полицейский миротворческий контингент будет формироваться не только по моноведомственному принципу.

Кроме федеральных законов «О полиции» и «О порядке предоставления Российской Федерацией военного и гражданского персонала для участия в деятельности по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности», правовую основу участия сотрудников органов внутренних дел (полиции) и военнослужащих внутренних войск МВД России в миротворческих миссиях составляют указы и распоряжения Президента РФ¹, постановления и распоряжения Правительства РФ², а также приказы МВД России³ и др.

¹ Вопросы Министерства внутренних дел Российской Федерации (вместе с «Положением о Министерстве внутренних дел Российской Федерации»): указ Президента РФ от 1.03.2011 г. № 248 (в ред. от 06.08.2014) // СЗ РФ. – 2011. – №10. – Ст.1334; – 2014. – №32. – Ст.4467; О направлении сотрудников органов внутренних дел РФ и военнослужащих ФПС России для несения службы в составе международного полицейского персонала в Косово: Распоряжение Президента РФ от 25.06.1999 № 206-рп // СЗ РФ. – 1999. – №27. – Ст.3345; О направлении российских военнослужащих и сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации в состав миссии ООН в Восточном Тиморе: распоряжение Президента РФ от 05.07.1999 г. № 236-рп // СЗ РФ. – 1999. – №29. – Ст.3723; О продлении срока пребывания сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации и военнослужащих ФПС России в составе международного полицейского персонала в Косово, Союзная Республика Югославия: Распоряжение Президента РФ от 30.08.2000 № 384-рп // СЗ РФ. – 2000. – №36. – Ст.3649; О направлении сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации в состав миротворческой операции ООН в Судане: Распоряжение Президента РФ от 2.02.2005 № 44-рп // СЗ РФ. – 2005. – №6. – Ст.456.

² Об обеспечении сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации и военнослужащих Федеральной пограничной службы Российской Федерации, направленных для несения службы в составе международного полицейского персонала в Косово: Постановление Правительства РФ от 12.08.1999 № 921 (в ред. Постановления Правительства РФ от 1.07.2002 г. № 486) // СЗ РФ. – 1999. – №34. – Ст.4280; – 2002. – №27. – Ст.2699; О направлении сотрудников органов внутренних дел РФ и военнослужащих ФПС России для несения службы в составе международного полицейского персонала в Косово: Распоряжение Правительства РФ от 13.10.1999 г. № 1628-р // СЗ РФ. – 1999. – №42. – Ст.5117.

³ Об организации участия сотрудников органов внутренних дел и военнослужащих внутренних войск МВД России в миротворческих миссиях: приказ МВД России от 30.08.2000 г. № 914 // Официальный сайт СПС «КонсультантПлюс»: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=EXP;n=292274;div=LAW;mb=LA W;opt=1;ts=E9F31D74B0BF11348568922601670270;rnd=0.4494925250635614> (дата обращения: 11.08.2014 г.); О мерах по реализации во внутренних войсках МВД России

Принципиальной международно-правовой основой всей миротворческой деятельности ООН является Устав ООН, его главы VI (Мирное разрешение споров), VII (Действия в отношении угрозы миру, нарушений мира и актов агрессии), VIII (Региональные соглашения), и, прежде всего, ст. 40¹.

В соответствии со ст. 24 Устава ООН именно Совет Безопасности несет главную ответственность за поддержание международного мира и безопасности, принимает решения о направлении в ту или иную точку ооновских миротворческих контингентов, определяет круг задач этих сил и осуществляет политическое руководство операциями.

Допустимо также учреждение миротворческих операций на основании решений Генеральной Ассамблеи ООН. Миротворческие операции могут учреждаться и региональными организациями, при этом определяющим критерием их легитимности является соответствие их мандата требованиям Устава ООН, а применение силы, выходящее за рамки самообороны, ограничено сферой соответствующего географического охвата и обусловлено санкцией со стороны Совета Безопасности ООН².

Устав ООН не содержит терминов «миротворческая деятельность» или «операция по поддержанию мира», поэтому данные понятия опираются прежде всего на практический опыт. Правовой базой миротворческих операций под эгидой ООН, как правило, являются резолюции Совета Безопасности, санкционирующие их проведение и определяющие их мандат. Такие резолюции являются международно-правовыми актами, в них содержится подробное описание политических и административных аспектов проводимых операций. Указанные резолюции имеют целевое назначение и ограничены по времени действия³. Важное значение имеют другие документы ООН, в частности документы Совета Безопасности, доклады Генерального секретаря, в которых выдвигаются

постановления Правительства Российской Федерации от 7 февраля 2006 г. № 78: приказ МВД России от 05.12.2011 г. № 1207 // Рос. газ. – 2012. – 01 февр.; Об утверждении Инструкции о порядке проведения военно-врачебной экспертизы и медицинского освидетельствования в органах внутренних дел Российской Федерации и внутренних войсках Министерства внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 14.07.2010 г. № 523 // Рос. газ. – 2010.

¹ Устав Организации Объединенных Наций от 26 июня 1945 г. // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XII. М., 1956. – С.14-47.

² См. напр.: Боженко В.А. Международно-правовые основы участия России в урегулировании вооруженных конфликтов на территории Содружества Независимых Государств: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2001; Насырова А.М. Региональное миротворчество на примере Содружества Независимых Государств: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2005.

³ См., наприм.: Резолюция Совета Безопасности ООН S/RES/1244 (1999) от 10 июня 1999 г. // Официальный сайт ООН: <http://www.un.org/russian> (дата обращения: 8.08.2011 г.).

предложения по совершенствованию и развитию миротворческой практики. Не имея юридической силы, эти материалы являются вспомогательными средствами, помогающими понять специфику проводимых операций.

Так, в докладе «Повестка дня для мира» от 17 июня 1992 г. бывший Генеральный Секретарь ООН Бутрос Бутрос Гали попытался ввести рационализацию миротворческих акций, обосновал различия между миссиями «превентивная дипломатия»; «миротворчество»; «поддержание мира»; «мироостроительство в постконфликтный период» и каждой из них дал точное определение. Он подчеркнул, что превентивная дипломатия направлена на урегулирование споров до того, как происходит вспышка насилия; миротворчество и поддержание мира призваны остановить конфликт и обеспечить сохранение мира, как только он будет достигнут. В случае успеха они повышают шансы на мироостроительство в постконфликтный период, которое может предотвратить повторные вспышки насилия между странами и народами¹.

Термин «поддержание мира», по определению Международной академии мира, означает «предотвращение, сдерживание, смягчение и прекращение военных действий между государствами или в пределах государства посредством вмешательства третьей стороны, организуемого и проводимого международным сообществом с использованием многонациональных сил, состоящих из военнослужащих, полиции и гражданских лиц, с целью восстановления и поддержания мира». Операции по поддержанию мира - это особые действия войск, военных наблюдателей, представителей гражданской полиции и других участников миротворческой миссии, которые не принимают участия в боевых действиях (единственное исключение – в случае самообороны войскам дается возможность применить оружие для отражения нападения) и выполняют роль нейтрального наблюдателя².

Понятие миротворческой деятельности (по крайней мере в России) включает в себя «превентивную дипломатию» – preventive diplomacy, «миротворчество» – peacemaking (как самостоятельный сегмент миротворческих усилий), «поддержание мира» – peacekeeping, «принуждение к миру» – peace enforcement и «мироостроительство» – peacebuilding. Вместе с тем следует различать нюансы, поскольку эти понятия не являются набором технических приемов, осуществляемых один за другим, и могут быть востребованы на всех этапах урегулирования, например элементы «поддержания мира» и «мироостроительства» в

¹ См.: Доклад Генерального секретаря «Повестка дня для мира: Превентивная дипломатия, миротворчество и поддержание мира» A/47/277 – S/24111 от 17 июня 1992 г. // Официальный сайт ООН: <http://www.un.org/russian> (дата обращения: 9.08.2011 г.).

² См. подробн.: Войска «мирового правительства». За 55 лет существования «голубые каски» провели 55 операций // Независимая газета. – 2003. – 30 мая.

одинаковой степени требуются на этапе предотвращения, усилий по урегулированию и решению конфликтов.

Миротворческая деятельность, как совокупность мер по урегулированию и разрешению конфликтов, в том числе уже достигших стадии вооруженных столкновений, включает в себя мирные средства разрешения конфликтов в соответствии с главой VI Устава ООН, «традиционные» операции по поддержанию мира, проводимые на основании главы VI и в некоторых случаях с использованием силовых элементов, а также «операции по принуждению к миру», осуществляемые на основании главы VII Устава ООН.

Операции по поддержанию мира – ОПМ (peacekeeping operations) есть предпринимаемые с согласия сторон в конфликте действия с участием беспристрастного международного военного, полицейского и гражданского персонала в поддержку усилий по стабилизации обстановки в районах потенциальных или существующих конфликтов путем их предупреждения, сдерживания и урегулирования. Они включают в себя широкий набор акций - от усилий по достижению немедленного прекращения кровопролития и разведению антагонистов до содействия осуществлению договоренностей, достигнутых сторонами в конфликте во имя прочного и долговременного разрешения кризисов.

Операции по принуждению к миру (peace enforcement operations) можно квалифицировать как военные акции в поддержку дипломатических усилий по восстановлению мира между сторонами в конфликте, одна или несколько из которых могут не дать согласия на подобное международное вмешательство и между которыми может существовать состояние войны.

Международная операция с элементами принуждения может быть учреждена исключительно по решению Совета Безопасности ООН. Принятая во время войны в Корее резолюция ГА ООН «Единство во имя мира», предусматривала созыв чрезвычайной сессии Генеральной Ассамблеи, которая могла бы рекомендовать государствам-членам ООН принятие коллективных мер, включая использование силы, если будут иметь место нарушения мира или акт агрессии¹.

В последнее время развернулась дискуссия относительно того, какой термин следует употреблять, когда речь идет о миротворческой деятельности. Объективно такая необходимость назрела, поскольку ныне узаконенное определение «операции по поддержанию мира», которое изначально адекватно соответствовало характеру целей, главенствовавших в ходе первого поколения операций, а именно наблюдение за соглашениями о прекращении огня и разведение сил конфликтующих сторон, теперь уже не покрывает новую совокупность задач.

Подтверждением этого является различная композиция состава полевых операций. Например, Группа военных наблюдателей ООН в

¹ См.: Резолюция Совета Безопасности ООН A/RES/377 (V) от 3 ноября 1950 г. // Официальный сайт ООН: <http://www.un.org/russian> (дата обращения: 9.08.2011 г.).

Индии и Пакистане (UNMOGIP) состоит только из военных наблюдателей, в то время как Вооруженные силы ООН по поддержанию мира на Кипре (UNFICYP) включают военный и полицейский персонал, а Миссия ООН по делам временной администрации в Косово (UNMIK) и Миссия ООН в Боснии и Герцеговине (UNMIBH), напротив, не содержали больших военных контингентов и состояли в основном из гражданского персонала и гражданских полицейских. В настоящее время в ряде операций полицейские контингенты являются основным компонентом миссий.

Несмотря на разный состав, все такие миссии имеют мандат от СБ ООН, который предписывает им выполнение целого ряда задач в рамках постконфликтного урегулирования, и тем самым они отличаются от других ооновских присутствий.

В ответ на эти политические дискуссии, а так же современные угрозы международному миру и безопасности, был предложен новый термин - «операции в пользу мира», который был впервые обоснован в докладе Группы высокого уровня по операциям ООН в пользу мира («доклад Брахими»¹) и с тех пор используется в документах Департамента операций по поддержанию мира. Возражения развивающихся стран против осовремененного термина объясняются их стремлением избежать излишне, по их мнению, расширительного толкования миротворческих усилий. Они опасаются, что формулировка «операции в пользу мира» будет подразумевать в первую очередь силовые действия по главе VII Устава ООН.

С российской точки зрения, терминологическая проблема не имеет остроты, так как у нас наравне с формулировкой «операции по поддержанию мира» использовалось понятие «миротворчество», которое имеет, разумеется, более широкое значение и соответствует английскому «reasetmaking».

Нынешняя концепция многокомпонентных сил ООН по поддержанию мира сложилась еще в середине 90-х г. прошлого века. Учитывая опыт проведения миротворческих операций на Балканах², в Камбодже, Западной Африке³, сейчас все более возрастает роль гражданских компонентов операций, в том числе полицейских миротворцев. Их задача – не только предотвратить возобновление боевых действий, но и создать условия для мирной жизни, обеспечить законность и

¹ Доклад группы по операциям Организации Объединенных Наций в пользу мира // Правовая защита во время войны. В четырех томах. Том 2. Часть 3: Прецеденты и документы (№ 1-68). Составители Сассоли М. и Бувье А. – М., 2008. – С.386-390.

² См., наприм.: Послесловие к выводу с Балкан // Независимая газета. – 2003. – 8 авг.; Балканский опыт // Там же. – 2002. – 30 авг.; Бросок с Балкан // Журнал «Итоги». – 2003. – 24 июня; Молчание – золото. // Там же. – 2000. – 3 окт.

³ См., наприм.: Либерия ждет международных жандармов // Независимая газета. 2003. 1 июля; В Либерию прибыла первая группа миротворцев // Там же. – 2003. – 4 авг.; Коротко. Уничтожено 40 боевиков // Там же. – 2004. – 2 июля; Поддержание мира – в частные руки? // Там же. – 2007. – 17 дек.

правопорядок, соблюдение прав человека. Это требует привлечения в состав операций ООН специалистов в самых различных областях миростроительной и правоохранительной деятельности. Полицейские миротворцы осуществляют подготовку местных кадров¹, следят за их деятельностью, создают условия для проведения выборов. Без их участия не может быть и речи о верховенстве права или демократическом развитии страны, охваченной конфликтом, в которой развернута миссия ООН².

Помимо модернизации участия полицейских, ООН также работает над усилением военной составляющей и жесткости проведения операций, вопросами комплексной защиты гражданского населения в зонах конфликтов. Приоритет отдается миростроительной деятельности, когда по завершении «горячей» части конфликта миротворцам приходится одновременно заниматься колоссальным кругом вопросов – от гуманитарной помощи до восстановления основ государственности.

Анализ положений международных документов позволяет выделить два блока прав и обязанностей полицейского персонала международных миротворческих сил:

а) типичный (унифицированный) перечень прав и обязанностей, который реализуется в любом случае, независимо от характера задач, стоящих перед той или иной операцией ООН по поддержанию мира (как правило, имеются в виду операции с только наблюдательными либо наблюдательными и обучающими задачами);

б) права и обязанности, реализация которых жестко обусловлена мандатом миротворческой операции. Такие права и обязанности востребованы не всегда, но, тем не менее, не выходят за пределы традиционной компетенции правоохранительных органов (в данном случае речь идет об операциях, где международные полицейские силы наделяются исполнительной функцией).

Права и обязанности полицейских миротворцев в целом отвечают общепринятому во всем мире стандарту, которому должна соответствовать деятельность правоохранительных органов; какая-либо специфика, свойственная именно российским полицейским миротворцам, здесь не прослеживается. Именно такой объем компетенции вполне достаточен для работы в подавляющем большинстве миротворческих операций ООН. В то же время из этого правила существуют исключения – операции ООН, при проведении которых на полицейский персонал возлагаются

¹ См., наприм.: Об организации обучения и содержания миротворцев из африканских стран во Всероссийском институте повышения квалификации работников МВД России и о направлении специалистов МВД России для проведения занятий в центры по подготовке миротворцев в г. Аккре (Республика Гана) и г. Виченце (Итальянская Республика): Распоряжение Правительства РФ от 17.07.2006 г. № 1023-р // СЗ РФ. – 2006. – №30. – Ст.3418.

² См. напр.: Войска «мирового правительства». За 55 лет существования «голубые каски» провели 55 операций // Независимая газета. – 2003. – 30 мая.

дополнительные функции, связанные с обеспечением общественного порядка, борьбой с преступностью, решением вопросов пограничной политики, налаживанием работы мест временного ограничения свободы и т.д.

Таким образом можно сделать вывод, что несмотря на относительно небольшой срок участия российских полицейских наблюдателей в операциях ООН по поддержанию мира, правовые основы их организации и деятельности уже вполне сформировались и представляют собой совокупность положений как международных, так и внутригосударственных нормативных правовых документов. Эти международные и национальные правовые документы неразрывны и должны рассматриваться только в единстве и неделимости. Данная ситуация представляет собой пример практической реализации конституционной нормы, закрепленной в ст. 15 Конституции России, в соответствии с которой общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы.

БОБОНАЗАРОВ Фарҳод Шарофиддинович,
лейтенанти калони милитсия, муаллими калони
кафедраи фанҳои давлатӣ-ҳуқуқии факултети
№ 2 Академияи ВКД Ҷумҳурии Тоҷикистон

ХУСУСИЯТИ ҲУҚУҚИИ КОНСТИТУТСИЯИ ТОҶИКИСТОН СОЛИ 1994

Конститутсия санади махсуси олии ҳуқуқиест, ки бо эътибори олии ҳуқуқии худ аз ҳар гуна қонунҳо ва санадҳои меъёрии ҳуқуқии дигар фарқ мекунад. Чӣ тавре, ки сарвари давлат Эмомалӣ Раҳмон қайд кардаанд, «Конститутсия ба сифати қонуни олий заминаҳои ҳуқуқии пешрафти ҷомеа аз тариқи қабули қонунҳои нав гузошта, муносибатҳои ҷамъиятии мухталифро таҳти танзим қарор дода, асосҳои ҳуқуқии рушду такомули минбаъдаи чунин муносибатҳоро фароҳам меорад»¹.

Меъёрҳои конститутсия хусусияти муҳими таъсискунӣ доранд. Дар онҳо шаклҳои идоракунии сиёсӣ ва сохтори давлатӣ, усулу заминаи нави ҳаёти сиёсӣ ва иҷтимоӣ иқтисодӣ муқаррар карда мешаванд. Масалан, дар Конститутсияи ҳозира аввалин бор Тоҷикистон давлати ягона ва иҷтимоӣ эълон гардидааст, усули таҷзияи ҳокимияти давлатӣ ба ҳокимияти қонунгузорӣ, иҷроия ва судӣ эълон карда шуда, дар дараҷаи муайяни татбиқи он муқаррар карда шудааст. Конститутсия низоми нави мақомоти қонунгузор ва иҷроияро муқаррар карда, доираи салоҳияти онҳоро муайян намудааст.

Дар илми давлатшиносӣ хусусияти барномавӣ доштан ё надоштани конститутсия ҳамеша мавзӯи баҳсу андешаҳо буданд. Дар давраи ҳокимияти шӯравӣ хусусияти барномавии конститутсия гоҳ тасдиқ меёфт. Дар таҳияи қардани лоиҳаи Конститутсияи ИҶШС соли 1939 ҳамон ақидае ҳукмрон буд, ки И.В. Сталин дар муҳокимаи он чунин изҳор карда буд: «Конститутсия ҳамон музаффариятҳоеро ба қайд гирифта, қонунан мустаҳкам менамояд, ки аллақай он ба даст оварда шуда, татбиқ гардидаанд». Гарчи пурра амалӣ қардани ин ғоя он замон муяссар нагардид, бо вучуди ин дар Конститутсияи ИҶШС соли 1936 ва Конститутсияи ҶШС Тоҷикистон соли 1937 меъёрҳои хусусияти барномавӣ дошта, нисбат ба конститутсияҳои пешина ва баъдина хеле кам буданд.

Хусусан, дар Конститутсияи ИҶШС соли 1977 ҳолатҳо ва меъёрҳои хусусияти барномавӣ дошта хеле зиёд гаштанд. Дар қисми муқаддимавии он хусусиятҳои хоси ҷамъияти сотсиалистии мутараққӣ нишон дода шуда, мақсади олии давлати шӯравӣ – барпо қардани ҷамъияти бесинфи камунистӣ, пешбинӣ қарда шуда буд. Дар он на фақат меъёрҳои хусусияти барномавӣ дошта, ҳамчунин меъёрҳои хусусияти эълomiaвӣ дошта низ ҷой доштанд. Чунин хусусиятҳо ба Конститутсияи Тоҷикистон соли 1978 низ хос буданд. Дар он ҳолатҳои хислати барномавӣ доштаи Конститутсияи

¹ Баромади Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон бахшида ба 15 солагии Конститутсияи (Сарқонуни) Ҷумҳурии Тоҷикистон. – Душанбе, 05.11.2009 с.
<http://www.president.tj/node/283>

ИҶШС мухтасар ифода карда шуда, ҳадафу мақсади дурномаи ҷумҳурӣ нишон дода шуда буданд.

Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон соли 1994 низ чанде меъёрҳои хусусияти барномавӣ доштаро дар бар мегирад, ки ҳоло барои амалӣ гаштани онҳо заминаи даркории иҷтимоӣ-иқтисодӣ ва фарҳангӣ мавҷуд нест. Масалан дар муқаддимаи он нишон дода шудааст, ки халқи Тоҷикистон бунёди ҷомеаи адолатпарварро вазифаи худ қарор медиҳад. Бо ҳамин монанд меъёрҳои хусусияти эълomiaвӣ дошта дар он зиёданд. Масалан, дар қисми дуюми моддаи якуми Конститутсия эълон карда шудааст, ки Тоҷикистон давлати иҷтимоӣ буда, барои ҳар як инсон шароити зиндагии арзанда ва инкишофи озодонаро фароҳам меорад. Ба ҳама маълум аст, ки Тоҷикистон аз уҳдаи ин вазифа фақат дар ояндаи дур баромада метавонад, ҳоло бошад амалӣ гаштани он имкон надорад. Дар ин Конститутсия меъёрҳои хусусияти барномавӣ ва эълomiaвӣ бештар вақт якҷоя омадаанд¹.

Таҳқиқкунандагони падидаи конститутсия хусусиятҳои гуногуни онро равшан ва тасниф менамоянд. Аз ҷумла, бо шакли ҳуқуқӣ: конститутсия ба навишта шуда ва нанавишта, ба тақдимшуда (аз тарафи шох) ва аз тарафи халқ бевосита (бавосита) қабул шуда; бо тартиби тағйирёбӣ: ба қатъӣ (яъне бо роҳи мураккаб тағйирёбанда) ва чандир (бо роҳи сода тағйирёбанда); бо дараҷаи сахтӣ: ба воқеӣ (ҳақиқӣ) ва қалбакӣ; бо шакли сохтори марзӣ-давлатӣ: ба иттифоқӣ (федеративӣ) ва ягона (унитарӣ) ва ғайраҳо ҷудо карда мешаванд.

Дар хусуси меъёрҳои конститутсия бошад, онҳоро ба демократӣ ва дар ҳолати ғавқулудда ва ё осоишта қабул гардида, ба бевосита амалкунанда ё ба воситаи қонунҳои конститутсионӣ ва ё қонунҳои ҷорӣ амалкунанда, ба меъёрҳои ҳислати устувор ё ноустувор дошта (зуд-зуд тағйирёбанда), ба ҳислати эълomiaвӣ дошта ва ғайра тақсим мекунамд.

Ҳар яке аз ин хусусиятҳоро дар мисоли Сарқонуни давлатӣ муайян ва дар марҳалаи ҷудогонаи тараққиёти он қабул гашта, таҳлилу таҳқиқ кардан лозим аст. Берун аз марҳилаи таърихии инкишофи ҷомеа ва давлат муайянкардани моҳият ва таъиноти конститутсия ҳислати назариявӣ дошта, дар таҷриба ба конститутсияи давлати муайян нисбат додани он чандон осон намебошад. Зеро ки моҳият, таъинот ва мазмуни он давраи муайяни рушди ҷомеа ва давлатро ифода мекунад. Чунки конститутсия ҳуҷҷати ҳуқуқии мучаддад набуда, маҳсули давраи муайяни таърихии ин ё он ҷомеа ва давлат мебошад.

Конститутсияи Тоҷикистон дорои ҳамаи он хусусиятҳое, мебошад, ки умуман ба қонунҳо хосанд. Баробари ин, он хосиятҳои ҳуқуқие дорад, ки қонуни махсус будан ва нисбат ба дигар қонунҳо бартарӣ ва қувваи махсуси олии ҳуқуқӣ доштани онро нишон медиҳанд. Ин хусусиятҳои махсуси ҳуқуқии Конститутсияи (Сарқонуни) Ҷумҳурии Тоҷикистон ҷунинанд:

¹ Имомов А. Ҳуқуқи конститутсионии Ҷумҳурии Тоҷикистон: китоби дарсӣ. Нашри сеюм. Бо тағйиру иловаҳо. – Душанбе: «ЭР-граф», 2012. – С.55

1. Меъёрҳои Конституцияи Ҷумҳурии Тоҷикистон сарчашмаи асосгузоридаи на фақат соҳаи ҳуқуқи конституционӣ ҚТ, балки ҳамаи дигар соҳаҳои ҳуқуқ: ҳуқуқи маъмури, ҷиноӣ, маданӣ, муҳофизатӣ, соҳибқдорӣ, никоҳу оила, меҳнатӣ, экология, молия ва ғайра мебошад. Ин меъёрҳо чӣ бевосита ва чӣ ба воситаи меъёрҳои ҳамаи дигар соҳаҳои ҳуқуқ, инчунин низоми қонунгузорию ҷумҳурият татбиқ мегарданд;

2. Ҳамчун манбаи асосии қонунгузорию ҷумҳурият Конституция меъёрҳои ҳуқуқиеро дарбар мегирад, ки хусусияти асосгузорида доранд. Дар Конституцияи ҷумҳурият асоси таснифи қонунҳо, аз ҷумла қонунҳои конституционӣ, қонунҳои ҷорӣ ва кодексо пешбинӣ карда шудааст. Масалан, мувофиқи м. 7 Конституция тартиби таъсис ва тағйири воҳидҳои марзию маъмуриро қонуни конституционӣ танзим менамояд. Конституция қабули понздаҳ қонунҳои конституциониро пешбинӣ кардааст, ки онҳо дар асос ва мувофиқи меъёру ҳолатҳои он қабул карда мешаванд;

3. Мазмун ва таъиноти қонунҳои конституционӣ ва қонунҳои ҷорӣ бояд ба конституция мувофиқ оянд, дар ҳолати мувофиқ наомадан, меъёрҳои конституционӣ амал мекунад. Қонунҳо ва дигар санадҳои ҳуқуқие, ки хилофи конституция мебошанд, эътибори ҳуқуқӣ надоранд;

4. Конституцияи Тоҷикистон бояд ба меъёрҳои санадҳои эътирофшудаи байналмилалӣ мувофиқат кунад. Санадҳои байналмилалӣ, ки хилофи Конституцияи Тоҷикистон мебошанд, набояд аз тарафи Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон тасдиқ карда шаванд. Санадҳои ҳуқуқии байналмилалӣ, ки Тоҷикистон онҳоро эътироф кардааст, қисми таърифию низоми ҳуқуқии ҷумҳуриро ташкил медиҳанд;

5. Ҳамаи санадҳои меъёрии ҳуқуқие, ки дар Тоҷикистон қабул карда мешаванд, набояд бар хилофи Конституция бошанд, дар ҳолати ба Конституция мувофиқ наомадан, қувваи ҳуқуқии он эътироф карда намешавад;

6. Мақомоти қонунгузорию Тоҷикистон, шахсони мансабдори олии давлатӣ ҳамон санадҳои меъёрии ҳуқуқиеро қабул карда метавонанд, ки дар Конституцияи Тоҷикистон пешбинӣ шудаанд. Масалан, Президент мувофиқи моддаи 70 Конституция дар доираи салоҳияти худ фармон мебарорад ва амр медиҳад, Ҳукумат бошад, дар асоси моддаи 74 Конституция ва қонунҳои конституционӣ қарор мебарорад ва фармоиш медиҳад;

7. Конституция танҳо бо роҳи раъйпурсии умумихалқӣ қабул ва тағйир дода мешавад. Тартиби қабули конституцияҳо, тартиби тағйироту иловаҳо дохил кардан ба он бештар дар ҳуди Конституция ё дар қонуни конституционӣ махсус муқаррар карда мешавад¹.

Ҳамин тариқ, мазмуни Конституцияи Ҷумҳурии Тоҷикистон соли 1994 давраи нави ташаккули давлати соҳибхитияи Тоҷикистон, моҳият ва

¹ Конституцияҳои Тоҷикистон: пайдоиш ва инкишоф // зери назари Президенти Академияи илмҳои Ҷумҳурии Тоҷикистон, узви вобастаи АИ Ҷумҳурии Тоҷикистон, профессор Ф. Раҳими, д.и.х., профессор А.А. Шамолов. – Душанбе, 2014. – С.450-451.

мазмунӣ фаъолияти давлат, ҳолати ҳуқуқӣ-конститутсионии инсон ва шаҳрванд, вазъи ҳуқуқии ВМКБ, соҳти марзию маъмурии Тоҷикистон, низом, тарзи ташкилӣ ва фаъолияти мақомоти давлатии ҷумҳурӣ, ташкили мақомоти худидораи маҳаллиро инъикос мекунад. Меъёрҳои Конститутсия ҳислати таъсиснамоӣ, муқаррарсозӣ, муайяннамоӣ ва танзимнамоӣ дошта, мазмуни Конститутсия дар шакли сатҳи баланди ҳуқуқӣ-конститутсионӣ ифода ёфтааст.

БОБОНАЗАРОВ Фарход Шарофиддинович,
старший преподаватель кафедры государственно-
правовых дисциплин факультета №2 Академии МВД
Республики Таджикистан, старший лейтенант
милиции

ЗАРОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ КОНСТИТУЦИИ

Конституция - это основной закон государства, определяющий его общественное и государственное устройство, избирательную систему, принципы организации и деятельности государственных органов и основные права и обязанности человека и гражданина.

Сам термин «конституция» появился задолго до «рубежного» XVIII в. Словом *constitutio* начинались многие акты римских императоров. Немецкие государствоведы полагают, что современному пониманию конституции как важнейшего правового акта «предшествовало представление о конституции как конкретном облике государства и форме господства». Такое понимание, по их мнению, восходит к Аристотелю, определявшему конституцию как устройство государства (полиса)¹.

Самая старая из действующих сегодня конституций мира – основной закон Сан-Марино, который приняли ещё в 1600 году, при том что за её основу был взят городской устав, принятый ещё в 1300 году.

Первым документом конституционного характера, но не имеющим никакой юридической силы, была Конституция Филиппа Орлика, принятая 5 апреля 1710 года. Документ был составлен в городе Бендеры (Османская Империя) (современная территория Молдавии, Приднестровье) и представляет собой соглашение между гетманом Филиппом Орликом и несколькими старшинами, оставшимися верными ему после смерти гетмана Ивана Мазепы.

Первой и до сих пор действующей номинальной конституцией (т.е. документом, прямо объявляющим себя конституцией) принято считать конституцию Соединённых Штатов Америки, ратифицированную штатом Делавэр 7 декабря 1787 года. Она же – первая конституция в современном смысле этого понятия: описывает и устанавливает разделение властей и компетенцию каждой из них.

В число первых писанных конституций в Европе входит и Конституция Речи Посполитой, принятой 3 мая 1791 года. В том же году 3 сентября была принята конституция во Франции. Что одна, что другая конституции просуществовали недолго: в Польше причиной была русская интервенция, а во Франции – из-за развития революционных событий.

В России в 1730 году была предпринята первая попытка создать сословную конституцию, ограничивающую самодержавную власть

¹ История появления конституции [Электронный ресурс]: www.forexaw.com (дата обращения: 13.11.2014 г.).

посредством представительного органа и дающую дворянству сословные права.

Позднее проекты создания конституции разрабатывались некоторыми дворянами в окружении Александра I, работали над проектом и декабристы. Существует также проект конституционного характера, разработанный М.Т. Лорис-Меликовым. Бумага была подписана Александром II в день его гибели, но так и не вступила в силу по некоторым обстоятельствам. В 1905-1906 годах был принят ряд Основных государственных законов Российской Империи, фактически ставших первой конституцией России¹.

Классификация конституций

Для этого существует множество оснований. Среди них конституционное право выделяют следующие:

По способу принятия. Выделяют следующие виды конституций по способу принятия:

1. Дарованные – когда существующая власть самостоятельно или под давлением общества ограничивает себя конституцией. Такой властью может быть монарх и принятие конституции в этом случае знаменует переход от абсолютизма к конституционной монархии. Например, конституции Непала или Иордании, которые были дарованы народу монархом. Дарована была также Конституция Италии середины XIX века королём Карлом Альбертом, который сперва в 1848 году предложил конституционный закон для Королевства Сардиния, а затем, после объединения Италии в 1870 году, этот Альбертинский статус стал конституцией всей страны. Кроме того, конституция может быть дарована метрополией своей бывшей колонии. Так было, в частности, с Конституцией Канады, которая появилась на основе Акта о Британской Северной Америке 1867 года, несколько измененная и дополненная.

2. Принятые – такими являются большинство современных конституций стран мира. Среди принятых конституций даже выделяют три подвида: принятые парламентом, принятые Учредительным Собранием и принятые народом на референдуме. В число первых входит Конституция США: каждый из 13 штатов выбрал своих представителей от двух до восьми человек и они приняли основной закон государства. Ко второму подвиду относятся конституции Италии 1948 года, Японии 1947 года и Португалии.

3. Третий способ принятия конституции – на референдуме. В этом случае проект закона готовят опытные юристы, после чего он выносится на народное голосование. Этот способ считается одним из самых демократичных. Дарование же конституции в целом снижает ее авторитет. Она не получена в борьбе или принята государством в результате долгих

¹ Первые конституции и их история [Электронный ресурс]: www.poetomu.ru (дата обращения: 13.11.2014 г.).

обсуждений и споров, в которых голос каждого гражданина мог оказаться решающим, а преподнесена в качестве уступки.

Второй критерий деления конституций – **по форме или формальной определенности**. Различают писанные и неписанные конституции. Первые существуют в подавляющем большинстве стран мира. Из развитых государств только Великобритания имеет неписаную конституцию, более того, там вообще не существует строго научного разграничения между конституционным и всем остальным правом. Связано это с системой прецедентного права, что создает немалые трудности для юристов-профессионалов¹.

В целом существование конституции (в любой стране) оценивается положительно всем мировым сообществом. Связано это в первую очередь с тем, что именно в ней прописаны права и свободы человека и гражданина, на её основе разрабатывается вся система национального законодательства.

Коротко об истории Конституции Республики Таджикистан

Конституция Республики Таджикистан – основной закон Таджикистана, принята на референдуме 6 ноября 1994 году, состоит из 10 глав и 100 статей.

Конституция Таджикистана предусматривает унитаризм государства, разделение государственной власти, статус таджикского языка как государственного и русского как языка межнационального общения, автономию Горно-Бадахшанской области. Поправки в Конституцию могут вноситься только путём проведения общенародного референдума. Поправки в Конституцию Таджикистана вносились в 1999 году (установление двухпалатного парламента вместо однопалатного) и 2003 году. Не подлежат изменению республиканская форма правления, территориальная целостность, демократическая, правовая, светская и социальная сущность государства. Необходимо отметить, что за время существования Таджикской ССР были приняты четыре Конституции: в 1929, 1931, 1937 и 1978 годах.

С принятием новой Конституции республики – фундамента всей системы законодательства и центра правовой системы страны, встала неотложная двуединая задача: с одной стороны, конструирование и организация деятельности органов молодого государства на основе конституционного принципа разделения властей, а с другой, разработка и принятие новых законов, отвечающих духу государственной независимости, интересам формирования правового государства и рыночной экономики, приведение действующего законодательства в соответствие с принципами и нормами Конституции. Интерес вызывают и те факторы, которые обусловили внесение путем референдума 26 сентября 1999 года первых изменений и дополнений к Конституции. Исследование

¹ Первые конституции и их история [Электронный ресурс]: www.poetomu.ru (дата обращения: 13.11.2014 г.).

процесса разработки и принятия Конституции республики, порядок ее изменения и дополнений к ней, детальное рассмотрение таких конституционных положений, как основы конституционного строя, основные права, свободы и обязанности человека и гражданина, а также конституционные основы организации государственной власти в независимой Республике Таджикистан, являются одной из важнейших, актуальных задач историко-правовой и юридической науки в целом.

Президент Республики Таджикистан Э.Рахмон, выступая на XXI сессии Верховного Совета Республики Таджикистан, подчеркнул, что «6 ноября 1994 года в истории Республики Таджикистан открывает величественную ее страницу. Таджикский народ за более чем тысячелетнюю историю своей государственности впервые принял Конституцию независимого государства путем всенародного референдума. Активное участие всех граждан республики в этом важном политическом событии является важным достижением и победой демократии в Таджикистане»¹.

Конституция в материальном смысле представляет собой писанный нормативный акт или совокупность актов, конституционных обычаев, которые провозглашают и гарантируют права и свободы человека и гражданина и определяют основы общественного строя, форму правления и государственного устройства, основы организации центральных и местных органов власти, их компетенцию и взаимоотношения, государственную символику, в формальном смысле представляет собой закон, обладающий высшей юридической силой по отношению ко всем остальным законам.

Президент Республики Таджикистан Эмомали Рахмон, по случаю празднования 19-й годовщины Конституции РТ, в своём выступлении отметил: «Первая Конституция суверенного Таджикистана, которая является фундаментальной основой и книгой счастья Таджикистана и национальной государственности таджиков, для каждого гражданина нашей дорогой страны, является действительно историческим и судьбоносным событием. Конституция нашего государства, нормы которой берут начало из принципов гуманизма, признана как судьбоносный политический и правовой документ, в котором ярко отражены важные жизненные ценности, волеизъявление, мечты и чаяния всех жителей страны.

Следуя высказыванием Президента страны, А.Х. Юсуфов справедливо отмечает, что Конституция Республики Таджикистан – это очередное наше продвижение по пути демократизации общественной

¹ Поздравительное послание в честь дня Конституции Республики Таджикистан [Электронный ресурс]: www.khovar.tj (дата обращения: 13.11.2014 г.).

жизни и развития правового государства¹. Действительно принятие Конституции Таджикистана, как великое и судьбоносное событие, заложило крепкую основу для перехода общества на новый этап развития, то есть на путь создания правового и социального государства, свободного гражданского общества в весьма чувствительной и сложной политической обстановке в стране служило в качестве путеводителя для укрепления идеи государственной независимости, устойчивости мира и спокойствия, а также прочности национального единства».

¹ Юсуфов А.Х. Конституция Республики Таджикистан об ограничениях прав и свобод граждан в условиях чрезвычайного положения // Вестник Таджикского госуниверситета права, бизнеса и политики. – Худжанд, 2012. – №2 (50). – С.188-193.

*БУРИЕВ Фирдавс Аҳмадович,
ходими калони илми ШТИ ва ТН Академияи
ВҚД Ҷумҳурии Тоҷикистон, лейтенанти
калони милитсия*

КОНСТИТУТСИЯ ҲАМЧУН ҲУЧЧАТИ АСОСИИ ДАВЛАТ

Аз паём ва суҳанрониҳои фарзанди фарзонаи миллати тоҷик, Ҷаноби Олӣ Эмомалӣ Раҳмон мо хуб дарк кардем, ки Конститутсия ба сифати қонуни олӣ заминаҳои ҳуқуқии пешрафти ҷомеа аз тариқи қабули қонунҳои нав гузошта, муносибатҳои ҷамъиятии мухталифро таҳти танзим дода, асосҳои ҳуқуқии рушду такомули минбаъдаи чунин муносибатҳоро фароҳам меорад¹.

Дар зери мафҳуми Конститутсия дар илми ҳуқуқшиносӣ одатан Сарқонуни давлат фаҳмида мешавад, ки дар он мувофиқи иродаю манфиатҳои қувваҳои сиёсии дар ҷамъият ҳукмрон асосҳои сохтори конститусионӣ, сохтори марзӣ-давлатӣ ва марзию маъмурӣ, сохтори ҷамъиятӣ, вазъи ҳуқуқӣ-конститусионии инсон ва шаҳрванд, тартиби ташкил, шаклҳои ғайридавлатӣ ва салоҳияти мақомоти давлатӣ, мақомоти худидораи маҳаллӣ муқаррар ва танзим карда шудааст. Набояд фаромӯш кард, ки элитаи сиёсии мамлакат бе таъҷиб ба оммаи халқ дар Конститутсия ва қонунҳо иродаю манфиати худро ошкоро муқаррар ва ҳифз карда наметавонад. Бинобар ин дар қисми муқаддимавии (дебочаи) аксарияти конститутсияҳо меъёр ва ҳолати он аз номи халқ эълон карда мешаванд².

Конститутсия ҳуҷҷати таърихӣ хислати сиёсӣ, ҳуқуқӣ ва иҷтимоӣ дошта мебошад. Гарчӣ давлат чандин ҳазорсолаҳо вучуд дорад, вале Конститутсия дар шакл ва мазмуни ҳозираи худ ҳамагӣ зиёда аз дусад бист сол боз қабул гашта, амал мекунад. Истилоҳи «конститутсион» ҳанӯз дар Рими қадим маъмул буд. Дар он давра зери ин мафҳум баъзе санадҳои сиёсӣ-ҳуқуқии шоҳон фаҳмида мешуданд, ки онҳо муносибатҳои ба сохтори марзӣ-давлатӣ алоқаманд, тартиби ворисии таҳти шоҳӣ ва усулҳои ба тарзи идоракунии давлат вобастаро муқаррар ва танзим мекарданд. Бо ҳамин мазмун дар як вақт чандин санадҳои муҳими сиёсӣ-ҳуқуқӣ «конститутсион» номида мешуданд. Баъдан дар ҳамин шакл ва мазмун конститутсия дар баъзе мамлакатҳои Аврупо дар асрҳои миёна низ пайдо гаштанд. Лекин бо шаклу мазмуни ҳозираи худ конститутсия маҳсули замони нав буда, хеле дертар пайдо шудааст.

Дар шакл ва мазмуни ҳозира конститутсия дар натиҷаи ғалабаи инқилоби буржуазӣ-демократӣ ва ба сари ҳокимияти давлатӣ омадани синфи нави буржуазия пайдо гардид. Конститутсияи шаклу мазмуни ҳозира якумин шуда дар Штатҳои Муттаҳиддаи Амрико соли 1787 қабул

¹ 20-соли амали Конститутсияи (Сарқонуни) Ҷумҳурии Тоҷикистон: нақши ҷавонон ҳамчун пойдевори ҷомеа ва ҳуқуқи инсон дар он (Маводи конференсияи Ҷумҳуриявии илмӣ-назариявӣ). – С.69.

² Имомов А. Ҳуқуқи конститусионии Ҷумҳурии Тоҷикистон. Китоби дарсӣ. Нашри сеюм. Бо тағйироту иловаҳо. – Душанбе: «ЭР-граф», 2012. – С.51.

гардид ва соли 1789 ба амал даромад. Соли 1791 дар Полша ва Фаронса конституцияҳои аввалин дар қитъаи Аврупо қабул карда шуданд. Минбаъд раванди гузариш ба низоми идораи конституционӣ инкишоф ёфта, дар асри XIX дар аксарияти давлатҳои Аврупо, Амрико ва баъзе давлатҳои қитъаи Осиё ин раванд асосан ба анҷом расид. Аммо бунёди сохтори конституционӣ ҳанӯз ҳам дар баъзе давлатҳои нав ба соҳибхитиярӣ ноил гашта, идома дорад. Ҳоло кам давлатҳое ёфт мешаванд, ки конституцияҳои навишта шуда надошта бошанд. Бо сабабҳои муайяни таърихӣ ва мафкуравӣ фақат якчанд давлатҳо ҳанӯз чараёни гузариш ба низоми конституцияи ягонаи навишташударо ба анҷом нарасонидаанд. Инҳо Англия, Шветсия, Зеландияи Нав, Исроил, Норвегия ва баъзе давлатҳои дигар мебошанд. Дар ин давлатҳо албатта бо мазмуни васеъ конституция вучуд дорад ва таъсири он ба ҳаёти ҷамъиятӣ-сиёсии мамлакат калон аст.

Конституция ҳамчун санади олий ва муҳимтарини сиёсӣ-ҳуқуқӣ асоси ҳуқуқии бунёди ҷомеа ва давлат мебошад ва мувофиқи хусусияти сиёсии худ ҳуҷҷати ҷозибаноки муттаҳид ва сафарбаркунандаи тамоми мардум аст. Бо ин сабаб конституция на фақат асоси ҳуқуқии давлатдорӣ буржуазӣ, балки ҳар гуна дигар шакли сиёсии давлатдорӣ низ мебошад. Зиёда аз ин ҳатто давлатҳои дар асоси арзишҳои динӣ ташаккул ёфта низ баробари Қуръон, Инҷил, Таврот ва ғайра, асоси ҳуқуқии давлатдорӣ худро ба конституция алоқаманд мешуморанд. Масалан, Қонуни асосии Ҷумҳурии Ислонд Эрон дар қисми муқаддимавӣ эълон менамояд, ки «Қонуни Асосии Ҷумҳурии Ислонд Эрон мубайни нисодҳои фарҳангӣ, иҷтимоӣ, сиёсӣ ва иқтисодии ҷомеаи Эрон бар асоси усул ва равобити ислом аст, ки инъикоси хости уммати исломӣ мебошад.» Ва ин омил нақши Конституцияро ҳамчун маҳсули майлу хоҳиши мардум зиёд ва эҳтиром ба онро меафзояд.

Конституция ҳамчун ҳуҷҷати сиёсӣ мазмуни ба худ хос дорад. Одатан, дар он шакли ҳуқуқии масъалаҳои муҳимтарини ба соҳибхитиярии давлат, сохтори ҷамъиятӣ ва давлатӣ, шакли идораи давлат, ҳолати ҳуқуқии инсон ва шаҳрванд, тарзи ташкил ва фаъолияти мақомоти давлатӣ, ташкил ва фаъолияти мақомоти худидораи маҳаллӣ алоқаманд муайян ва танзим карда мешаванд. Меъёрҳои ҳуқуқӣ-конституционӣ барои фаъолияти мақомоти давлатӣ, иттиҳодияҳои ҷамъиятӣ, шахсони шаҳрвандӣ надошта, ки дар Тоҷикистон истиқомат доранд, асос мебошанд. Меъёрҳои конституционӣ бисёр вақт усулҳо ва самтҳои асосии сиёсати давлат, аз ҷумла, сиёсати дохилӣ ва хориҷиро муқаррар менамоянд¹.

Аз ин лиҳоз конституция ҳуҷҷати оддии сиёсӣ ва ҳуқуқӣ набуда, ҳуҷҷати муҳими созишиест, ки дар он манфиати тарафҳо ба қадри зарурӣ инъикос ёфтааст. Тағйирёбии манфиати қувваҳои дар таркиби ҷамъият, ба тағйирёбӣ ва ба дигаргуншавии конституция сабаб мегардад. Яъне на фақат пайдоиш, балки мавҷудият ва инкишофи Конституция низ ба созиши қувваҳои иҷтимоӣ-сиёсии воқеии ҷамъият алоқаманд аст.

¹ Имомов А. Ҳуқуқи конституционии Ҷумҳурии Тоҷикистон. Китоби дарсӣ. Нашри сеюм. Бо тағйироту иловаҳо. – Душанбе: «ЭР-граф», 2012. – С.52

Устуворию конституция бо пойдоорию муносибатҳои сиёсӣ, иҷтимоӣ-иқтисодӣ, фарҳангӣ, динӣ ва ғайра, ки дар марҳалаи муайян дар ҷамъият амал мекунад ва инкишофи онҳо вобаста аст.

Пеш аз ҳама конституция ҳамчун қонуни асосии давлат ва ҷамъият шинохта шудааст. Вале таҷрибаи қонунгузорӣ ва низоми қонунҳои давлат ғайр аз конституция боз дигар санадҳои ҳуқуқиро меонад, ки онҳоро низ асосӣ меноманд ва ё номидан мумкин аст. Ҳоло мувофиқи Конституцияи Тоҷикистон қабули қонунҳои конституционӣ пешбинӣ карда шудааст, ки онҳо низ дар ҳар соҳаи дахлдор баъди конституция асосӣ ба ҳисоб мераванд. Вале ин омилҳо қувваи олии ҳуқуқии конституцияро зеро шубҳа гузошта наметавонанд. Чунки ҳар як санади меъёри ҳуқуқӣ, сарфи назар аз нақши он дар низоми ҳуқуқӣ ва қонунгузорӣ бояд мувофиқи конституция қабул гашта, дар асоси он амал намояд. Ҳамчунин қабули қонунҳои ҳуқуқии сатҳи гуногун ва амалӣ онҳо қувваи ҳуқуқии конституция ва усули мустақиман амал кардани меъёрҳои онро боздошта ё бекор карда наметавонанд.

Бо қабули Конституция дар соли 1994 Ҷумҳурии Тоҷикистон истиқлолияти соли 1991 бадастовардаи худро таҳким бахшид. Конституцияи (Сарқонуни) Ҷумҳурии Тоҷикистон, ки дар райъпурсии умумихалӣ қабул шудааст, ифодагари иродаи халқ буда, эътибори олии ҳуқуқи дорад ва меъёрҳои он мустақиман амал мекунад. Маҳз дар он заминаҳои ҳуқуқӣ, иҷтимоӣ, сиёсӣ ва иқтисодии инкишофи ҷомеа муайян гаштаанд.

Дар ин самт Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон мӯхтарам Эмомалӣ Раҳмон қайд намуданд, ки: «Рӯзи 6-ноябри соли 1994 дар таърихи Ҷумҳурии Тоҷикистон воқеаи бузург ба вуқӯъ пайваст. Халқи тоҷик дар таърихи беш аз ҳазорсолаи давлатдориаш бори аввал Конституцияи (Сарқонуни) Ҷумҳурии Тоҷикистон бо роҳи райъпурсии умумихалӣ қабул кард. Иштироки фаъолонаи шаҳрвандони тамоми ҷумҳурӣ дар ин маърақаҳои муҳими сиёсӣ яке аз дастовардҳои бузург ва пирӯзии демократия дар Тоҷикистон мебошад». Меъёрҳои Конституция эътиромуроҷия ва ҳифзи ҳуқуқи озодиҳои инсон ва шаҳрванд, таъмини амният ва суботи устувори ҷомеа, фароҳам овардани шароити мусоид барои зиндагии арзанда ва инкишофи озодонаи ҳар як шахсро тақозо менамоянд. Ҳамаи ин арзишҳои оӣ, ки дар Конституцияи (Сарқонуни) давлати соҳибистиқлоли Тоҷикистон эътироф шудаанд, меҳвари фаъолияти тамоми ин муддат аз ҷониби мақомоти давлатии кишвар баҳри татбиқи ин арзишҳо пайваста корҳои зарурӣ ба сомон расонида мешаванд¹.

Конституцияи (Сарқонуни) Ҷумҳурии Тоҷикистон тамоми ҷузъиёти беҳтарини афкори демократиро ба инобат гирифта, ба инкишофи демократия, махсусан дар соҳаи ҳуқуқ ва озодиҳои инсон ва шаҳрванд тақони ҷидди бахшидааст.

¹ 20-соли амали Конституцияи (Сарқонуни) Ҷумҳурии Тоҷикистон: нақши ҷавонон ҳамчун пойдевори ҷомеа ва ҳуқуқи инсон дар он: Маводи конференсияи ҷумҳуриявии илмӣ-назариявӣ. – С.70.

Бевосита Конституция санади воқеан таърихиву муқаддаси ҳар давлату миллат ва танзимкунандаи тамоми муносибатҳои ҷомеа мебошад. Дар радифи ин гуфтаҳо нақш ва мавқеи Конституция дар ҳаёти ҷомеа хеле муҳим ва муайянкунандаи ҳадду ҳудуди салоҳиятҳои мақомоти давлатӣ, иқтисодии сиёсӣ, инчунин кафолатдиҳандаи ҳимояи ҳуқуқҳои инсон мебошад¹.

Моҳияти Конституцияи Ҷумҳурии Тоҷикистон ҳифзи ирода ва манфиати халқи ҷумҳурӣ буда, мувофиқи иродаю манфиати қувваҳои сиёсии дар ҷомеа ҳукмрон меъёрҳои муқаррар мекунад, ки таркиби сохтори ҷамъият, сохтори давлат, вазъи ҳуқуқии инсон ва шаҳрванд, низом ва тартиби ташкили фаъолияти мақомоти давлатӣ, мақомоти худидораи маҳаллӣ, ҳолати ҳуқуқии шахсони мансабдор ва салоҳияти онҳоро муайян менамояд.

¹ Нигаред ба: Зоиров Ҷ.М. Сухани ҷамъбасти. 20-соли амали Конституция (Сарқонуни) Ҷумҳурии Тоҷикистон: нақши ҷавонон ҳамчун пойдевори ҷомеа ва ҳуқуқи инсон дар он : Маводи конференсияи ҷумҳуриявии илмӣ-назариявӣ. – С.69.

*Гафуров Мехриддин Садридинович,
начальник кафедры государственно-правовых
дисциплин Академии МВД Республики
Таджикистан, кандидат юридических наук,
майор милиции*

ОСНОВАНИЯ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

Институт конституционно-правовой ответственности является относительно новым для государственной и юридической практики Республики Таджикистан, доктрина конституционной ответственности и законодательная база для нее только формируются. Хотя нельзя не признать, что научные дискуссии о юридической природе конституционной ответственности ведутся с начала XX века.

Конституционно-правовая ответственность определяется как *установленный нормами конституционного права особый вид юридической ответственности, объединяющейся как в позитивном, так и негативном аспекте. Позитивная составляющая данного вида ответственности носит политический характер и не связана с применением санкции. Негативная конституционно-правовая ответственность наступает за ненадлежащее осуществление публичной власти должностными лицами и органами государственной власти.*

Одним из признаков, отличающих виды юридической ответственности, а следовательно, важным элементом любого вида ответственности является основания ее наступления.

Основанием наступления негативной (юридической) конституционно-правовой ответственности является факт совершения конституционного правонарушения, т. е. нарушения конституционно-правовой нормы. Итак, для наступления конституционно-правовой ответственности необходимо наличие трёх оснований: 1) нормативное; 2) фактическое; 3) процессуальное¹.

Целесообразно рассмотреть каждое из выделенных оснований конституционно-правовой ответственности в отдельности.

Нормативное основание. Основанием наступления любого вида ответственности всегда является нарушение выраженного в норме права обязательного правила поведения – правонарушение. Нарушение каких-либо моральных, нравственных, политических норм не может рассматриваться как основание конституционной ответственности, если эти нормы не нашли соответствующего закрепления в нормах права. Многие положения Конституции Республики Таджикистан имеют весьма общий

¹ Виноградов В.А. Понятие и особенности конституционно-правовой ответственности: Проблемы России, опыт зарубежных стран: монография. – М., 2003. – С.23.

характер и поэтому конкретизируются в отраслевом законодательстве, что создаёт трудности в определении оснований конституционно-правовой ответственности. Конституционно-правовая ответственность наступает за нарушение норм конституционного права, норм – принципов, закрепляющих основополагающее положение, выражающих в обобщенном виде характерные черты государственного строя и правопорядка, а также норм, связанных с образованием и устанавливающих конкретные полномочия и обязанности государственных органов власти.

Полагаем, нормативным (правовым) основанием конституционно-правовой ответственности должна служить как конституционно-правовая норма, так и норма отраслевого законодательства (уголовно-правового, гражданско-правового, административно-правового, дисциплинарно-правового). Однако при этом следует уточнить, что в качестве основания конституционно-правовой ответственности может служить не любая норма отраслевого законодательства, а лишь та норма, которая имеет отражение в Конституции и конституционном законодательстве. Таким образом, основания конституционно-правовой ответственности можно классифицировать на конституционно-правовое; уголовно-правовое; административно-правовое; гражданско-правовое; дисциплинарно-правовое.

Обобщая, конституционно-правовую норму можно определить как закрепленное в Конституции и конституционном законодательстве общеобязательное для субъектов правоотношений правило должного поведения, соблюдение которого гарантируется в необходимых случаях применением мер принуждения. Отсутствие нормативной основы исключает какую-либо противоправность деяния, либо наличие в нем состава конституционного правонарушения.

В этой связи, правовая система Республики Таджикистан нуждается в издании специального закона, конкретизирующего конституционные нормы аналогично другим видам юридической ответственности. В настоящее время отличительной особенностью нормативной основы конституционно-правовой ответственности в Республике Таджикистан является регламентация множеством нормативных актов, в отсутствие единого кодифицированного документа. Подобная ситуация несколько затрудняет применение указанных норм содержащих отдельные проявления названной нормативной основы.

Так, к системе законодательства Республики Таджикистан, регулирующей конституционно-правовую ответственность, можно отнести следующие источники: Конституция Республики Таджикистан; международно-правовые акты, Конституционные законы Республики Таджикистан (например, «О судах Республики Таджикистан»¹); Законы

¹ Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. 2001 г. – №7. – Ст.490; 2003 г. – №12. – Ст.685; 2004 г. – №5. – Ст.347; 2006 г. – №3. – Ст.143; 2007 г. – №7. – Ст.651; 2008 г. – №3. – Ст.181; – №6. – Ст.443; – №12. – Ч.1. – Ст.982; 2010 г. – №1. – Ст.1.

Республики Таджикистан (например, «О государственной службе»¹); совместные постановления Маджлиси милли и Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли Республики Таджикистан; Постановления Маджлиси милли и Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли Республики Таджикистан; Указы Президента Республики Таджикистан; Заключение Конституционного суда Республики Таджикистан; Регламенты (Маджлиси милли и Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли Республики Таджикистан).

В частности, вопросы конституционно-правовой ответственности отображены в следующих конституционных законах:

А) «О судах Республики Таджикистан»². К примеру, статья 18 гласит «отзыв и освобождение от должности Председателя Конституционного суда и судьи Конституционного суда Республики Таджикистан осуществляются Маджлиси милли Маджлиси Оли Республики Таджикистан по представлению Президента Республики Таджикистан»;

Б) «О Правительстве Республики Таджикистан»³, в нем закреплено, что «Президент Республики Таджикистан вправе в любое время отправить в отставку Правительство Республики Таджикистан в полном составе либо отдельного его члена и представить указ об этом на утверждение совместного заседания Маджлиси милли и Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли Республики Таджикистан» (ст. 10);

В) «О правовом статусе члена Маджлиси милли и депутата Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли Республики Таджикистан»⁴, где в ст. 4 говорится, что Полномочия члена Маджлиси милли и депутата Маджлиси намояндагон прекращаются досрочно» и др.

Следует отметить, что в отличие от практики Республики Таджикистан, за рубежом встречается прямое конституционное и законодательное закрепление конституционно-правовой ответственности в качестве особого вида юридической ответственности. Так, в ст.198 Конституции Польши указаны лица, которые несут «за нарушение Конституции или закона в связи с занимаемой должностью или в сфере исполнения своих служебных обязанностей конституционную ответственность»⁵. В ст. 142 Федерального конституционного закона Австрии устанавливается «предусмотренная Конституцией

¹ Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан, 2007 г. – №3. – Ст.166; – №6. – Ст.429; 2010 г. – № 3. – Ст.158.

² Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан, 2001 г. – №7. – Ст.490; 2003 г. – №12. – Ст.685; 2004 г. – №5. – Ст.347; 2006 г. – №3. – Ст.143; 2007 г. – №7. – Ст.651; 2008 г. – №3. – Ст.181; – №6. – Ст.443; – №12. – Ч.1. – Ст.982; 2010 г. – №1. – Ст.1.

³ Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан, 2001 г. – №4. – Ст.215; 2003 г. – №4. – Ст.152; 2008 г. – №1. – Ч.1. – Ст.1; 2009 г. – №12. – Ст.813.

⁴ Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан, 2001 г. – №7. – Ст.517; 2003 г. – №12. – Ст.689; 2004 г. – №12. – Ч.1. – Ст.698; 2005 г. – №7. – Ст.397; 2006 г. – №3. – Ст.145; 2007 г. – №7. – Ст.454.

⁵ См.: Конституции государств Европы. – М., 2001. – Т.2.

ответственность» верховных органов Федерации и земель, их должностных лиц за допущенные правонарушения¹. В ст. 2 раздел 4 Конституции США «Президент, Вице-президент и все гражданские должностные лица Соединенных Штатов могут быть отстранены от должности по импичменту за государственную измену, взяточничество либо за другие преступления и правонарушения»². В Мексике имеется Федеральный закон «об ответственности государственных служащих» от 30 декабря 1982 года³.

Фактическое основание. Под юридическим фактом конституционно-правовой ответственности следует понимать закрепленные конституционно-правовыми нормами обстоятельства, которые являются основанием для наступления конституционно-правовой ответственности. Так, в качестве фактического основания конституционно-правовой ответственности, принято рассматривать конституционное правонарушение (деликт – от лат. *delictum*- правонарушение, проступок).

Под *конституционным правонарушением* следует понимать деяния или поведение (действия или бездействия) субъекта конституционно-правовой ответственности, которое причинило либо создало угрозу причинения вреда общественным отношениям в сфере реализации конституционно-правовых норм, влекущее за собой применение установленных конституционно-правовых мер компетентными государственными органами. Кроме того, считаем целесообразным конституционные правонарушения классифицировать по сферам: 1) устройства и деятельности государства; 2) прав и свобод человека и гражданина; 3) институциональной организации и функционирования государственной власти; 4) местного самоуправления.

Полагаем, что на конституционном уровне верной является конструкция состава конституционного правонарушения, предусматривающая наличие четырех обязательных элементов: объект, объективная сторона, субъект, субъективная сторона.

Процессуальное основание. Характеристика структуры механизма правового регулирования конституционно-правовой ответственности, будет неполной без процессуального основания, а именно без точного определения процедуры и круга субъектов, применяющих ее меры.

Нормативное основание предполагает лишь возможность наступления конституционно-правовой ответственности. Для того чтобы последнее стало действительностью, необходимо наличие фактических обстоятельств, т.е. юридических фактов (фактических оснований), которые выступают в качестве своеобразных рычагов, приводящих в действие правовые нормы⁴.

¹ См.: Конституции государств Европы. – М., 2001. – Т.1.

² Зарубежные страны: Конституции и законодательные акты: Сборник документов / В.А. Мальцев. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2000. – 640 с.

³ Зарубежные страны: Конституции и законодательные акты: Сборник документов / В.А. Мальцев. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2000. – 640 с.

⁴ Алексеев С.С. Восхождение к праву: Поиски и решения: 2-е изд. – М., 2002. – 608 с.

В условиях государства и от его имени на применение мер конституционно-правовой ответственности уполномочены определённые должностные лица и органы государственной власти. В связи с этим в конституционном законодательстве должны содержаться исчерпывающие указания о том, какие органы и должностные лица наделяются правом применять меры конституционно-правовой ответственности. В конституционно-правовых нормах закрепляются основания, права субъектов (инстанций ответственности), компетентных на их применение. Такого рода основания определяют сущность и формы процессуальной деятельности уполномоченных на то государственных органов и должностных лиц.

Процессуальное основание следует понимать как законодательно установленный порядок применения конституционно-правовой санкции за конкретное конституционное правонарушение компетентным субъектом (инстанцией ответственности). Представляется, что указанный порядок должен включать в себя процессуальную сторону реализации конституционно-правовой ответственности путем установления конкретных организационно-правовых (процессуальных) форм реализации материальных норм. В случае отсутствия процессуального основания «невозможно говорить о привлечении к конституционно-правовой ответственности, собственно и нет самой ответственности»¹.

Важную роль в механизме реализации конституционно-правовой ответственности играет субъект юрисдикции (инстанция), компетентный констатировать наступление конституционно-правовой ответственности соответствующего субъекта (претерпевающего). В соответствии с конституционным законодательством Республики Таджикистан инстанциями, уполномоченными на привлечение к конституционно-правовой ответственности являются следующие субъекты: Президент Республики Таджикистан, Маджлиси Оли Республики Таджикистан, Конституционный суд Республики Таджикистан.

Констатация наступления конституционно-правовой ответственности наиболее целесообразна таким субъектом юрисдикции, как суд. В силу своей природы именно суды являются основными субъектами привлечения к различным видам ответственности. Для этой роли наиболее подходит Конституционный суд Республики Таджикистан, который является высшим органом судебной власти по защите Конституции.

Указанные меры, по нашему мнению, будут способствовать: во-первых, укреплению конституционной законности и правопорядка; во-вторых, усилению роли Конституционного суда, что в целом обеспечит реализацию принципа справедливости и неотвратимости ответственности.

В результате исследования оснований конституционно-правовой ответственности возможно сделать следующие выводы: наличие

¹ Виноградов В.А. Указ. соч. – С.37.

нормативных, фактических и процессуальных оснований конституционно-правовой ответственности имеет большое теоретическое и практическое значение.

В теоретическом отношении это позволяет глубже осмыслить механизм правового регулирования конституционно-правовой ответственности, правильно оценить и понять роль каждого из указанных оснований. Четкое представление о структуре оснований конституционно-правовой ответственности будет способствовать утверждению конституционной законности и большой эффективности осуществления государственной власти.

Практическая значимость конституционно-правовой ответственности проявляется в необходимости учета нормативных оснований, строгого соответствия им и в целом кодификации законодательства, регулирующего рассматриваемый вид юридической ответственности.

*ГАФУРОВ Далер Азалишоевич - муаллими
кафедраи ҳуқуқи маъмурӣ ва фаъолияти
маъмурии факултети №2 Академияи ВҚД
Ҷумҳурии Тоҷикистон,
лейтенанти калони милитсия*

ХУДИДОРАКУНИИ МАҲАЛЛӢ ДАР ФАРОНСА ВА ҶУМҲУРИИ ТОҶИКИСТОН (ТАҶРИБАИ ҶАҲОНӢ)

Худидоракунии маҳаллӣ ҳамчун зухуроти мустақили ҳаёти ҷамъиятӣ ва институти ҷомеаи шаҳрвандӣ дар асрҳои қадим ба миён омадааст. Он ҳамчун ҷамоати худидоракунии зинаҳои ҷаҳони атиқа, асрҳои миёна ва замони муосирро гузаштааст. Дар асрҳои XIX-XX худидоракунии маҳаллӣ объекти мунтазами назариявӣ ва илмӣ мегардад. Ӯ дар гузаронидани ислоҳоти сиёсӣ, маъмурӣ ва ҳуқуқӣ фаъолона истифода мегардад.

Худидоракунии маҳаллӣ хусусияти ҳатмии ҷомеаи муосири демократӣ мебошад. Мунисипализми хориҷӣ шумораи беҳисоби шакл ва намудҳои гуногуни ташкили худидоракунии маҳаллиро мебарорад. Ташкили системаи худидоракунии маҳаллӣ аз бисёр омилҳо вобастагӣ дорад: режими сиёсӣ, ки дар давлат мафкураи ташкили ҳокимият ва идоракуниро дар ҷойҳо ҷорӣ мекунад, сохти давлатӣ ва тақсимоли маъмурию марзии давлат, анъанаҳои миллӣ ва ғ.

Дар аксарияти давлатҳои муосир идоракунии ҳамаи қорҳои дар ҷойҳо аз тарафи мақомоти махсуси худидоракунии маҳаллӣ амалӣ карда мешавад, ки он дар асосӣ ҳуқуқи интихобкунии умумӣ, баробар ва мустақим бо овоздиҳии пинҳонӣ интихоб мегардад амалӣ гардонида мешавад ва инчунин аз тарафи мақомоти маҳаллие, ки аз марказ махсус таъин карда шудаанд, ташкил карда мешавад.

Худидоракунии маҳаллӣ ё мунисипалӣ чунин системаи идоракунии қорҳои маҳаллие мебошад, ки аз тарафи мақомоти махсуси интихобкардашуда амалӣ карда мешавад ва бевосита аҳолиро дар ин ё он минтақаи маъмурию марзии давлати мазкур муаррифӣ мекунад. Хартияи (ҳуҷҷати) Аврупоӣ дар бораи худидоракунии маҳаллӣ, ки аз тарафи конференсияи доимии мақомоти ҳокимияти маҳаллӣ ва минтақавии Аврупо аз 15 октябри 1985 мафҳуми умумӣ-худидоракунии маҳаллиро медиҳад, ки он умумӣ эътироф шудааст ва аз тарафи мамлакатҳои демократӣ қабул шудааст¹.

Зери мафҳуми худидоракунии Хартияи (ҳуҷҷати) Аврупоӣ – ҳуқуқ, қобилияти воқеии ҷамоатҳои маҳаллӣ, назорати қорҳои ҷамъиятӣ дар

¹ Европейская хартия о местном самоуправлении принятая Постоянной конференцией местных и региональных органов власти Европы от 15 октября 1985 года // Собрание законодательства. – 1999. – 11 апреля. – №36.

доираи қонун, дар зери масъулияти худ ва ба манфиати ҷамъият идора кардан фаҳмида мешавад¹.

Ҳоло мехоҳем ба маълумоти Шумо хусусиятҳои худидоракунии маҳаллӣ дар Ҷумҳурии Тоҷикистон ва таҷрибаи яке аз давлатҳои пуриқтидори Аврупо яъне Ҷумҳурии Фаронсаро расонем.

Ҳокимияти иҷроияро дар маҳал намояндаи Президент – раиси вилоят, шаҳр ва ноҳия амали мегардонад.

Мақомоти намояндаги ва иҷроияро дар воҳидҳои маъмурию марзи раис сарвари мекунад.

Раиси Вилояти Мухтори Кухистони Бадахшон, вилоят, шаҳри Душанбе, шаҳр ва ноҳияро Президент таъин ва озод мекунад ва ба тасдиқи Маҷлиси вакилони халқи дахлдор пешниҳод менамояд.

Раис дар назди мақомоти болои ва Маҷлиси вакилони халқи дахлдор масъул аст.

Тартиби ташкил, ваколат ва фаъолияти мақомоти ҳокимияти маҳаллиро қонуни конституционӣ танзим менамояд.

Мақомоти худидоракунии шаҳрак ва деҳот ҷамоат аст, ки тартиби ташкил, ваколат ва фаъолияти онро қонун танзим менамояд².

Шаҳрак ва деҳот воҳиди марзию маъмуре мебошанд, ки дар худуди он худидоракунӣ бевосита ва ё ба воситаи мақомоти худидоракунии шаҳрак ва деҳот амалӣ мешавад. Худидоракунии шаҳрак ва деҳот ин фаъолияти аҳолии шаҳрак ва деҳот мебошад, ки бевосита ё ба воситаи мақомоти худидоракунии шаҳрак ва деҳот тахти масъулияти худ барои ҳал намудани масъалаҳои иҷтимоӣ, иқтисодӣ ва фарҳангии аҳамияти маҳаллидошта, бо назардошти манфиатҳои умумичамъиятӣ, анъанаҳои миллӣ ва хусусиятҳои маҳаллӣ, амалӣ мегардад. Мақоми худидоракунии шаҳрак ва деҳот ҷамоат (Ҷамоати шаҳрак ва Ҷамоати деҳот) мебошад, ки аз ҷониби интихобкунандагони шаҳрак ва деҳот интихоб шуда, масъалаҳои дорой аҳамияти маҳаллиро дар доираи ваколатҳои худ ҳал мекунад. Шакли асосии фаъолияти Ҷамоат, маҷлиси Ҷамоат ба ҳисоб меравад, ки дар он масъалаҳои салоҳияти Ҷамоат баррасӣ мегардад. Инчунин Ҷамоат аз Шӯрои Ҷамоат иборат мебошад, ки он ваколатҳои пешбининамудаи қонуни мазкурро амалӣ мегардонад. Роҳбари мақомоти худидоракунии шаҳрак ва деҳотро раиси Ҷамоат барӯҳда дорад, ки ӯ аз тарафи вакилони Ҷамоат интихоб мегардад ва вакили Ҷамоат шаҳрванде ба ҳисоб меравад, ки аз тарафи вакилони Ҷамоат интихоб мешавад³.

Акнун мехоҳем таҷрибаи яке аз давлатҳои пуриқтидори Аврупо яъне Ҷумҳурии Фаронсаро ба маълумоти Шумо расонем.

Айни замон Фаронса яке аз давлатҳои унитарии дорой сатҳи баланди муттамарказонида шуда ба ҳисоб меравад. Яке аз хусусияҳои системаи

¹ Васютин Ю., Емельянов Н. Местное самоуправление в зарубежных странах. – М., Тула: Издательство "ТГПУ", 2001.

² Конституция (Сарқонуни) Ҷумҳурии Тоҷикистон 6 ноябри соли 1994.

³ Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи мақомоти худидоракунии шаҳрак ва деҳот» аз 5 августи соли 2009, №549.

худидоракунии маҳаллӣ дар Фаронса – ин якҷо намудани идоракунии маҳаллӣ ва давлатӣ дар доираи ҳамон як воҳидҳои маъмурию марзӣ ба ҳисоб меравад. Айни замон ноҳияҳо, департаментҳо ва коммунаҳо ба системаи худидоракунии маҳаллӣ дохил мешаванд. Ҳатто ба худифрансузҳо баъзан фарқият байни ваколати давлатӣ ва мақомоти интихоботи худидоракунии маҳаллӣ нофаҳмост¹. Ҳаҷт қонун оид ба додани ваколат аз як сатҳ ба сатҳи дигар. Мешавад, ки ҳамон як масъаларо дар баъзе ноҳияҳо мақомоти интихобшуда ҳал менамоянд, дар баъзеи дигараш бошад, намояндагони ҳокимият.

Департаментҳо ҳамчун мақомоти идоракунии маҳаллӣ аз соли 1838 инҷониб арзи вуҷуд доранд. Мақоми идоракунандаи департаментҳо ҳамчун мақомоти идоракунии маҳаллӣ шӯрои генералӣ ба ҳисоб меравад, ки аз тарафи аҳолии кантонҳо ба муҳлати шаш сол интихоб мешавад. Кантонҳо – иттиҳодияи якҷанд коммунаҳо мебошанд, онҳо округи интихобкунанда оид ба интихоби департаментҳои идоракунии маҳаллӣ ба ҳисоб мераванд. Аз ҳар як кантон як мушовири генералӣ интихоб мегардад.

Мақоми иҷроияи шӯрои генералӣ комиссияи департаментӣ ба ҳисоб меравад, ки функцияи худро доимо иҷро менамояд (шӯрои генералӣ танҳо дар сессияҳо қор мекунад). Комиссияи департаментӣ дар ҳузури префект ва ё намояндаи ӯ маҷлис мегузаронад.

Дар сатҳи коммуна нақшаи идоракунӣ дар умум монанд аст. Сарвари коммунаро ҳамчун округи давлатӣ супрефект иҷро мекунад, ки аз тарафи ҳукумат таъин карда мешавад. Мақоми олии коммуна ҳамчун мақомоти маҳаллии идоракунӣ- шӯрои муниципалиӣ ба ҳисоб меравад, ки он низ ба муҳлати шаш сол интихоб карда мешавад. Шумораи аъзоёни шӯрои муниципалиӣ аз 9 то 69 нафар вобаста ба аҳолии коммуна ташкил медиҳад.

Раис ва муовинони ӯ аз ҳисоби аъзоёни худӣ интихоб мегарданд. Раис ҳокимияти иҷроияи коммунаро таҷассум намуда, дар назди шӯрои муниципалии худ масъул нест.

Шӯрои муниципалиӣ мақоми салоҳиятдори умумӣ мебошад. Ба ваколатҳои ӯ дохил мешавад:

- ташкили хизмати оммавии коммунаҳо;
- идоракунии моликияти коммунаҳо, ба даст овардан ва фурӯхтани молу мулкҳои муниципалиӣ;
- намояндагӣ дар мақомоте, ки муассисаҳои умумии комуннаро идора мекунанд;
- ҳал намудани масъалаҳо оид ба гузаронидани қорҳои ҷамъиятӣ ва оид ба нигоҳ доштани қорҳои коммуналӣ;
- қорқард ва қабули буҷети коммунаҳо;
- ташкил ва барҳамдиҳии вазифаи хизматчиёни коммуна.

Ваколатҳои раис ҷунинанд: ба маълумоти аҳолии коммунаҳо расонидани қонунҳо ва таъмини иҷрои онҳо; иштирок дар аз нав дида

¹ Буркова О.М. Местное самоуправление Франции // Муниципальная власть. – 2003. – №4. – С.12-18.

баромадани рӯйхати интихобкунандагон; гирифтани ба қўшун; иҷрои функцияҳои ёрии хизмати; иҷрои қарорхое, ки хусусияти ҳатмӣ гирифтаанд.

Яке аз чиҳатҳои мусбии системаи идоракунии дар Фаронса ин коркарди пурраи масъалаи хизмати давлатӣ ба ҳисоб меравад. Дар мамлакат хизмати муниципалиро ҷудо намекунанд, он чун як намуди хизмати давлатӣ баромад мекунад. Дар Фаронса се намуди хизмати давлатӣ вуҷуд дорад: хизмати давлатии ҳарбӣ; хизмати давлатӣ дар сатҳи минтақавӣ (хизмати давлатии маҳаллӣ); хизмати давлатӣ дар системаи тандурустӣ.

Хулоса, худидоракунии маҳаллӣ дар ҳар як давлат вобаста ба системаи ҳуқуқиаш хусусиятҳои хоси фарқкунандаи худро дорад. Дар мақолаи мо хусусиятҳои хоси фарқкунандаи худидоракунии маҳаллӣ дар Фаронса ва Ҷумҳурии Тоҷикистон дарҷ гардидааст. Яъне, дар Ҷумҳурии Фаронса ба системаи ҳуқуқи континенталӣ дохил мешавад ва албатта аз худидоракунии маҳаллии системаи англо-саксонӣ, романо-олмонӣ, мажоритарӣ ва ғайраҳо ба кулли фарқ мекунад. Яке аз хусусиятҳои асосии фарқкунандаи ин системаи ҳуқуқӣ дар он аст, ки ин дар доираи ҳамон як воҳидҳои маъмурию марзии худидоракунии давлатӣ ва маҳаллӣ якҷоя карда шудааст.

ЗАХАРЦЕВ Сергей Иванович,
заместитель генерального директора
Корпорации «Русские машины (Москва),
доктор юридических наук

САЛЬНИКОВ Виктор Петрович,
Главный редактор журнала «Юридическая
наука: история и современность», доктор
юридических наук, профессор, Заслуженный
деятель науки Российской Федерации,
Почетный работник высшего
профессионального образования Российской
Федерации, Почетный сотрудник МВД
России (г. Санкт-Петербург)

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В РОССИИ И ДОПУСТИМОСТЬ ИХ ОГРАНИЧЕНИЯ В ХОДЕ ПРОВЕДЕНИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ НА КАНАЛАХ СВЯЗИ

Исследуя оперативно-розыскные мероприятия на каналах связи, невозможно обойти вопрос, являющийся в настоящее время одним из главных и наиболее острых в части, касающейся их правовой регламентации. Этот вопрос связан с соблюдением прав человека, в первую очередь, конституционных прав. Об отдельных аспектах соблюдения конституционных прав человека при осуществлении оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности мы неоднократно писали¹.

¹ Бухаров Н. Н., Захарцев С. И., Рохлин В. И., Федоров А. В., Шахматов А. В. Прослушивание телефонных переговоров в оперативно-розыскной деятельности / под ред. В. П. Сальникова. – СПб., 2005. (Серия: «Теория и практика оперативно-розыскной деятельности»); Винниченко Н.А., Захарцев С.И., Рохлин В.И. Правовая регламентация использования результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве / под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб., 2004. (Серия: «Теория и практика оперативно-розыскной деятельности»); Евстратиков Б.М., Захарцев С.И., Медведев В.Н., Сальников В.П. Оперативно-розыскные мероприятия на каналах связи (правовой анализ) / под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб., 2005. (Серия: «Теория и практика оперативно-розыскной деятельности»); Захарцев С.И. Наука оперативно-розыскной деятельности: философский, теоретико-правовой и прикладной аспекты. – СПб., 2011; Захарцев С.И. Некоторые проблемы теории и философии права / под ред. В.П. Сальникова. – М., 2014.; Захарцев С.И. Оперативно-розыскные мероприятия. – СПб., 2004; Захарцев С.И. Оперативно-розыскные мероприятия в России и за рубежом / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб., 2003; Захарцев С.И. Понятие и виды оперативно-розыскных мероприятий // Известия высших учебных заведений // Правоведение. – 2003. – №4; Захарцев С.И. Теория и правовая регламентация оперативно-розыскных мероприятий: дис. ... д-ра юрид. наук. – СПб., 2004; Захарцев С.И. Экономика и право: проблемы соотношения // Правовое поле современной экономики. – 2012. – №8. – С.49-54; Захарцев С.И., Медведев В.Н. Снятие информации с технических каналов связи:

При проведении оперативно-розыскных мероприятий на каналах связи такие права практически всегда ограничиваются, например, на тайну телефонных переговоров, почтовых отправлений и т.д. В ходе оперативно-розыскных мероприятий могут вскрыться и иные тайны человека, являющиеся его незыблемыми правами и свободами: вероисповедания, совести, достоинства личности и многие другие. В связи с этим возникает вопрос: справедливо ли поступает государство, преследующее цель борьбы с преступностью, ограничивая названные права? На этот вопрос следует ответить положительно: государство ради защиты себя, своих граждан в целом и каждого в отдельности должно допускать в некоторых случаях ограничения прав человека.

Вместе с тем, такой подход порождает другие вопросы: что включает в себя понятие «некоторые случаи», при которых права человека ограничиваются, кто и как должен оценивать такие случаи, какие права и в каком объеме можно ограничивать?

Изложенное свидетельствует, что правовая регламентация оперативно-розыскных мероприятий на каналах связи невозможна без исследования вопроса о возможности и пределах допустимости ограничения прав человека. Чтобы его исследовать необходимо определить сущность прав человека, их правовую природу, понятие и значение в системе норм права. Права человека, их генезис, социальные корни, назначение – одна из извечных проблем исторического, социально-культурного развития человечества, прошедшая через тысячелетия и неизменно находившаяся в центре внимания политической, правовой, этической, религиозной, философской мысли. В различные эпохи проблема прав человека, неизменно оставаясь политико-правовой, приобретала либо религиозное, либо этическое, либо философское звучание в зависимости от социальной позиции находившихся у власти классов, слоев. Права человека неотделимы от социальной деятельности людей, от их общественных отношений, способов бытия индивида. По выражению Е.А. Лукашевой, они являются нормативной формой взаимодействия людей, упорядочения их связей, координации их поступков и деятельности, предотвращения противоречий, противоборства, конфликтов¹. По своему существу они нормативно формулируют те условия и способы жизнедеятельности людей, которые объективно необходимы для обеспечения нормального функционирования индивида, общества, государства².

правовые вопросы / под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб., 2004; Захарцев С.И., Чабукиани О.А. Оперативно-розыскные мероприятия и следственные действия: понятия и соотношение. – СПб., 2010; Захарцев С.И., Игнащенко Ю.Ю., Сальников В.П. Оперативно-розыскные мероприятия в XXI веке. – СПб., 2006; Захарцев С.И., Игнащенко Ю.Ю., Сальников В.П. Оперативно-розыскная деятельность в XXI веке. – М., 2015; Рохлин В.И., Захарцев С.И., Миронов М.А., Стуканов А.П. Институт реабилитации в российском законодательстве (возникновение, развитие, понятие, перспективы) / под ред. В.И. Рохлина. – СПб., 2007.

¹ Общая теория прав человека / под ред. Е.А. Лукашевой. – М., 1996.

² Александров А. «Высшая цель - человек» // Российская Федерация сегодня. – 2012. – №23. Декабрь. – С.10–11; Булатов Р.Б., Каюмов Д.Р. Гражданин как высшая ценность

Права личности наиболее ярко отражают и характеризуют то положение, которое человек занимает в обществе, и то отношение, которое общество проявляет к личности. Институт прав и свобод является важнейшим компонентом любой современной правовой системы. Проблема прав человека сравнима в современном мире лишь с проблемой выживания человечества, преодоления экологического кризиса¹.

В настоящее время в России господствует естественно-правовая теория прав человека, главной отличительной особенностью которой является то, что ее сторонниками понимание права не связывается столь жестко с понятием государства, как это подразумевается некоторыми иными теориями. Право не формируется законодателем, а только формулируется им в законах и иных нормативных актах. Правят не люди посредством права, а господствует само право, в том числе по отношению к власти, государству, обязывая правящих создавать правовые (а не любые) законы и на их основе осуществлять государственное управление. Само же право рождается не «сверху», а естественным путем: в процессе совместной жизнедеятельности людей обнаруживается взаимность их прав и обязанностей, выясняется, что права и свободы одних людей могут быть реализованы через обязанности их контрагентов. Тем самым правомочия сторон уравниваются, «уравновешиваются». В гражданском обществе, то есть «снизу», выявляется всеобщая мера свободы, уже потом нормативно закрепляемая государственными органами в качестве официально правовой².

Естественно-правовой подход исходит из признания прав человека его

конституционно-демократического, гражданского общества // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2006. – №2. – С.118–122; Оль П.А., Сальников М.В., Тищенко А.Г. Право народов на самоопределение как принцип правового государства, формирующегося в условиях полиэтнической структуры общества: историческая ретроспектива и современность // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2004. – №4 (24). – С.21–28; Романовская В.Б. Постановления Европейского суда по правам человека: юридическая характеристика // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. – 2008. – №2. – С.210–213; Романовская В.Б. Magna carta libertatum в контексте современной проблемы прав личности // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. – 2009. – №5. – С.258–261; Сальников В.П. Право и свобода в качественной иерархии ценностей личности // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – 2006. – №9. – С.6–15; Сальников В.П. Правовая культура как фактор стабилизации современного российского общества // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. – 2001. – №1. – С.187–189; Сальников М.В. Равноправие граждан перед законом и правовое государство // Вестник Удмуртского государственного университета. – 2000. – №2. – С.17; Шахрай С.М. О Конституции: Основной закон как инструмент правовых и социально-политических преобразований / Отд-ние общественных наук РАН. – М.: Наука, 2013. – 919 с.

¹ Громов В.В. Обеспечение прав человека на стадии предварительного расследования: дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2001.

² Введение в теорию права: историко-методологический аспект / под ред. В.П. Сальникова. – СПб., 1996.

естественно-прирожденными свойствами, данными ему в силу его существования и не зависящими от признания государства. Права человека рассматриваются как продукт разума, божественной воли, неизменной природы самого человека. Сторонники этого подхода рассматривают человека как изолированного индивида, наделенного определенными врожденными, неотъемлемыми и лишь разумом познаваемыми правами. Права человека, согласно этой теории, предшествуют не только государству, но и обществу. Они как бы исключаются из сферы государственной власти и объявляются догосударственным явлением. Высшие представительные органы, олицетворяющие суверенитет народа, по мнению сторонников этой точки зрения, должны лишь придавать форму закона «надгосударственному» или «догосударственному» праву. Поэтому закон является материализованным отражением вневременной идеи абсолютной справедливости¹.

Однако следует сделать оговорку, что даже признавая естественно-правовой характер прав человека, нельзя предельно умять роль государства, которая заключается не только в их охране, но и в придании правам и свободам законодательной, то есть общеобязательной формы. Так, хотя такие права, как право на жизнь, достоинство, неприкосновенность личности принадлежат человеку от рождения, но защищенность им придает юридическая форма, то есть форма закона. Поэтому эти права не могут быть противопоставлены государству, которое должно брать на себя функцию не только их защиты и обеспечения, но и законодательного формулирования.

Изложенные подходы правоведов нашли свое отражение в работах современных отечественных авторов, и права человека сегодня рассматриваются как социальные возможности личности по удовлетворению своих естественных и социальных потребностей и притязаний, законодательно закрепленные и гарантированные государством².

Права человека различны по своей сущности. Есть права как природные качества человека – право на жизнь, на личную неприкосновенность, на достойный уровень жизни. Для реализации этих прав не требуется законодательного признания, поскольку они принадлежат человеку в силу рождения и самой человеческой природы. Государство должно считаться с этими притязаниями и стремиться к их обеспечению.

Однако существуют и права, которые получают реальное воплощение только благодаря законодательной деятельности государства. К ним, например, относится право на участие в решении политических дел, право на получение государственной пенсии по старости и другие. К числу таких прав относится право на тайну телефонных переговоров, почтовых отправлений. Сказанное не означает, что государство может признать или

¹ Общая теория прав человека / под ред. Е.А.Лукашевой. – М., 1996.

² Громов В.В. Обеспечение прав человека на стадии предварительного расследования: дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2001.

не признать эти права. Человек объективно имеет неотъемлемое право на эти социальные блага, однако только законодательное признание превращает эти права в реальность, позволяет им реализоваться.

Права личности традиционно дифференцируются на права человека и гражданина. Такое деление вытекает из различия гражданского общества и государства, из несводимости положения человека к его взаимоотношениям с государством. Человеку отводится автономное поле деятельности, где движущей силой выступает его индивидуалистический интерес. Это гражданское общество с частной собственностью, семьей, вероисповеданием. Социальные возможности человека в этой сфере представляются как его естественные неотъемлемые права, и задача государства состоит в ограждении этих прав от чьих-либо посягательств, в том числе и собственных. Содержание и механизм реализации этих прав един для всех людей, независимо от их принадлежности к тому или иному государству. Права же гражданина представляют собой притязания человека на удовлетворение своих частных потребностей в сфере его отношений с государством, то есть сферу его публичных интересов. Статус же гражданина вытекает из его особой правовой связи с государством - института гражданства. Указанные положения нашли свое отражение в ныне действующей Конституции Российской Федерации. Так, глава 2 Конституции, в которой раскрываются основы правового статуса личности в России, называется «Права и свободы человека и гражданина». Там, где в Конституции ведется речь о правах человека, законодатель использовал такие формулировки, как: «каждый имеет право», «каждый может», «каждому гарантировано» и т.д.¹. Использование таких оборотов подчеркивает принадлежность прав и свобод за любым находящимся на территории России человеком, независимо от того, является ли он российским гражданином, лицом без гражданства или иностранцем. Вместе с этим в Конституции сформулирован ряд прав и свобод, которые распространяются только на граждан Российской Федерации. К таким правам, например, следует отнести политические права: право собраний, митингов, демонстраций и др.

Наличие у человека закрепленных в Конституции Российской Федерации прав и свобод отнюдь не означает всеобщей вседозволенности и абсолютной автономности человека в выборе форм реализации своих основных правомочий, ибо каждое право имеет определенные границы, рамки, в случае нарушения которых наступает злоупотребление правом. Человек, находясь в обществе и постоянно взаимодействуя с другими людьми, не может не иметь обязанностей и по отношению к государству, и по отношению к согражданам. Права и обязанности неразрывно связаны и не могут существовать вне зависимости друг от друга. В этой же взаимосвязи проявляется основа нравственного характера взаимоотношений между людьми. В статье 1 Всеобщей декларации прав человека сказано, что «все люди рождаются свободными и равными в

¹ Козлова Е.И., Кутафин О.Е. Конституционное право Российской Федерации. – М., 1995.

правах. Они наделены разумом и совестью и должны поступать в отношении друг друга в духе братства»¹. Следовательно, пользование правами сопряжено с ответственностью человека, с возможными ограничениями правомочий, «определяемыми мерой и границами свободы, установленными правом, принципами гуманности, солидарности, нравственности»².

Основные, ныне действующие международно-правовые акты о правах человека содержат ряд постулатов, посвященных возможным ограничениям прав и свобод и основаниям применения этих ограничений. Так, статья 29 Всеобщей декларации прав человека гласит, что «при осуществлении своих прав и свобод каждый человек должен подвергаться только таким ограничениям, какие установлены законом исключительно с целью обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе»³. Аналогичные положения содержатся в Международных пактах о гражданских и политических правах и об экономических, социальных и культурных правах. Так, в пункте 3 статьи 12 Международного пакта о политических и гражданских правах сказано, что перечисленные в указанном документе права «не могут быть объектом никаких ограничений, кроме тех, которые предусмотрены законом, необходимы для охраны государственной безопасности, общественного порядка, здоровья или нравственности населения или прав и свобод других, и совместимы с признаваемыми в настоящем Пакте другими правами». В Международном пакте об экономических, культурных и социальных правах также содержится ряд норм, предусматривающих возможные законодательные ограничения прав и свобод человека и гражданина в случае, если это требуется в целях охраны и защиты указанных выше объектов. Так, статья 4 этого Пакта гласит, что государством в законодательном порядке могут устанавливаться подобные ограничения «только постольку, поскольку это совместимо с природой указанных прав, и исключительно с целью способствовать общему благосостоянию в демократическом обществе»⁴.

В марте 1998 года Федеральное собрание Российской Федерации ратифицировало Конвенцию о защите прав человека и основных свобод, принятую в Страсбурге 6 мая 1963 года, а также протоколы к указанной Конвенции. Показательно, что в названных международно-правовых документах также содержатся нормы, предусматривающие возможность ограничения конституционных прав и свобод. Так, согласно пункта 2 статьи 8 Конвенции, допускается вмешательство государственных органов в осуществление человеком права на уважение его личной и семейной жизни, неприкосновенность жилища и тайны корреспонденции, если такое

¹ Права человека: Сборник международных документов. – М., 1998.

² Общая теория прав человека / под ред. Е.А. Лукашевой. – М., 1996.

³ Права человека: Сборник международных документов. – М., 1998.

⁴ Сальников В.П., Сандулов Ю.А., Гуцериев Х.С., Кальной И.И. Философия для аспирантов. – СПб., 2001.

вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах государственной безопасности и общественного спокойствия, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц. Однако, как следует из статьи 18 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, предусмотренные в ней ограничения прав и свобод не должны применяться для иных целей, кроме тех, для которых они предусмотрены.

Конституция Российской Федерации, следуя важнейшим общепризнанным принципам и положениям международно-правовых документов, также оговаривает возможность ограничения правового статуса личности. В частности, как сказано в части 3 статьи 55 Конституции, «права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства».

Следовательно, аналогично Международным пактам о правах статья 55 Конституции Российской Федерации признает обоснованными и законными ограничения конституционных правомочий личности, которые:

- предусмотрены федеральным законодательством;
- направлены на защиту основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, либо служат обеспечению обороны страны и безопасности государства.

Только при соблюдении обоих названных условий ограничения прав и свобод являются законными и общественно полезными. Если же одно из этих условий отсутствует (например, право человека на тайну телефонных переговоров ограничено в нарушение требований федерального закона), ограничение правомочий следует признать незаконным, что должно повлечь за собой ответственность лиц, виновных в посягании прав и свобод человека и гражданина. В этих случаях, на наш взгляд, следует говорить, не об ограничении прав и свобод, а об их нарушении.

Следует сказать, что понятия «нарушить» и «ограничить» различны по смыслу. Нарушить – то есть, не выполнить, не соблюсти чего-либо: порядок, закон, договор и т.п.¹. Ограничение, ограничить – это правило, ограничивающее какие-нибудь действия, права, определение какими-либо условиями, рамками. То есть, различие между этими понятиями заключается в том, что нарушение является противоправным деянием, а ограничение – законным и допустимым. Нарушать права человека не дозволено, в то время как в необходимых случаях ограничивать их – возможно, а, иногда, и необходимо. Ограничение прав человека представляет собой волевое законное решение государственных органов, принятое в соответствии с законодательством².

¹ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М., 1992.

² Сальников М.В. Политико-правовая традиция как фактор, детерминирующий специфику национальной правовой системы // Юридическая наука: история и

Подытоживая сказанное, можно сделать вывод, что институт конституционных прав и свобод человека и гражданина является важнейшим компонентом правовых систем современных развитых государств и характеризует положение человека, которое он занимает в обществе, а также отношение, которое общество проявляет к нему. Широта, реальность и гарантированность этих прав и свобод, кроме того, выражают не только фактическое и юридическое положение человека в обществе, но и сущность действующего в нем демократического образа жизни, те социальные возможности, которые заложены в самом общественном строе.

Однако ограничение прав человека допустимо, если это является необходимостью для его же защиты. Конституция Российской Федерации, называя направления, в целях охраны и защиты которых могут использоваться ограничения прав и свобод личности, относит к ним основы конституционного строя, нравственность, здоровье, права и законные интересы других лиц, оборону страны и безопасность государства. При этом, обозначая названные направления, Конституция устанавливает, что фактическая процедура ограничения прав человека регламентируется соответствующим федеральным законом. В частности, Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» регламентирует порядок проведения оперативно-розыскных мероприятий на каналах связи и тем самым устанавливает ограничения прав человека на тайну переговоров и переписки.

ЗАХАРЦЕВ Сергей Иванович,
заместитель генерального директора
Корпорации «Русские машины (Москва),
доктор юридических наук

САЛЬНИКОВ Виктор Петрович,
Главный редактор журнала «Юридическая
наука: история и современность», доктор
юридических наук, профессор, Заслуженный
деятель науки Российской Федерации,
Почетный работник высшего
профессионального образования Российской
Федерации, Почетный сотрудник МВД
России (г. Санкт-Петербург)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ДОКАЗЫВАНИИ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ: ПЕРСПЕКТИВЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ

За двадцатилетнюю историю существования в России закона об оперативно-розыскной деятельности накоплен определенный опыт использования результатов этой деятельности. Этот опыт требует обобщения, анализа, оценки.

Об использовании результатов ОРД в уголовном судопроизводстве к настоящему времени опубликовано немало работ. Специалисты с самых разных сторон — оперативной, следственной, прокурорской, судебной, адвокатской — рассматривали те или иные аспекты появления в уголовном деле оперативных материалов, анализировали их статус, доказательственную ценность, спорили об их допустимости и т. д. Между тем, несмотря на множество публикаций и дискуссий, можно констатировать, что результаты ОРД иногда, если так можно выразиться, «со скрипом» проходят уголовное судопроизводство или не проходят его вовсе.

Кроме того, за последние двадцать лет кардинально изменились технические средства, используемые для получения оперативной информации. Еще совсем недавно издавались криминалистические методички, посвященные тому, как правильно опечатать и оформить аудиокассету с магнитной пленкой, чтобы аудиозапись, полученная, например, при захвате с поличным взяточника, не потеряла доказательственного значения. В настоящее время использование магнитных носителей прекращается. Но применение цифровых записей повлекло новые проблемы, касающиеся использования полученных материалов в доказывании.

По указанной проблеме выпущено большое количество научной литературы. Тема вхождения оперативной информации активно

разрабатывалась в работах советских ученых. Последнее двадцатилетие оказалось еще более плодотворным на диссертационные и монографические исследования в этой области. Однако в них высказываются разные, порой взаимоисключающие соображения относительно представления и использования результатов ОРД в уголовном процессе. Как выразился Е. А. Доля: «Содержание работ названных авторов свидетельствует об отсутствии в теории и на практике единого подхода к решению проблемы использования в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности. Спектр предлагаемых решений достаточно широк: от весьма распространенного предложения использовать указанные результаты напрямую в качестве доказательств (с определенными оговорками или без таковых) до предложений по легализации результатов оперативно-розыскной деятельности, их трансформации, преобразованию в доказательства, уголовно-процессуальной интерпретации или переводу в уголовный процесс»¹.

23 декабря 2013 года вышла новая – третья по счету, – Инструкция о порядке представления результатов ОРД в уголовное судопроизводство². Однако эта инструкция, во-первых, вопрос представления и использования результатов ОРД в уголовном процессе полностью не решила, а, во-вторых практически полностью повторила все упущения предыдущей инструкции. Более того, исключила порядок представления результатов ОРД прокурору, что является ее несомненным недостатком. Например, если важные для разрешения уголовного дела результаты ОРД получены в ходе судебного рассмотрения, то кому как не государственному обвинителю (прокурору) их наиболее логично предоставить?

А главное: положения Инструкции, например, для следователя не являются обязательными. Если результаты ОРД, представленные для возбуждения уголовного дела, он оценить обязан (ст. 144 УПК), то результаты ОРД, направленные для подготовки следственных действий, может проигнорировать. Как процессуально самостоятельная фигура, руководствующаяся в первую очередь требованиями УПК, следователь сам направляет ход расследования и принимает решения о производстве следственных и иных процессуальных действий (ст. 38 УПК). В связи с этим важно предусмотреть форму обратной связи в виде процессуальной реакции следователя на представленные оперативным подразделением материалы. Самым простым и верным решением этой проблемы стало бы закрепление порядка представления результатов ОРД в уголовное судопроизводство в УПК РФ. Конечно, в УПК не следует переписывать всю Инструкцию, но основные ее моменты необходимо отразить.

¹ Доля Е.А. Формирование доказательств на основе результатов оперативно-розыскной деятельности. – М., 2009. – С.5.

² Приказ МВД России № 776, Минобороны России № 703, ФСБ России № 509, ФСО России № 507, ФТС России № 1820, СВР России № 42, ФСИН России № 535, ФСКН России № 398, СК России № 68 от 27.09.2013 «Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд» // Российская газета. – 2013. – 13 декабря.

Вместе с тем, уголовно-процессуальное законодательство в части представления и использования результатов ОРД пока стоит на месте. Использование результатов ОРД по-прежнему регламентируется ст. 89 УПК, которая построена нелогично и до сих пор не претерпела необходимых изменений.

Процесс доказывания – это выявление, сбор, проверка и оценка доказательств, а доказательства – это любые сведения, на основе которых устанавливается наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию. Статья 89 УПК запрещает в процессе доказывания использовать данные, если они не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам. Но ведь на момент представления результатов ОРД в уголовное дело еще не ясно, отвечают или не отвечают результаты предъявляемым к доказательствам требованиям. Это выяснится позже – в процессе доказывания. А если следователь, проверяя в ходе доказывания результаты ОРД, установил их недопустимость, то получается, что формально он все равно нарушил закон, так как изначально не имел права использовать оперативно-розыскные результаты, не отвечающие требованиям, предъявляемым к доказательствам. И это при том, что на момент получения этих результатов следователь, естественно, без доказывания не мог оценить, отвечают или не отвечают результаты предъявляемым требованиям. Ситуация парадоксальна. Как следует из сказанного, формулировка ст. 89 УПК должна начинаться со слов о том, что результаты ОРД могут использоваться в доказывании.

Кратко повторим сформулированные и обоснованные нами в предыдущих книгах предложения по совершенствованию использования результатов ОРД в уголовном судопроизводстве¹. Мы предложили

¹ Бухаров Н.Н., Захарцев С.И., Рохлин В.И., Федоров А.В., Шахматов А.В. Прослушивание телефонных переговоров в оперативно-розыскной деятельности / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб., 2005. (Серия: «Теория и практика оперативно-розыскной деятельности»); Винниченко Н.А., Захарцев С.И., Рохлин В.И. Правовая регламентация использования результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве / под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб., 2004. (Серия: «Теория и практика оперативно-розыскной деятельности»); Евстратиков Б.М., Захарцев С.И., Медведев В.Н., Сальников В.П. Оперативно-розыскные мероприятия на каналах связи (правовой анализ) / под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб., 2005. (Серия: «Теория и практика оперативно-розыскной деятельности»); Захарцев С.И., Игнащенко Ю.Ю., Сальников В.П. Оперативно-розыскная деятельность в XXI веке. – М., 2015; Захарцев С.И. Наука оперативно-розыскной деятельности: философский, теоретико-правовой и прикладной аспекты. – СПб., 2011; Захарцев С.И. Некоторые проблемы теории и философии права / под ред. В.П. Сальникова. – М., 2014; Захарцев С.И. Оперативно-розыскные мероприятия в России и за рубежом / под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб., 2003; Захарцев С.И. Оперативно-розыскные мероприятия: Общие положения. – СПб., 2004; Захарцев С.И. Понятие и виды оперативно-розыскных мероприятий // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2003. – №4; Захарцев С.И. Теория и правовая регламентация оперативно-розыскных мероприятий: дис. ... д-ра юрид. наук. – СПб., 2004; Захарцев С.И., Медведев В.Н. Снятие информации с технических каналов связи: правовые вопросы / под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб., 2004. (Серия: «Теория и практика оперативно-розыскной деятельности»); Захарцев С.И., Чабукиани О.А.

включить в УПК РФ статью 83.2 под наименованием «Порядок представления результатов оперативно-розыскной деятельности», в которой должны быть отражены основные моменты порядка представления результатов ОРД в уголовное судопроизводство.

Кроме того, мы предложили дополнить УПК РФ статьей 83.1 следующего содержания:

«Статья 83.1. Процессуальное значение результатов оперативно-розыскной деятельности

1. Органу дознания, следователю, прокурору или в суд представляются результаты оперативно-розыскной деятельности, которые могут:

- 1) быть поводом или основанием для возбуждения уголовного дела;
- 2) быть использованы для подготовки и осуществления следственных и иных процессуальных действий;
- 3) использоваться в доказывании и являться доказательствами в соответствии со статьей 74 УПК РФ.

2. Результаты оперативно-розыскной деятельности подлежат проверке и оценке в соответствии со статьями 87 и 88 УПК РФ».

Исходя из этих дополнений, ст. 89 УПК РФ, по нашему мнению, должна быть сформулирована так:

«Статья 89. Результаты оперативно-розыскной деятельности

1. Результаты оперативно-розыскной деятельности, осуществленной в соответствии с требованиями оперативно-розыскного законодательства, представленные в распоряжение органов дознания, следователя, прокурора или суда в соответствии с требованиями статей 83.1 и 83.2 УПК РФ, могут использоваться в процессе доказывания и признаваться доказательствами.

2. Сотрудник органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, может быть допрошен об обстоятельствах проведения оперативно-розыскных мероприятий и полученных результатах, за исключением сведений:

- о силах, средствах, методах, состоянии и планах осуществления оперативно-розыскной деятельности;
- об организации и тактике проведения оперативно-розыскных мероприятий;
- о лицах, оказывающих содействие органу, осуществляющему оперативно-розыскную деятельность, на конфиденциальной основе;

Оперативно-розыскные мероприятия и следственные действия: понятия и соотношение. – СПб., 2010; Захарцев С.И., Игнащенко Ю.Ю., Сальников В.П. Оперативно-розыскные мероприятия в XXI веке. – СПб., 2006. (Серия: «Теория и практика оперативно-розыскной деятельности»); Захарцев С.И., Пахунов А.М. Организация прокурорского надзора за оперативно-розыскной деятельностью // Российский следователь. – 2012. – №9; Захарцев С.И. Оперативно-розыскные мероприятия: теория и практика / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб., 2004; Рохлин В.И., Захарцев С.И., Миронов М.А., Стуканов А.П. Институт реабилитации в российском законодательстве (возникновение, развитие, понятие, перспективы) / под ред. В.И. Рохлина. – СПб., 2007.

– о штатных негласных сотрудниках и о лицах, внедренных в организованную преступную группу.

3. Если в ходе оперативно-розыскной деятельности в отношении одного лица получены сведения о преступной деятельности другого лица, то полученные сведения и результаты надлежит использовать в доказывании, вне зависимости от того, установлена ли противоправность деяний лица, в отношении которого первоначально осуществлялась оперативно-розыскная деятельность».

Требуется также уточнить *статью 74 УПК РФ*, изложив *пункты 3.1 и б* в следующей редакции:

«3.1) заключение специалиста, полученное в том числе при осуществлении оперативно-розыскной деятельности, и его показания;

б) иные документы, в том числе официальные документы, полученные при осуществлении оперативно-розыскной деятельности».

Как показали исследования, предлагаемые нами изменения уже давно необходимы практике.

КОСИМОВ Файзали Махмадиевич,
начальник кафедры оперативно-розыскной
деятельности факультета № 2 Академии
МВД Республики Таджикистан, полковник
милиции, соискатель Института философии,
политологии и права имени А.Баховиддинова
Академии наук Республики Таджикистан

ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ЕЁ КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ В ТАДЖИКИСТАНЕ

Республики Таджикистан с первых дней объявления своей независимости в качестве суверенного государства придерживается и верна правовым принципам в области защиты прав человека.

Впервые в политико-правовой истории страны на конституционном уровне закреплена идея о высшей ценности человека – его права и свободы.

Конституция независимого Таджикистана является значимым политико-правовым явлением, содержание которого не имеет аналога, а также форма принятия в истории страны. Впервые в практике государственного Таджикистана Конституция принята путем всенародного голосования, что являет собой новую философию современной национальной таджикской государственности. Таджикский народ путем принятия акта высшей юридической силы (6 ноября 1994 года) изъявил твердую волю, и желание строить суверенное, демократическое, правовое, светское и унитарное государство, обеспечивающие достойную жизнь и свободное развитие каждого человека¹. Примечательно, что Основной Закон страны получил высокую оценку авторитетных международных организации и зарубежных экспертов.

«Конституция суверенного Таджикистана, объявив неприкосновенными жизнь, честь и другие природные права человека, определила признание, соблюдение и защиту прав и свобод человека и гражданина государством. Одновременно она гарантирует свободную экономическую деятельность, предпринимательство, равноправие и защиту всех форм собственности, в том числе частную собственность в стране, что обеспечит неуклонный рост свободных рыночных отношений и улучшение инвестиционного климата в стране. Основной закон, определив фундамент конституционного строя и важнейшие основы демократического общества нашей страны, заложил реальную правовую основу для укрепления государственной власти и строительства новой государственности, обеспечил нормальную политическую ситуацию, безопасность общества, защиту национальных интересов, укрепление законности и правопорядка, защиту прав и свобод граждан²».

¹ Конституция Республики Таджикистан от 06 ноября 1994 г. – С.34.

² Рахмон Э. Уважение Конституции является долгом каждого // Выступление Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмон посвященное 18 годовщине Конституции РТ.

В Конституции Таджикистана надежно закреплены основные приоритеты, ценности и прав обеспечивающие достойную жизнь и свободное развитие каждого человека и гражданина в обществе и государстве. Оперативно-розыскной деятельности является важной составной частью системы государственно-правовых мер борьбы с преступностью и охраны правопорядка и по этому оперативная работа имеет конституционно правовой характер, в связи с чем весьма важно постоянное укрепление ее правовых основ. И мы в данной статье рассмотрим вопрос о содержании понятия Закона Республики Таджикистан «Об оперативно-розыскной деятельности», и ее конституционной основы.

Оперативно-розыскная деятельность органов осуществляющих оперативно-розыскную деятельность в Республики Таджикистан является частью государственно-правовых мер борьбы с преступностью, самостоятельной формой правоохранительной деятельности, направленной на реализацию задач уголовной политики. Как и любой другой вид правоохранительной деятельности базируется на системе юридических норм, предусмотренных различными источниками права, составляющими ее правовую основу¹.

Историческое исследование юридических аспектов оперативно розыскной деятельности позволяет обнаружить, что эта деятельность базируется на весьма сложной системе правовых норм, предусмотренных многообразными источниками права. В этой системе, если рассматривать служебную роль правовых норм, прослеживается часть норм права, непосредственно не рассчитанных на правовую регламентацию оперативно-розыскной деятельности, однако служащих основанием для решения организационных, правовых и тактических вопросов оперативно-розыскной работы в силу органической связи между собой различных правоохранительных функций. Принятие Закона Республики Таджикистан «Об оперативно-розыскной деятельности» 28 декабря 1993 года №923 явилось началом реформы правового регулирования оперативно розыскной деятельности в Таджикистане².

Вопрос о содержании понятия законодательства Республики Таджикистан «Об оперативно-розыскной деятельности» представляет не только теоретический, но и главным образом, сугубо практический интерес.

Рассматривая содержание ст.2 Закона Республики Таджикистан «Об оперативно-розыскной деятельности». Законодательство Республики Таджикистан «Об оперативно-розыскной деятельности», которая гласит:

1. Законодательство Республики Таджикистан об оперативно-розыскной деятельности основывается на Конституции Республики Таджикистан, и состоит из настоящего Закона, других нормативных

¹ Рахимов Р.Х. История создания и развития национального законодательства Республики Таджикистан в области оперативно-розыскной деятельности. – Душанбе, 2005. – С.14.

² Ведомости Верховного Совета Республики Таджикистан. – 1993. – №3-4. – С.68.

правовых актов Республики Таджикистан, а также международных правовых актов, признанных Таджикистаном¹.

2. Органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, принимают в пределах своих полномочий в соответствии с законодательством Республики Таджикистан нормативные правовые акты, регламентирующие порядок, организацию и тактику проведения оперативно-розыскных мероприятий и оперативно-розыскных действий².

Из анализа данной нормы можно сделать вывод, что Законодательство Республики Таджикистан «Об оперативно-розыскной деятельности», представляя собой единое целое совокупности нормативно-правовых актов ее регламентирующих, имеет и свою структуру. Структура состоит из четырех уровней:

- конституционный, который включает в себя Конституцию и конституционные законы Республики Таджикистан;

- международно-правовой;

- законодательный, который следует разделить, в зависимости от юридической силы и значимости нормативно-правовых актов, на четыре подуровня: 1) кодифицированное законодательство (УК, УПК, КИУН, ГПК); 2) Закон «Об оперативно-розыскной деятельности»; 3) нормативно-правовые акты, регламентирующие деятельность субъектов оперативно-розыскной деятельности; 4) нормативно-правовые акты, регулирующие отношения в иной сфере, но имеющие в своем содержании отдельные нормы имеющие отношения к отдельным положениям оперативно-розыскной деятельности;

- подзаконный, включающий в себя нормативные Указы Президента Республики Таджикистан, постановления и распоряжения Правительства Республики Таджикистан, акты Генеральной прокуратуры, межведомственные и ведомственные нормативно-правовые акты органов исполнительной власти, регулирующие отдельные правоотношения в оперативно-розыскной деятельности³.

Такая структура сформирована на основании положений Конституция Республики Таджикистан и Закона Республики Таджикистан «О нормативный правовых актах» (от 2003 года). Согласно ст. 2 данного Закона: «Нормативный правовой акт – официальный документ, принимаемый государственным органом или уполномоченными должностными лицами, либо путем референдума, содержащий указания общеобязательного характера и устанавливающий, изменяющий либо отменяющий правовые нормы»⁴.

¹ Закон Республики Таджикистан «Об оперативно-розыскной деятельности». – Душанбе, 2014. – С.3.

² Закон Республики Таджикистан «Об оперативно-розыскной деятельности». – Душанбе, 2014. – С.12.

³ Зоиров Дж.М. Комментарий к Закону Республики Таджикистан «Об оперативно-розыскной деятельности». – Душанбе, 2014. – С.27.

⁴ Закона Республики Таджикистан «О нормативных правовых актах», 2003.

Конституция Республики Таджикистан в истории нашей страны в ст. 5 впервые признала и нормативно закрепила, что «Права и свободы человека, являются высшей ценностью».

Жизнь, честь, достоинство и другие естественные права человека неприкосновенны.

Права и свободы человека и гражданина признаются, соблюдаются и защищаются государством»¹.

Осуществление в любом государстве правоохранительной деятельности, в том числе оперативно-розыскная деятельность, предполагает в той или иной мере ограничение прав и свобод и личности граждан. Развитие оперативно-розыскного законодательства должно осуществляться в строгом соответствии признания естественных, неотчуждаемых прав человека, и обеспечения системой гарантий и механизмов защиты, и только такое государство может быть признано правовым. Как справедливо отмечает К.В. Сурков «если говорить о роли Конституции в правовой основе оперативно-розыскной деятельности, то необходимо учитывать тот факт, что в ней зафиксированы общеправовые положения, а также нормы, непосредственно касающиеся правового регулирования оперативно-розыскной деятельности и организации деятельности органов, ее осуществляющих»².

Закон Республики Таджикистан «Об оперативно-розыскной деятельности» ни коем образом не противоречит Конституции Республики Таджикистан, так в ст. 1 указанного закона которая прямо говорится, что «оперативно-розыскная деятельность – вид деятельности, осуществляемой гласно или негласно органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, в пределах своих полномочий посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий в целях защиты жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств»³. Таким образом, Конституция Республики Таджикистан является основополагающим элементом правовой природы оперативно-розыскной деятельности.

Реализация конституционных норм, заключается в закреплении в соответствующих нормативных правовых актах с учетом особенностей каждого государственного органа или рода деятельности. При этом, надо принимать во внимание, что правовые нормы Конституции не регулируют подробно и всесторонне общественные отношения в указанных сферах. Они регулируют лишь существенные, главные стороны общественных отношений.

¹ Конституция Республики Таджикистан от 06 ноября 1994 г. – С.34-35.

² Горяинов К.К., Кваша Ю.Ф., Сурков К.В. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности»: комментарий. – М.: Новый Юрист, 1997. – С.129.

³ Закон Республики Таджикистан «Об оперативно-розыскной деятельности». – Душанбе, 2014. – С.3.

Прямое действие норм Конституции в (ч. 1 ст. 69) Полномочия Президента, «определяет основные направления внутренней и внешней политики республики»¹.

Глава вторая Конституции регламентирующая «Права, свободы, основные обязанности человека и гражданина», в котором определены основные права и свободы человека и гражданина, соблюдение которых является обязательным при осуществлении любого вида деятельности, в том числе и оперативно-розыскной. «Каждое из этих положений имеет гораздо большее политическое и юридическое содержание, ибо представляет составную часть правового статуса гражданина, регламентированного Конституцией. Это - прежде всего важнейшие субъективные права граждан, сохраняющие свое значение во всех сферах государственной и общественной жизни. Но именно поэтому, в интересах охраны государства и общества от преступных посягательств в сфере уголовного судопроизводства, необходимы определенные ограничения этих конституционных начал»². В связи с чем, оперативно-розыскное законодательство предусматривает строго определенные условия, при которых возможно ограничение гарантированных Конституцией прав и свобод человека и гражданина.

Одними из важных элементов соблюдения прав и свобод человека, гражданина, уважения достоинства личности являются права на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту чести и достоинства, и обязанность государственных органов, в том числе осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, обеспечить возможность каждому гражданину ознакомиться с затрагивающими его права и интересы документами, решениями и источниками информации (ч. 1 и 3 ст. 18), и неприкосновенность жилища»³.

Частная жизнь - это область жизнедеятельности человека, которая относится к отдельному лицу, принадлежит и дорога только ему и поэтому, по общим правилам, не подлежит контролю со стороны общества и государства, и охраняется Конституцией, законами, в первую очередь нормами уголовного права. Ч. 3 ст. 18 реализуется во многих отраслевых законодательных актах. Так ч.3 ст.5 Закона Республики Таджикистан «Об оперативно-розыскной деятельности» предусматривает: «Лицо, виновность которого в совершении преступления не доказана в установленном законом порядке, то есть в отношении которого в возбуждении уголовного дела отказано либо уголовное дело прекращено в связи с отсутствием события преступления или в связи с отсутствием в деянии состава преступления, и которое располагает фактами проведения в отношении его оперативно-розыскных мероприятий и полагает, что в этих случаях были нарушены его права, вправе истребовать от органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, сведения

¹ Конституция Республики Таджикистан от 06 ноября 1994 г. – С.50.

² Закон Республики Таджикистан «Об оперативно-розыскной деятельности». – Душанбе, 2014. – С.11.

³ Конституция Республики Таджикистан от 06 ноября 1994 г. – С.22.

полученной о нем информации в пределах, допускаемых требованиями конспирации и исключающих возможность разглашения государственной тайны. В случае, если будет отказано в предоставлении запрошенных сведений или, если указанное лицо полагает, что сведения получены не в полном объеме, оно вправе обжаловать это в установленном законом порядке в вышестоящий орган, осуществляющий оперативно-розыскную деятельность, прокурору, в суд (судье). В процессе рассмотрения дела в суде обязанность доказывать обоснованность отказа в предоставлении этому лицу сведений, в том числе в полном объеме, возлагается на соответствующий орган, осуществляющий оперативно-розыскную деятельность»¹.

Принципиальное значение для определения пределов и условий, проведения специальных оперативно-розыскных мероприятий, затрагивающие конституционные права человека и гражданина на тайну переписки, телефонных разговоров, почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электрической и почтовой связи, а также право на неприкосновенность жилища допускается по мотивированному постановлению органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, по ходатайству уполномоченного прокурора и санкции судьи и при наличии информации:

1) о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступного деяния, по которому производство предварительного следствия обязательно;

2) о лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших преступные деяния, по которому производство предварительного следствия обязательно;

3) о событиях или действиях (бездействии), создающих угрозу общественной, государственной, военной, экономической, информационной или экологической безопасности Республики Таджикистан².

Ограничение прав и свобод человека и гражданина может иметь место только на уровне законов и лишь в той мере, в какой это необходимо в целях защиты конституционного порядка, прав и свобод человека, здоровья и нравственности населения. Однако, любое государство обозначает пределы ограничения этих прав и свобод, поскольку они не могут быть безграничными. Свобода человека кончается там, где начинается свобода другого человека, – гласит основной принцип права. В данной статье определяются обстоятельства, в пределах которых ограничиваются права и свободы человека. Вместе с тем, Конституция Республики Таджикистан, международное право и законодательная практика многих государств устанавливают, что ряд прав и свобод ни при каких обстоятельствах, не подлежат ограничению. Не подлежат

¹ Закон Республики Таджикистан «Об оперативно-розыскной деятельности». – Душанбе, 2014. – С.7.

² Закон Республики Таджикистан «Об оперативно-розыскной деятельности». – Душанбе, 2014. – С.13.

ограничению «права и свободы, предусмотренные ст.ст. 16, 17, 18, 19, 20, 22, 25, 28» (п. 1 ст.47 Конституции). Данные положения нашли свое отражение в оперативно-розыскном законе в ст.ст. 1 п.1 «Оперативно-розыскная деятельность», 2 «Законодательство Республики Таджикистан об оперативно-розыскной деятельности», 3 «Задачи оперативно-розыскной деятельности», 5 «Гарантии соблюдения прав и свобод человека и гражданина при осуществлении оперативно-розыскной деятельности», 8 «Условия проведения оперативно-розыскных мероприятий», 9 «Основания и порядок рассмотрения материалов об ограничении конституционных прав граждан при проведении оперативно-розыскных мероприятий» Закона Республики Таджикистан «Об оперативно-розыскной деятельности¹».

Учебник «Оперативно-розыскная деятельность», подготовленный Рахимовым Рамазоном Хамраевичем, является одной из первых работ открытого характера по основам оперативно-розыскного законодательства, выполненная на государственном языке.

Книга снабжена ценными комментариями, широко используются правовые документы. С учетом того, что при проведении негласных оперативно-розыскных мероприятий затрагиваются права и свободы человека и гражданина, основное внимание уделено конституционным принципам, утверждающим приоритет прав человека и их соответствие международным правовым нормам, признанными Республикой Таджикистан. При этом немаловажное значение придается морально-этическим аспектам правоохранительной деятельности.

В контексте соблюдения прав человека в работе Рахимова рассматривается проблема пыток, т.е. запрет на применение насилия в деятельности органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность. Говоря о Конвенции против пыток², следует отметить, что наша страна ратифицировала этот документ и сделала тем самым значительный вклад в деле защиты основных прав и свобод своих граждан³.

На формирование правовой основы оперативно-розыскная деятельность оказывают влияние нормы Конституции, закрепляющие осуществление правосудия. Так, не имеют юридической силы доказательства, полученные незаконным способом⁴.

Органам (должностным лицам), осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, запрещается:

¹ Зоиров Дж.М. Комментарий к Закону Республики Таджикистан «Об оперативно-розыскной деятельности». – Душанбе, 2014. – 348 с.

² Конвенции против пыток. Резолюция № 57/199 Генеральной Ассамблеи ООН от 18 декабря 2002.

³ Рахимов Р.Х. Оперативно-розыскная деятельность. – Душанбе: Эр-граф, 2012. – 595 с.

⁴ Зоиров Дж.М. Комментарий к Закону Республики Таджикистан «Об оперативно-розыскной деятельности». – Душанбе, 2014. – С.64.

-проводить оперативно-розыскные мероприятия в интересах какой-либо политической партии, общественных объединений, в том числе религиозных¹.

Задачи оперативно-розыскная деятельность наиболее четко соединяются с отраслью конституционного права на основе правила: то, что закреплено Конституцией и конституционным правом в целом, подлежит неукоснительной защите силами, средствами и методами оперативно-розыскной деятельности. Прежде всего, это сферы жизни, здоровья населения, собственности, общественного порядка и многие другие.

¹ Закон Республики Таджикистан «Об оперативно-розыскной деятельности». – Душанбе, 2014. – С.5.

ҚУРБОНОВ Абдувоҳид Абдулаҳадович,
*муаллими калони кафедраи фанҳои ҳуқуқи
гражданин факултети № 2 Академияи ВКД
Ҷумҳурии Тоҷикистон, капитани милитсия,*

ЭШАХМЕДОВ Шомурод Ҳайдарович,
*сардори кафедраи фанҳои ҳуқуқи гражданин
факултети № 2 Академияи ВКД Ҷумҳурии
Тоҷикистон, н.и.пед., подполковники
милитсия*

ҲАҚҚИ КОНСТИТУТСИОНИИ ТАШКИЛИ ОИЛА ВА ҲАДДИ ТАТБИҚИ ОН

Дар Конститутсияи (Сарқонуни) амалкунандаи Ҷумҳурии Тоҷикистон ба танзиму таҳкими муносиботи оила ва оиладорӣ диққати махсус дода шудааст. Дар заминаи муқаррароти конститусионӣ давлат оиларо ҳамчун асоси ҷамъият эътироф ва ҳимоя менамояд. Ташкили оила ҳаққи конститусионии ҳар кас ба ҳисоб рафта, озодона будани ақди никоҳ, яке аз принципҳои конститусионии бунёди оила мебошад¹.

Мавриди таъкид аст, ки ҳаққи конститусионии ташкили оила ва озодии ақди никоҳ на бояд бо маънои том фаҳмида шавад. Яъне озодии ақди никоҳ маънои онро надорад, ки касе хоҳад ақди никоҳ бандад ва оила барпо намояд. Балки ҳаққи мазкур ва озодии ақди никоҳ, шарт тартиб ва талаботеро дар бар мегирад, ки шахс онҳоро риоя ва бояд ба талабот ҷавобгӯ бошад. Яъне нафароне ақди никоҳро озодона баста метавонанд, ки аз ҷиҳати руҳӣ солим бошанд, ба синни никоҳӣ расида, қобилияти амалашон маҳдуд карда нашудааст, дар никоҳи дигари бақайдгирифта қарор надоранд ва бо дигар талаботе, ки қонунгузори оилавӣ муқаррар намудааст ҷавобгӯ мебошанд, ва монеаҳои дигари ақди никоҳ ҷой надоранд. Озодии ақди никоҳ ба чунин шахсон дахл дошта, онҳо метавонанд озодона онро банданд ва ҳаққи конститусионии ташкили оиларо татбиқ намоянд.

Мусалам аст, ки яке аз унсурҳои муҳими мунсиботи оилавӣ, ақди никоҳ мебошад. Он асоси ба вучуд омадани муносибатҳои оилавӣ буда, ҳуқуқи уҳдадорӣ ҳамсарон аслан аз лаҳзаи ба қайдгирии давлатии он дар мақомоти сабти асноди ҳолати шахрвандӣ (САҲШ) ба вучуд меоянд. Ақди никоҳ дар мақомоти САҲШ дар ҳолате ба қайди давлатӣ гирифта мешавад, ки монеаҳо барои бақайдгирии он мавҷуд набошанд.

¹ Моддаи 33 Конститутсияи (Сарқонуни) Ҷумҳурии Тоҷикистон: матни расмӣ (бо тағйиру иловаҳои то соли 2003) // Ведомости Шурои Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон. – 1994. – №21. – С.430.

Монеаҳои ақди никоҳ дар моддаи 14 Кодекси оилаи Ҷумҳурии Тоҷикистон¹ таҷассум гардидаанд, ки инҳоянд:

- байни шахсоне, ки яке аз онҳо дар никоҳи дигари ба қайдгирифташуда қарор дошта бошад;

- байни хешовандони наздик (падар ё модар бо фарзанд, бобо ё бибӣ бо набераи худ);

- байни бародарону хоҳарони айнӣ ва ӯгай (ки аз як падар ё модаранд);

- байни фарзандхондагон ва фарзандхондшудагон;

- байни шахсоне, ки суд яке аз онҳоро бо сабаби бемории руҳӣ ё сустаклиаш (ноқисулақлиаш) ғайри қобили амал эътироф кардааст;

- байни шахсоне, ки суд яке аз онҳоро бо сабаби суиистифодаи нӯшоқиҳои спиртӣ ё маводи нашъадор дорои қобилияти маҳдуди амал эътироф намудааст.

Чи хеле, ки дар боло зикр гардид қонунгузории оилавӣ монеаҳои ақди никоҳро муайян намудааст. Дар мақолаи мазкур мо оид ба масоили муносибати хешутаборӣ ҳамчун монеаи ақди никоҳ, маълумот манзур намуда, дар заминаи таҳлили муқоисавӣ қонунгузории дигар ҷумҳуриҳои Иттиҳоди Давлатҳои Мустақил ва фикҳи исломӣ оид ба баъзе проблемаҳои он андешаҳоямонро иброз намудаем. Предмети муҳокимаи мақолаи мо низ маҳз ҳамин масъала, яъне муносибати хешутаборӣ ҳамчун монеаи ақди никоҳ мебошад.

Хешутаборӣ яке аз масъалаҳои муҳим ҳангоми бастанӣ ақди никоҳ ба ҳисоб меравад. Илми тиб исбот намудааст, ки дар баъзан мавридҳо никоҳи хешутаборӣ оқибати манфӣ ба вучуд меорад. Аз ақди никоҳи байни хешони наздик фарзандон аз ҷиҳати ҷисмонӣ носолим ва руҳан ғайри қобили амал таваллуд мешаванд. Аз мушоҳидаҳо, маслиҳати мутахассисон тавассути васоити ахбори омма (газета, телевизион, радио ва ғ.) маълум мегардад, ки масоили ақди никоҳи байни хешони наздик дар бисёр мавридҳо мавриди муҳокима қарор мегирад. Мутахассисон маслиҳат медиҳанд, ки байни хешон, аз ҷумла бо духтари тағо, хола, амак, амма ва ғ. ақди никоҳ баста нашавад. Чунки дар баъзан мавридҳо бо сабаби омилҳои ирсӣ ва дигар ҳолатҳои, ки илми тиб муқаррар намудааст, барои тавлиди фарзанди руҳану ҷисман носолим асос мегардад.

Мафҳуми хешутаборӣ дар Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ ба сифати муродифи (синоними) калимаи хешовандӣ таҷассум гардида, ба мазмуни таборӣ, қаробат ва хешӣ маънидод мегардад². Вожаи таборӣ марбут ба табор буда, бо маънои хешовандон, хешон, наздикон, аҳли як хонадон; хешу табор, хешон ва наздикон шарҳ дода шудааст. Дар тафсири забонии калимаи хешутаборӣ ва табор ҳарчанд мафҳумҳои: хешовандон,

¹ Кодекси оилаи Ҷумҳурии Тоҷикистон // Ахбори Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон. – 1998. – №22. – Мод.303.

² Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ (иборат аз 2 ҷилд). Ҷилди 2 (О – Я). – Душанбе, 2008. – С.434.

хешон, наздикон, аҳли як хонадон; хешу табор хешон ва наздикон истифода гардад ҳам, аммо ба таври мушаххас маълум нагардидааст, ки кадом шахсон барои ҳамдигар хешу табор ё хеши наздик ҳисобида мешаванд.

Кодекси оилаи Федератсияи Россия¹ ба монанди Кодекси оилаи Ҷумҳурии Тоҷикистон, бастанӣ ақди никоҳро байни хешони наздик ҳамчун монеаи никоҳ муқаррар намудааст. Тибқи моддаи 14 Кодекси мазкур шахсони зерин барои ҳамдигар хеши наздик доништа мешаванд: падар ё модар бо фарзанд, бобо, бибӣ бо набераи худ, байни бародарону хоҳарони айнӣ ва ӯғай (ки аз як падар ё модаранд) байни фарзандхондагон ва фарзандхондшудагон.

Қайд кардан ба маврид аст, ки дар иртибот ба мавзӯи матраҳ, яъне муносибати хешутаборӣ ҳамчун монеаи ақди никоҳ Кодекси оилаи Ҷумҳурии Узбекистон², Қирғизистон³ ва Туркменистон низ ба монанди Кодекси оилаи Ҷумҳурии Тоҷикистон ва Федератсияи Россия муқарраоти шабеҳ доранд.

Кодекс оид ба никоҳ (заношӯӣ) ва оилаи⁴ Ҷумҳурии Қазоқистон байни хешони наздик бастанӣ ақди никоҳро манъ кардааст, аммо дар кодекси зикргардида муайян нашудааст, ки кадом шахсон барои ҳамдигар хеши наздик доништа мешаванд. Боиси зикр аст, ки чунин тартиб, яъне муайян накардани доираи мушаххаси хешони наздик дар қонунгузориҳои оилавӣ барои татбиқи қонун монеа эҷод мекунад.

Чихеле, ки аз омузиши мавзӯи муносибати хешутаборӣ ҳамчун монеаи ақди никоҳ дар қонунгузориҳои давлатҳои мазкур (Ҷумҳурии Тоҷикистон, Федератсияи Россия, Ҷумҳурии Узбекистон, Қирғизистон, Туркменистон ва Қазоқистон) маълум мегардад, ду ҳолатро мушоҳида карда мумкин аст:

1. дар баъзан давлатҳо доираи шахсоне, ки хеши наздик доништа мешаванд ва бастанӣ ақди никоҳ байни онҳо манъ аст, муайян шудааст;
2. дар баъзе давлатҳои дигар, баръакс, доираи хешони наздик муайян нашудааст, масалан дар қонунгузориҳои Қазоқистон.

Агар бо истифодаи усули муқоисавӣ вобаста ба ҳамин масъала ба Фикҳи Исломи назар афканем, дар сарчашмаҳои фикҳӣ низ муносибати хешутаборӣ ҳамчун монеаи ақди никоҳ ба тафсил нисбат ба қонунгузориҳои Ҷумҳурии Тоҷикистон ва дигар давлатҳои дар боло зикршуда, инъикос гардидааст. Яъне қонунгузориҳои шариат хешутабориро ҳамчун монеаи ақди никоҳ эътироф намуда, доираи шахсонро, ки наметавонанд байни ҳамдигар ақди никоҳ банданд ба таври мушаххас муайян намудааст.

¹ Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995. –№223-ФЗ (ред. от 05.05.2014).

² Ниг. муфассал моддаи 16 Кодекси оилаи Ҷумҳурии Узбекистон // Ведомости Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Узбекистон. – 1998.

³ Ниг. муфассал моддаи 15 Кодекси оилаи Ҷумҳурии Қирғизистон аз 30 августи соли 2003. №201.

⁴ Кодекс Республики Казахстан О браке (супружестве) и семье (с изменениями и дополнениями по состоянию на 15.01.2014 г.).

Аз назари шаръӣ никоҳи занҳои зерин ҳаром аст (маҳрамҳо):

➤ маҳрамҳои насабӣ. Онҳо ҳешовандоне мебошанд, ки ақди никоҳ бо онҳо барои ҳамеша ва абадан ҳаром аст. Ба ин гурӯҳ инҳо дохил мешаванд:

- ✓ модар, модари модар (бӣбӣ) ва модари падар;
- ✓ духтар;
- ✓ духтари духтар ва духтари писар;
- ✓ хоҳар;
- ✓ духтари хоҳар ва духтари бародар;
- ✓ амма;
- ✓ хола.

Маҳрамҳои насабӣ ва абадӣ дар маҷмуъ ҳафт навъ мебошад, ки дар китоби Қуръони карим маҳрамияти онҳо собит шудааст. Худованд мефармояд: «Бар шумо модарон, духтарон, хоҳарон, аммаҳо, холаҳо, духтарони бародар ва духтарони хоҳаронатон ҳаром гардидааст»¹.

➤ маҳрамҳои сабабӣ-абадӣ. Онҳо ҳешовандоне мебошанд, ки бо сабаби издивоҷи шахс барои вай маҳрами абадӣ гардидаанд ва ё ба сабаби издивоҷи падар ва ё писариаш барои вай маҳрами абадӣ гардидааст. Ин силсилаи маҳрамҳо низ ҳамеша барои ӯ ҳаром мебошад. Инҳоро маҳрамҳои бо мусоҳарат (домодӣ) низ мегуянд. Яъне аз тариқи домод шудан барояш ба вучуд омадааст. Ба гуруҳи маҳрамҳои сабабӣ-абадӣ инҳо дохил мешаванд:

✓ модари зан (хушдоман), ба сабаби ин, ки занеро ба ақди худ даровард, модариаш барои вай ҳароми абадӣ мегардад, хоҳ бо он зан ҳамбистарӣ карда бошанд, ё не;

✓ духтари зан дар сурате, ки бо модариаш ҳамбистарӣ карда бошад, вале агар модариашро пас аз ақд ва пеш аз он, ки бо вай издивоҷ намояд;

✓ зани падар (моиндар) ва зани падарбузург;

✓ зани писар (келин) ва занони писарони писар.

Ин чор навъи маҳрамҳои сабаби низ бо китоби Қуръони карим собит шуда, маҳрамияти онҳо абадӣ мебошад. Худованд мефармояд: «Ва модарони ҳамсаронатон ва он пешдухтаронатон, ки дар канори шумо аз он занонатон мебошанд, ки бо онҳо ҳамбистар шудаед, вале агар бо онҳо ҳамбистар нашуда бошед, (никоҳи духтаронашон пас аз чудои аз онҳо) бар шумо гуноҳе надорад ва занони писаратон, ки аз пушти худатон мебошанд, бар шумо ҳаром гардонидани шудаанд»²;

➤ маҳрамҳои разоъӣ. Онҳо ҳешовандоне мебошанд, ки аз тариқи ширхорагӣ барои инсон маҳрами абадӣ гардидаанд. Ақди никоҳ бо онҳо ҳаром аст. Маҳрамҳои разоъӣ ва абадӣ инҳоянд:

✓ модари разоъӣ (зане, ки ба ӯ шир додааст);

✓ хоҳари разоъӣ (духтаре, ки ҳар ду аз пистони як зан шир хурдаанд).

Манъ будани ақди никоҳ бо маҳрамҳои разоъӣ низ бо китоби Қуръони карим собит шудааст. Худованд мефармояд:

¹ Сураи Нисо, 4: 23.

² Сураи Нисо, 4: 23.

«Ва он модаронатон, ки ба Шумо шир додаанд ва хоҳаронатон аз разоъат (низ) бар Шумо ҳаром гардонида шудаанд»¹.

➤ маҳрамҳои сабабие, ки никоҳ бо онҳо муваққатан ҳаром ва манъ аст. Маҳрамҳои сабабие, ки никоҳашон муваққатан ҳаром ва манъ аст инҳоянд:

- ✓ *хоҳар ва апай зан;*
- ✓ *холаи зан (ҳамсараш);*
- ✓ *аммаи зан.*

Яъне, то замоне, ки ин ҳамсараш дар никоҳи ӯст, онҳо бар вай ҳаром мебошанд. Пас аз вафоти ҳамсар ӯ бекор шудани никоҳ ӯ метавонад бо шахсони мазкур ақди никоҳ бандад.

Фикҳи Исломӣ ҳатто маҳрамҳои сабабиеро, ки бо тариқи зино барои шахси зинокор пайдо шудаанд, муқаррар намудааст. Инҳо низ барои ӯ маҳрамҳои абадӣ гардида, барои ҳамеша никоҳаш бо онҳо ҳаром мебошад. Яъне, агар шахсе бо зани бегонае зино кунад, усул ва фуруъи он зан ба ҳамон тартибе, ки дар маҳрамҳои сабабии абадӣ зикр шудааст, барои вай маҳрам мегарданд. Мусоҳарат (домодӣ) ҳамон тавре, ки бо никоҳи шаръӣ собит мешавад, бо зино низ собит мешавад².

Дар робита ба ҳамин мавзӯ агар низоми ҳуқуқии амалкунандаи Ҷумҳурии Тоҷикистон ва дигар давлатҳоеро, ки дар боло зикр шудаанд (Федератсияи Россия, Узбекистон, Туркменистон, Қирғизистон) бо низоми ҳуқуқии шариат муқоиса намоем маълум мегардад, ки доираи ҳешони наздик дар низоми ҳуқуқии шариат нисбат ба қонунгузори амалкунандаи давлатҳои мазкур хеле ба тафсил ва мушахас муайян шудааст. Низоми ҳуқуқии амалкунандаи Ҷумҳурии Тоҷикистон ва давлатҳои номбаршуда танҳо бастанӣ ақди никоҳро байни падар ӯ модар бо фарзанд, бобо, бибӣ бо набераи худ, байни бародарону хоҳарони айнӣ ва ӯгаӣ (ки аз як падар ӯ модаранд) байни фарзандхондагон ва фарзандхондшудагон ҳамчун монетаи ақди никоҳ эътироф менамоянд.

Аммо Фикҳи Исломӣ ғайр аз шахсони зикршуда боз дигар ҳешонеро муқаррар кардааст, ки байни онҳо бастанӣ ақди никоҳ манъ аст. Масалан, бастанӣ ақди никоҳро бо духтари хоҳар ва духтари бародар, амма, хола, модари зан (хушдоман), духтари зан дар сурате, ки бо модараш ҳамбистарӣ карда бошад, зани падар (моиндар), зани писар (келин) ва занони писарони писар, модари разоъӣ (зане, ки ба шахс шир додааст), хоҳари разоъӣ (духтаре, ки ҳар ду аз пистони як зан шир хурдаанд), манъ намудааст.

Агар бо назари таҳлилий ва муқоисавӣ ба муқаррароти Кодекси оилаи Ҷумҳурии Тоҷикистон ва Фикҳи Исломӣ (қонуни шариат) назар афканем маълум мегардад, ки дар қонунгузори оилавӣ ноқисӣ (пробел) мавҷуд аст. Ба андешаи мо хуб мешуд, ки Кодекси оилаи Ҷумҳурии Тоҷикистон дар

¹ Сураи Нисо, 4: 23.

² Боқизода А. Фикҳи Исломӣ бар асоси мазҳаби ҳанафӣ – Душанбе, 2008. – С.520-521.

робита ба мавзӯи матраҳ бо назардошти таҷрибаи Фикҳи Исломӣ тақмил дода шавад.

Мо муаллифон тақмили қонунгузорию оилавию дар заминаи муқаррароти Фикҳи Исломӣ бо назардошти ҳолатҳои зерин мувофиқи мақсад медонем:

- аз рӯи маслиҳати мутахассисон, ки тавасути васоити ахбори омма иброн мегарданд ва таҷрибаи илми тиб дар баъзан мавридҳо ақди никоҳи шахсоне, ки байни худ муносибати хешутаборӣ доранд боиси тавлиди фарзандони аз ҷиҳати ҷисмони носолим ва руҳан ғайри қобили амал мегардад. Барои пешгирии чунин оқибатҳои манфӣ тақмили қонунгузорию оилавию Ҷумҳурии Тоҷикистон дар заминаи Фикҳи Исломӣ ба манфиати қор мебошад;

- Ислом яке аз унсурҳои муҳими фарҳанги миллӣ ба ҳисоб меравад. Ҳақ ба ҷониби сарвари мамлакат, муҳтарам Эмомалӣ Раҳмон мебошад, ки вобаста ба бузургдошти фарҳангу тамаддуни миллӣ гуфта аст: “Ислому аз фарҳанги миллӣ ва фарҳанги миллиро аз Ислом ҷудо ҳисобидан хатост”. Ҳамин аст, ки сарвари давлат, муҳтарам, Эмомалӣ Раҳмон масъалаи ҳифзи арзишҳои фарҳангиву маънавии гузаштаву имрӯзаро дар шароити ҷаҳонишавӣ ва бархӯрди тамаддунҳо барои мо масъалаи ҳаётӣ ва тақдирсоз мешуморад¹. Зиёда аз ин олими тоҷик Зоиров Ҷ.М. (ҳоло Мачидзода Ҷ.З.) навиштааст: «Бо эътирофи ақсари муҳаққиқони ҳам ватанӣ ва ҳам хориҷӣ, таърихи қонунгузорию мо, адабиёти мо, сиёсату додгустарӣ ва ниҳоят тамаддуни мо бо фарҳанги аслу ноби Исломӣ тавҷам будааст»².

Бо назардошти гиримидошти фарҳангу тамаддуни миллӣ давлат дар сатҳи конституционӣ, ҳифзи сарватҳои фарҳангӣ ва маънавию кафолат додааст³. Аз ин рӯ истифодаи таҷрибаи бойи қонунгузорию шариат оид ба муносибати хешутаборӣ ҳамчун монетаи ақди никоҳ бо мақсади тақмили Кодекси оилаи Ҷумҳурии Тоҷикистон аз манфиат ҳолӣ нест. Чихеле, ки дар боло ишора гардид, ин иқдом аз як тараф барои солимгардонии генафонди миллат мусоидат намояд, аз ҷониби дигар ҷиҳати гиримидошти фарҳангу тамаддуни миллӣ ва ҳимояи арзишҳои он кумак мерасонад.

Дар васоити ахбори омма оид ба оқибати манфӣ доштани ақди никоҳи байни хешон, аз ҷумла бо духтари хола, тағо, амак ва амма мақолаҳои зиёд нашр мешаванд, ва да барномаҳои телевизионӣ намоиш дода мешаванд. Дар бисёр мавридҳо сабаби тавлиди фарзанди руҳану ҷисман носолиму аз ҳисоби ақди никоҳи байни шахсони зикршуда мебаранд. Қайд кардан

¹ Труды Академии. Выпуск 11. Академия МВД Республики Таджикистан. – Душанбе, 2008. – С.52.

² Зоиров Ҷ. Заминаҳои ҳукукии пайдоиш ва инкишофи фаъолияти оперативӣ-ҷустуҷӯӣ дар Тоҷикистон (Дастури илмӣ-таълимӣ). – Душанбе, 2008.

³ Ниг. моддаи 40 Конституцияи Ҷумҳурии Тоҷикистон: матни расмӣ (бо тағйиру иловаҳои то соли 2003) // Ведомости Шурои Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон. – 1994. – №21. – С.430.

зарур аст, ки на қонунгузории амалкунандаи Ҷумҳурии Тоҷикистон ва на Фикҳи исломӣ бастанӣ ақди никоҳро бо духтари хола, амма, тағо ва амак манъ накардааст. То кадом андоза чунин гузоришу барарномаҳо асосдоранд, ё не дар доираи мақолаи илмӣ ба чунин савол ҷавоб гардонидан ғайри имкон мебошад. Ҳалли масъала маслиҳати мутахассисони соҳаи тибро талаб менамояд. Бо ҳамин сабаб мақоларо ҷамбасти намуда, қайд кардан зарур мешуморем, ки тақмили қонунгузории оилавӣ дар робита ба муносибати ҳешутаборӣ ҳамчун монеаи ақди никоҳ дар заминаи қонунгузории шариат мувофиқи мақсад мебошад.

*ЛЯЛЯКИН Юрий Анатольевич,
доцент кафедры государственно-правовых
дисциплин Академии управления МВД России,
кандидат юридических наук, полковник
полиции*

СТАНОВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

В нашей стране накоплен значительный положительный опыт в организации деятельности правоохранительных органов в самых сложных экономических и политических обстоятельствах. Изучение исторических аспектов функционирования служб и подразделений имеет огромное практическое значение, способствует безопасности государства, охране общественного порядка, и борьбе с преступностью.

Содержание деятельности органов государственной власти в сфере миграции населения включает в себя, в том числе, и осуществление организации обеспечения правил пребывания в Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства. Данный вид деятельности отличается определенным единством нормативного регулирования, однородностью содержания правоотношений, наличием специальных механизмов, методов, сил и средств, осуществляющих эту деятельность¹.

Становление современной государственной миграционной политики России², получило свое начало с момента создания в конце 1992 года Федеральной миграционной службы (далее: ФМС России или Служба)³. За два десятилетия своего существования, подразделение по работе с мигрантами претерпело значительные организационно-структурные и правовые изменения.

В соответствии с постановлением Правительства⁴ ФМС России в 1992 году являлась федеральным органом государственного управления, осуществлявшим государственную политику в области миграции населения и координирующим деятельность органов управления в этой сфере.

Структура Службы была трехступенчатой и включала в себя: федеральное звено, которое состояло из 10 управлений; региональное звено

¹ Административная деятельность органов внутренних дел: учебник. Изд. 4-е с изм. и доп. / под ред. А.П. Коренева. – М., 2002. – С.48-50.

² Шапаров А.Е. Миграционная политика в современной России: дис. ... канд. полит. наук. – М., 1996. – С.20-25.

³ О Федеральной миграционной службе России: указ Президента Российской Федерации от 14 июня 1992 г. № 626 // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. – 1992. – №25. – Ст.1422 (не действует).

⁴ Вопросы Федеральной миграционной службы России: постановление Совета Министров – Правительства Российской Федерации от 22 сентября 1992 г. № 740 // Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации. – 1992. – №13 (не действует).

– к нему относились территориальные органы – миграционные службы субъектов РФ и институт советников по межнациональным отношениям в посольствах Российской Федерации в государствах СНГ и Балтии и районное звено, включающее посты иммиграционного контроля в пунктах пропуска через государственную границу, а также пункты первичного приема (ППП) и центры временного размещения (ЦВР).

Далее постановлением Совета Министров – Правительства Российской Федерации в 1993 году было утверждено положение Службе, которым определялись основные задачи ФМС России¹. Начавшаяся административная реформа, в тот период времени, свидетельствовала лишь о попытке институционализации государственной миграционной политики, так как на этом этапе еще отсутствовала нормативная база, регулирующая функционирование ФМС России².

Следующий этап развития миграционных процессов в России связан с деятельностью соответствующих органов власти в сфере миграции населения по реализации Федеральной миграционной программы³. Этот этап характеризуется повышением государственными институтами уровня понимания проблем миграции населения и нахождения главной цели государственной миграционной политики: «регулирование миграционных правоотношений, преодоление последствий стихийно развивающихся процессов миграции, создание условий для реализации прав мигрантов»⁴.

Впервые в 1994 году на органы внутренних дел были возложены функции миграционного контроля. Министерству внутренних дел было поручено совместно с заинтересованными федеральными органами исполнительной власти: «в пределах своей компетенции в целях предупреждения и сокращения внешней неконтролируемой миграции проводить соответствующие мероприятия по выявлению иностранных граждан и лиц без гражданства, незаконно находящихся на территории Российской Федерации; применять установленные законодательством России меры воздействия в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства, допускающих противоправные действия»⁵.

¹ Об утверждении Положения о Федеральной миграционной службе России: постановление Совета Министров – Правительства Российской Федерации от 1 марта 1993 г. № 173 (в ред. Постановление Правительства РФ от 29 марта 1994 г. № 252) // Собрание актов Президента и Правительства РФ. – 1994. – № 14 (не действует).

² Шапаров А.Е. Указ. соч. – С.39.

³ О Федеральной миграционной программе: указ Президента Российской Федерации от 9 августа 1994 г. № 1668 (в ред. Указа Президента РФ от 13 июня 1996 г. № 881) // СЗ РФ. – 1996. – №25. – Ст.3002. (не действует).

⁴ Плаксина И.В. Конституционно-правовое регулирование миграционных процессов: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2001. – С.168-172.

⁵ О мерах по введению иммиграционного контроля: Указ Президента Российской Федерации от 16 декабря 1993 г. № 2145 // СЗ РФ. – 1993. – №51. – Ст.4933; О мерах по предупреждению и сокращению внешней неконтролируемой миграции: постановление

В дальнейшем, в связи с изменением нормативно-правовой базы в сфере регулирования миграционных отношений¹, ранее принятые подзаконные акты утратили свою юридическую силу и, тем не менее, послужили основой регулирования миграционных отношений в деятельности органов внутренних дел.

До 2002 года задача контроля над внутренней и внешней миграцией усугублялась множественностью и разобщенностью федеральных органов исполнительной власти, в компетенцию которых входили отдельные элементы работы с мигрантами². В комплекс этих органов были включены: МВД, МИД, Минэкономразвития, ФПС, ФСБ.

Сложившаяся ситуация стала предметом обсуждения в 2002 году в Совете безопасности, в результате чего были внесены изменения и дополнения в нормативно-правовом регулировании в сфере миграционных отношений³, которыми, по существу, реализуется идея о наделении МВД России широкими полномочиями по координации борьбы с незаконным пребыванием иностранных граждан и лиц без гражданства. Указанные нормативно-правовые акты заложили правовую основу регулирования и контроля иммиграционных процессов Российской Федерации.

Таким образом, ФМС России в ее первоначальном организационно-штатном варианте с 1992–2000 гг. прошла путь от стихийного приема беженцев в условиях чрезвычайных ситуаций к регламентированной процедуре определения официального статуса и социальной адаптации мигрантов⁴.

Хотя основная цель регулирования миграции населения состоит в создании условий для функционирования механизма проведения эффективной и скоординированной политики в сфере миграционных

Правительства Российской Федерации от 8 сентября 1994 г. № 1021 (в ред. Постановления Правительства РФ от 16 декабря 1994 г. № 1382) // СЗ РФ. – 1994. – №34. – Ст.3612 (не действуют).

¹ О признании утратившими силу некоторых решений Правительства Российской Федерации по вопросам беженцев: постановление Правительства РФ от 16 марта 2000 г. № 231 // СЗ РФ. – 2000. – №13. – Ст.1370.

² Зорин Н.А. Правовое регулирование вынужденной миграции в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2002. – С.124-127.

³ О совершенствовании государственного управления в области миграционной политики: Указ Президента Российской Федерации от 23 февраля 2002 г. №232 // СЗ РФ. – 2002. – №8. – Ст.813; СЗ РФ. – 2003. – №21. – Ст.1992; О полномочиях МВД, ГУВД, УВД субъектов Российской Федерации в области миграции: приказ МВД России № 522 – 2002 г. // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – 2002. – №26 (не действуют).

⁴ Востриков В.В. Административно-правовое регулирование миграции населения в РФ: дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов на Дону, 2004. – С.94-97.

отношений¹, но практическое воплощение получили, в основном, меры иммиграционного контроля и пресечения нелегальной миграции, а также добровольного возвращения в места постоянного проживания российских граждан, вынуждено покинувших места своего проживания в Российской Федерации и временно находящихся за ее пределами².

Органы государственной власти, функционирующие в области миграции населения, формировались на основе различных подходов к обеспечению национальной безопасности, и от политики «открытых дверей» перешли к комплексу мер, противодействующих прибытию незаконных мигрантов в Россию³. На следующем этапе (2004–2012 г.г.) организационно-правового строительства подразделений в сфере миграции основными нормативно-правовыми актами в сфере регулирования миграционных отношений и организации деятельности Министерства внутренних дел России являлись федеральные законы и указы Президента РФ⁴ которыми на МВД возлагались задачи по: разработке и принятию в пределах своей компетенции мер по регулированию миграции населения, обеспечению общественного порядка и общественной безопасности; организации и осуществлению мер по предупреждению и пресечению преступлений и административных правонарушений, выявлению, раскрытию и расследованию преступлений, совершенных мигрантами; реализации государственной миграционной политики и совершенствованию правового регулирования миграционных отношений⁵ и т.д.

В рассматриваемый период, основным подразделением в составе МВД России по регулированию миграционных отношений РФ, являлась

¹ Пояснительная записка к плану мероприятий по реализации Концепции регулирования миграционных процессов в Российской Федерации // Документы Правительства Российской Федерации от 23 сентября 2003 г. № ГК-П12-11419. – С.1.

² Кобец П.Н. Предупреждение преступности иностранными гражданами и лицами без гражданства в России: дис... д-ра юрид. наук. – М., 2004. – С.239-241.

³ Возженников А.Е. Парадигма национальной безопасности реформирующейся России. – М., 2010. – С.360; Вишневецкий А.Г. и др. Перспективы миграции и этнического развития России и их учет при разработке стратегических направлений развития страны на длительную перспективу. – М., 2001; Дробижева Л.М., Аклаев А.Р., Коротеева В.В. и др. Демократия и образцы национализма в Российской Федерации 90-х годов. – М., 1996. – С.57; Зайнчковская Ж.А. Вынужденные мигранты и стран СНГ и Балтии. – М., 1998. – №6; Миграция населения. Сборник научных трудов / под ред. Д.М. Воробьевой. – М., 2001; Яковенко И.А. Российское государство, нация, границы, перспективы. – Новосибирск, 1998. и др.

⁴ Вопросы Федеральной миграционной службы: указ Президента РФ от 19 июля 2004 г. №928 (в ред. Указа Президента РФ от 20 апреля 2007 г. № 516, с изм., внесенными Указом Президента РФ от 9 мая 2007 г. № 610) // СЗ РФ. – 2007. – №20. – Ст.2393; Вопросы структуры федеральных органов исполнительной власти: указ Президента Российской Федерации от 20 мая 2004 г. № 649 (в ред. Указа Президента РФ от 12 марта 2007 г. № 320) // СЗ РФ. – 2007. – №12. – Ст.1374 (не действуют).

⁵ Гусева Т.А., Чапкевич Л.Е. Новая система и структура органов исполнительной власти: справ. уч. пособие. – М., 2005. – С.2-4.

Федеральная миграционная служба, которая обеспечивала полномочия Министерства по государственному управлению непосредственно, а также через министерства внутренних дел, главные управления, управления внутренних дел субъектов РФ, учреждения, находящиеся в непосредственном подчинении Службы¹. Миграционное ведомство России – Федеральная миграционная служба осуществляла свою деятельность в сфере миграции относительно самостоятельно обеспечивала регулирование процессов внешней трудовой миграции, лицензирование деятельности, связанной с трудоустройством, выдачей разрешений работодателям на привлечение иностранной рабочей силы, а также подтверждений на право трудовой деятельности для иностранных граждан. На ФМС России была возложена обязанность осуществления контроля за соблюдением работодателями норм и правил привлечения иностранных граждан к труду, обеспечение ими трудового законодательства (в том числе – бытового устройства, отдыха)².

В Российской Федерации на всех этапах развития государственного управления проводилась и продолжается активная работа по совершенствованию нормативно-правовой базы, регламентирующую сферу миграции³.

Принятие в 2012 году целого ряда концептуальных и стратегических нормативно-правовых актов⁴ в сфере миграционных отношений позволяет

¹ Востриков В.В. Административно-правовое регулирование миграции населения в РФ: дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов на Дону, 2004. – С.67-70.

² Тюркин М.Л. Миграционная система России: концептуальные, организационно-правовые основы: дис... д-ра юрид. наук. – М., 2003. – С.337-380.

³ Об утверждении Положения о порядке рассмотрения вопросов гражданства Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. №1325 (в ред. Указа Президента РФ от 3 ноября 2006 г. № 1226) // СЗ РФ. – 2006. – №45. – Ст.4670; Об утверждении Положения о выдаче иностранным гражданам и лицам без гражданства разрешения на временное проживание: постановление Правительства Российской Федерации от 1 ноября 2002 г. №789 (в ред. Постановления Правительства РФ от 23 января 2007 г. № 42) // СЗ РФ. – 2007. – №5. – Ст.667; Об утверждении Положения о выдаче иностранным гражданам и лицам без гражданства вида на жительство: постановление Правительства Российской Федерации от 1 ноября 2002 г. № 794 (в ред. Постановления Правительства РФ от 23 января 2007 г. № 42) // СЗ РФ. – 2007. – №5. – Ст.667 (не действуют).

⁴ Указ Президента Российской Федерации от 21 мая 2012 г. № 636 «О структуре федеральных органов исполнительной власти» (в ред. Указов Президента РФ от 25 июня 2012 г. № 881, от 19 марта 2013 г. № 213) // СЗ РФ. – 2012. – №22. – Ст.2754; «Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года» утв. Президентом РФ // Документ опубликован не был, текст представлен на сайте www.kremlin.ru; Распоряжение Правительства Российской Федерации от 21 августа 2012 г. №1502-р «Об утверждении плана мероприятий по реализации в 2012–2015 годах (первый этап) Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года» // СЗ РФ. – 2012. – №35. – Ст.4858; Постановление Правительства Российской Федерации от 13 июля 2012 г. №711 «О вопросах

высказать точку зрения об отсутствующем ранее четком и понятном государственном курсе в сфере миграции. Указанное обстоятельство значительно тормозило развитию законодательной базы и не позволяло решать актуальные проблемы, эффективного использования миграционного потенциала России и государств, участвующих с РФ в миграционном обмене. Как оказалось, что до недавнего времени развитие России определялось относительной неопределенностью направления нормативного обеспечения сферы внешней миграции, и это потребовало от государства скорейшего определения места и роли миграционной политики и ее стратегического курса нацеленного на планомерность и созидание. Указанное мнение неоднократно высказывалось представителями экспертного сообщества страны¹.

Сегодня выстраивание цепочки «цели – задачи – функции» и ее анализ позволяют оценить современное функционально-целевое назначение ФМС России в сфере регулирования миграционных отношений, определить ее место в системе федеральных органов исполнительной власти, уяснить ее роль в реализации возложенных на нее задач в области миграции. Но фактическая возможность их осуществления должна быть подкреплена ресурсным обеспечением: кадровым, материально-техническим, финансовым, иными словами, соответствующими силами и средствами.

В настоящее время руководство деятельностью Федеральной миграционной службы осуществляет только Правительство Российской Федерации. ФМС России является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере миграции, правоприменительные функции, функции по федеральному государственному контролю (надзору) и предоставлению (исполнению) государственных услуг (функций) в сфере миграции.

Исходя из предложенной А.Е. Шатровым периодизации становления государственной миграционной политики², которая начиналась с совершенствования нормативной базы и заканчивается организационно-правовыми мероприятиями по созданию самостоятельной системы и структуры Службы, можно сделать вывод о том, что на сегодняшний день правовые основы государственной миграционной политики в нашем государстве, в целом, сформировались.

Федеральной миграционной службы» (в ред. Постановления Правительства РФ от 27 февраля 2013 № 158) // СЗ РФ. – 2012. – №30. – Ст.4276.

¹ Тюркин М.Л. Миграционная система России. – М., 2005. – С.268; Самойлов В.Д. О современном состоянии и некоторых тенденциях развития государственной миграционной политики Российской Федерации // Вопросы деятельности Федеральной миграционной службы. – Домодедово, 2009. – Вып. 16.

² Шатров А.Е. Регулирование миграционных процессов и их правомерное обеспечение: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2003. – С.130-135.

Можно говорить, что организационно-штатное построение ФМС России полностью завершено и отражает способность службы полностью и самостоятельно выполнять современные требования сложившейся ситуации, разрешать имеющиеся вопросы и проблемы, тем не менее, предыдущий накопленный опыт функционирования Службы объективно предполагает необходимость постоянного взаимодействия с Министерством внутренних дел в вопросах реализации государственной миграционной политики в Российской Федерации.

*МЕЛЕХИН Александр Владимирович,
заведующий отдела НИИ Академии
Генеральной прокуратуры Российской
Федерации, доктор юридических наук,
профессор*

ПРОБЛЕМЫ УКРЕПЛЕНИЯ ЗАКОННОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Приступая к характеристике состояния законности в сфере действия административных правоотношений необходимо исходить из того, что они являются производными от других правоотношений (прежде всего – конституционных), складывающихся на основе норм российского и международного права.

Под законностью условимся понимать строгое и неуклонное соблюдение законов всеми государственными органами, общественными и хозяйственными организациями, должностными лицами и гражданами.

С распадом СССР и наполнением новым содержанием задач и функций молодого российского государства, а также ставших самостоятельными государствами бывших союзных республик в составе СССР, возникла логическая потребность в создании качественно нового законодательства, которое в основном и было сформировано фактически к началу XXI века. Оно стало основным источником формирования современной российской правовой системы, в ее структуре стали формироваться новые отрасли права, а прежние – наполняться иным содержанием, соответствующим стоящим перед государством задачам, а также с учетом необходимости распределения и реализации полномочий по предметам ведения между федеральными органами власти и органами власти субъектов Российской Федерации (ст.ст. 71-72 Конституции России).

В этой связи представляется полезным поделиться мыслями о путях развития российского административного законодательства и проблемах, тормозящих этот поступательный процесс. Высказываемые в начале 90-х годов XX в. оптимистические надежды на то, что для формирования рыночных отношений достаточно законодательного признания института частной собственности и принятия нескольких базовых законов (прежде всего, это Гражданского кодекса Российской Федерации) оказались глубоко поверхностными и ошибочными.

Образно говоря, в настоящее время наблюдается процесс «отделки» (до процесса шлифовки пока еще не дошли) строящегося заново российского правового здания. По объективным и субъективным причинам не всегда этот процесс проходит системно, последовательно и эффективно.

Наиболее крупными проблемами, существующими как ранее, так и в современном административном праве, принято считать следующие: государственная служба; публичное управление по усмотрению

(административное усмотрение); обеспечение режима законности управленческой деятельности, административное нормотворчество и судопроизводство¹. На различных этапах государственного строительства они являются предметом постоянного внимания как законодателей, так и ученых. Идет постоянный процесс оптимизации их деятельности.

В соответствии со ст. 1.3.1 КоАП РФ к ведению субъектов Российской Федерации в области законодательства об административных правонарушениях относится: установление региональными законами административной ответственности за нарушение законов и иных нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации, нормативных правовых актов органов местного самоуправления; определение перечня должностных лиц, уполномоченных составлять протоколы об административных правонарушениях, предусмотренных законами субъектов Российской Федерации.

В российской правовой системе не принято на законодательном уровне формулировать отраслевые понятия законодательства, в том числе и понятие «административное законодательство». Однако, эти термины широко применяются в официальных документах (впрочем, также как и термин «бизнес», который российским законодательством не воспринимается) и научных публикациях. Поэтому под выражением «административное законодательство» условимся понимать совокупность нормативных и нормативных правовых актов, предназначенных регламентировать деятельность субъектов российского права в рамках складывающихся административных правоотношений.

Реформа российского административного законодательства осуществляется под непосредственным влиянием проводимых в государстве административных реформ, которых было несколько. В научной литературе было предложено выделять пять этапов².

Административные реформы связаны с изменением административного законодательства, касающегося деятельности исполнительных органов государства, их системы и структуры, компетенции, аппарата, форм и методов деятельности. Изучение опыта административных реформ в России чрезвычайно важно для учета их положительных и отрицательных сторон в современном реформировании органов исполнительной власти.

Например, в период с января по август 2003 г. была проведена работа по оценке своих функций федеральными органами исполнительной власти в порядке обновления собственных нормативных актов. Всего было

¹ См. напр: Стариков Ю.Н. О современной теории административного права России, гранях творчества и личности (размышления в преддверии 90-летнего юбилея профессора Василия Михайловича Манохина) //Административное право и процесс. – 2013. – №11.

² Более подробно см.: Административная реформа в России: науч.-практ. пособие / под ред. С.Е. Нарышкина, Т.Я. Хабриевой. – М., 2006.

проанализировано 5634 функции, из которых «1468 были признаны избыточными, 263 – дублирующими, 868 – требующими изменения»¹. По итогам этой работы Правительство Российской Федерации упразднило 22 функции министерств и по-новому определило содержание 16 функций государственного регулирования.

Представляется, что этот процесс является постоянным и каждая проводимая административная реформа будет отражать определенный этап развития российского государства. Исходя из того, что совершенству нет предела, то административную реформу нельзя считать завершенной ни в одном государстве. Специалистами выделяются два вида административных реформ – *функциональные и структурные*².

Как правило, целью административных реформ определяли снижение затрат предпринимателей на преодоление «бюрократических барьеров», забывая при этом о другой важнейшей задаче – исполнении законов в интересах всего населения³.

Далеко не всегда реализация мероприятий, осуществляемых в рамках проводимых административных реформ заканчивалась успешно. Например, на протяжении ряда лет с завидным постоянством не достигали целей попытки сокращения численности российских чиновников. С 1994 г. по 2009 г. их численность увеличилась с 10004,3 млн человек до 1674,7 млн человек. И это несмотря на то, что все три Президента России ставили задачу перед Правительством России о необходимости решительного сокращения численности государственного аппарата: в 1997 г. Б.Н. Ельцин (предлагалось сократить на 20%); в 2000 г. В.В. Путин (сокращение на 10%); в 2006 г. Д.А. Медведев (сокращение на 20% в течение трех лет).

В современной России имеется необходимость в научно обоснованной стратегии развития государства, составной частью которой должна быть и стратегия развития российского права, рассматриваемая как неотъемлемая часть российского государства и общества (можно и в другой последовательности).

Наряду с проводимыми административными реформами следует признать необходимой разработку концепции административной политики Российской Федерации в обычных и в кризисных ситуациях. Это позволит в дальнейшем более системно и логично сформировать (создать) стратегию государственного управления в Российской Федерации, в основе которой должны быть использованы многочисленные концепции и доктрины.

Неоспоримым фактором является то, что в процессе государственных

¹ Более подробно см.: Административная реформа в России: науч.-практ. пособие / под ред. С.Е. Нарышкина, Т.Я. Хабриевой. – М.: Инфра-М, 2006.

² Более подробно см.: Попов Л.Л., Мигачев Ю.И., Тихомиров С.В. / под ред. Л.Л. Попова. «Государственное управление и исполнительная власть: содержание и соотношение». //«Норма», «Инфра-М», 2011.

³ См: ст. 4 Федерального конституционного закона от 17 декабря 1997 г. № 2-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации».

преобразований важная роль принадлежит науке. Однако на рубеже XX и XXI веков российская наука не рассматривалась как фактор социально-экономического развития страны¹. Более того, реформирование науки, также как и методов государственного управления, пытались осуществлять по наиболее эффективным, но зарубежным лекалам и моделям (шведская, японская, немецкая и т.д.), которые в ограниченной степени применимы к российским условиям. Ведь невозможно отрицать то обстоятельство, что условия хозяйствования и природно-климатические условия, а также менталитет российского человека в значительной степени отличается от менталитета граждан других государств.

Говоря о сложности осуществления качественного законотворческого процесса отметим одну из объективных его проблем - «мир очень быстро меняется. А когда мир так быстро меняется, очень трудно принимать решения на длительную перспективу»².

Современному российскому законодательству в целом и административному, может быть в большей степени, присуще следующее обстоятельство, объясняющее просто «стахановские» рекорды по ежегодному принятию федеральных законов – это недостаточная проработанность формулируемых законодательных положений, стремление решить проблемы, носящие оперативный характер в ущерб решению стратегических задач.

Например, в июне 2014 г. Государственная Дума Российской Федерации шестого созыва завершила очередную весеннюю сессию, отработав ровно половину срока своих полномочий. За это время в течение 2012 г. было подписано Президентом России 334 федеральных законов, в 2013 – 448 и в первом полугодии 2014 г. – 199³. При этом, «в первом созыве Государственной Думы в КоАП РФ было внесено лишь 5 поправок, то с начала работы шестого созыва – более 400. ... На каждом заседании Комитета по законодательству от 60 до 70% вопросов связано с изменениями в Кодексе об административных правонарушениях»⁴.

В этой связи специалистами справедливо отмечается, что количественные критерии формирования нового законодательства не

¹ См.: Программа фундаментальных научных исследований в Российской Федерации на долгосрочный период (2013–2020 годы) в ред. распоряжения Правительства РФ от 27.03.2013 № 457-р. Она разработана в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 599 «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки».

² См.: Евгений Шестаков. О колкостях и тонкостях (интервью с российским постпредом в ООН Виталием Чуркиным). //Российская газета. – 2014. – 29 сентября.

³ См.: Интернет. Ольга Чуракова. Госдума завершила весеннюю сессию, отработав ровно половину своего срока // Vedomosti.ru. – 2014. – 7 июля. Эта публикация основана на статье «Унесенные Крымом» из газеты «Ведомости» от 07.07.2014. – №120 (3624).

⁴ См.: Агеев А.А. О необходимости совершенствования законодательства об административных правонарушениях // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2014. – № 2. – С.10.

приводят к положительным изменениям. Кроме того, в стремлении создания государственно-правового механизма реализации законодательных положений наблюдается процесс наращивания количества издаваемых подзаконных нормативных правовых актов, вносящих дополнительную путаницу в вопросы правового регулирования. Это влечет за собой случаи нарушения иерархии в системе российского законодательства. В Англии нормотворческая активность парламента характеризуется не количеством, а качеством и составляет всего 10-12 законов в год.

В Российской Федерации действует примерно 4500 федеральных законов, из которых только 25% имеют свой обособленный предмет регулирования общественных отношений, а остальная масса – это поправки к действующим законам¹.

Носящее буквально массовый характер локальное изменение не только регулятивных, но и охранительных норм права, в конечном счете, весьма негативно сказывается на эффективности функционирования органов государственной власти (в том числе – судебной системы и органов прокуратуры), уполномоченных осуществлять правоприменительную практику и надзор за ней. Ведь, не решенные законодателем регулируемые проблемы с применением дополнительных усилий фактически вынуждены решать правоприменители. Это отражается на балансе полномочий, складывающимся между ветвями государственной власти и на межведомственном уровне.

Справедливости ради отметим, что в соответствии со статьей 104 Конституции Российской Федерации только на федеральном уровне правом законодательной инициативы обладают более 700 человек (Президент России, члены Правительства Российской Федерации, депутаты Государственной Думы и члены Совета Федерации, представительные органы государственной власти субъектов Российской Федерации, Конституционный и Верховный суды Российской Федерации).

Нестабильность российского федерального законодательства и вытекающая из него правовая неопределенность в регламентации общественных отношений приводит к неоправданно частым изменениям содержания и границ должного поведения субъектов складывающихся правоотношений, оказывает отрицательное влияние на уровень правосознания населения и ведет к распространению и росту правового нигилизма.

На конкретном примере рассмотрим положение дел, складывающихся в современной России по поводу исполнения законных требований представителей власти. В Российской Федерации предусмотрена административная ответственность в виде наложения административного штрафа на граждан, должностных и юридических лиц

¹См.: Никишин А. Закон о законах может быть полезным // Парламентская газета. – 2012. – 16-22 ноября.

за невыполнение законных требований прокурора, следователя, дознавателя или должностного лица, осуществляющего производство по делу об административном правонарушении (ст. 17.7 КоАП РФ). Однако, уже по исторически сложившейся многолетней традиции из года в год статистика свидетельствует о многочисленных фактах игнорирования данного требования (см. таблицу № 1). В среднем по вынесенным постановлениям о наложении административного штрафа взыскивается только 37,2% от общего количества наложенных штрафов.

Таблица № 1

Выборочные статистические данные о правонарушениях, предусмотренных ст. 17.7 КоАП РФ Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации за 2010 – 2013 гг.

17.7 КоАП РФ	2010	2011	2012	2013
Всего рассмотрено дел (по числу лиц)	11 809	12 229	13 077	14 151
Всего лиц, подвергнутых наказанию	8 518	9 125	9 911	10 470
Юридические лица ¹	0	0	0	322
Должностные лица	5 630	5 205	6 035	5 453
Лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность без образования юр. лица	382	422	432	326
Иные физические лица	2 506	3 498	3 444	4 369

Нередко в современной России законодатель наполняет новые законы содержанием, которое в теории права принято считать «буквой закона». При этом фактически игнорируется другой, наиболее эффективный и справедливый для общества подход, лежащий в основе более долгого действия норм права – это «дух закона». Читая Библию или Коран невольно сравниваешь текст закона божьего с позитивным правотворчеством государства и более предметно понимаешь величие норм естественного права. Видимо, в этом также содержится секрет «долголетия» и стабильности законодательства в развитых государствах.

Неоспоримым является то, что у государства должен быть прочным фундамент, а Конституция России является именно тем фундаментом, на котором стоит государство, общество и интересы личности. Не будем лицемерить, хотя это и считается не очень демократичным в современных условиях, но именно в этой перечисляемой последовательности должны строиться общественные и особенно правовые отношения. Эта авторская позиция основывается на том, что без сильного, но гармонично

¹ Административная ответственность юридических лиц была предусмотрена только в апреле 2013 г.

развивающегося справедливого государства не будет развитого общества (в том числе и гражданского) и счастливо живущей в нем личности.

Отмеченные здесь обстоятельства свидетельствуют о том, что не всегда и не в должной мере российский законодатель принимает во внимание носящие на протяжении длительного времени ключевые положения теории права, без учета которых невозможно формирование современных эффективно действующих норм любой отрасли права.

Помимо прочего, такой способ формулирования правовых норм повышает роль и значение правоприменителя, а также возможность применения им меры юридической ответственности, соотносясь не только с юридическими, но и с морально-нравственными нормами, которые наиболее точно могут отразить справедливость рассматриваемой юридической коллизии. Судя по содержательной характеристике действующих процессуально-охранительных норм российского права законодатель пока еще не смог в полной мере преодолеть определенный скепсис и недоверие к лицам, наделяемым от имени государства правоприменительными полномочиями.

Сейчас готовится к принятию новая уже третья по счету редакция Гражданского кодекса Российской Федерации, действующий всего-то чуть более 15 лет. Для сравнения и с чувством светлой зависти заметим, что кодекс Наполеона (или Гражданский кодекс Франции) действовал примерно 200 лет.

«Любые попытки решительно прививать к российской правовой системе англосаксонские юридические «побеги» – неоправданны и разрушительны»¹. В целях повышения качества принимаемых законов ученые обоснованно предлагают «принимать новеллы только после проверки их применения в «пилотных» регионах»².

Несовершенство законодательства влечет за собой значительные экономические потери государством. Например, несовершенство трудового законодательства привело к тому, что как заявила заместитель председателя Правительства Российской Федерации Ольга Голодец, «власти потеряли 22,5 миллиона трудоспособных россиян», которые не зарегистрированы в системе соцстрахования и не платят взносы в Пенсионный фонд³. В России есть регионы, где доля не зарегистрированных трудоспособных граждан составляет почти половину от их общего количества (республики Кавказа, Дальний Восток, Сибирь и др.). По оценкам специалистов, сокращение количества неучтенных

¹ См.: Зорькин В. Экономика и право: новый контекст // Российская газета. – 2014. – 23 мая.

² См.: Интернет. Аптекарь П. От редакции: Ученые предложили правила законодательства // Vedomosti.ru. – 2014. – 2 июня. Эта публикация основана на статье «Как писать законы» из газеты «Ведомости» от 02.06.2014. – №97 (3601).

³ См.: Грицюк М. Ищите призраков // Российская газета. – 2014. – 14 октября.

работников только на 10% позволит дополнительно наполнить российский бюджет на 311 миллиардов рублей.

Действующее законодательство Российской Федерации пока не способно эффективно защищать интересы государства от ухода бизнеса из-под российской юрисдикции и от бегства капиталов за границу. Создается впечатление, что законодатели иногда просто опасаются обидеть бизнес своим прагматичным подходом к регламентации соответствующих правовых отношений. Видимо и этим можно объяснить периодическое и весьма болезненно воспринимаемое населением России «внезапное» возникновение различного рода пирамид – финансовых, банковских, строительных, туристических и иных.

МИРЗОЕВ Саломатио Бозорбоевич,
*помощник начальника Академии МВД
Республики Таджикистан, доцент кафедры
теории управления деятельностью
правоохранительных органов факультета
№1 Академии МВД Республики
Таджикистан, кандидат юридических наук,
майор милиции*

ОСОБЕННОСТИ КОНСТИТУЦИОННОГО НОРМОКОНТРОЛЯ КАК ГАРАНТИЯ ГАРМОНИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВ

Существуют различные формы согласования национальных законодательств. Они обусловлены очевидностью многих каналов взаимного влияния законодательств. Одним из них является влияние законов одних стран на разработку, принятие и реализацию законов других стран¹. История знает немало случаев влияния законов крупных государств на малые государства. Такое влияние особенно наблюдалось в период завоеваний. Так, Гражданский кодекс Наполеона распространял свое действие на территории испанских и итальянских земель. Влияние законодательства происходило также ввиду общности культуры и языка, уклада жизни. Таким образом, например, гражданские и уголовные кодексы Испании, Франции, Италии повлияли на законодательство Европы, Латинской Америки и Африки. Не исключением является также влияние российского права на правовые системы стран Центральной Азии.

В современных условиях наибольшее влияние законодательства происходит в рамках межгосударственных объединений. Так, наблюдается сходство конституций и иных основных правовых институтов в рамках стран СНГ. Данное взаимовлияние обусловлено общностью правовой политики и сходностью правовых истоков указанных стран.

Одним из видов влияния законодательств является стремление заимствовать аналогичный иностранный закон. Это происходит в ходе использования услуг зарубежных консультантов, которые прибегают к собственному опыту законодательства, пытаясь при этом привнести принципы, нормы и институты своих законов. Ныне используются также официальные каналы влияния на процесс принятия и применения законов в иностранном государстве.

Помимо того, в условиях сотрудничества государств, особенно в рамках межгосударственных объединений возникает потребность в совместном решении общих задач в сфере корректировки разработки и применения законодательств. Это достигается ныне посредством сближения и гармонизации законодательств разных стран. В ходе гармонизации решаются следующие задачи: 1) выработка общего курса правового развития; 2) осуществление мер по преодолению правовых

¹ См.: Решетников Ф.М. Правовые системы стран мира. – М., 1993. – С.94–95.

различий; 3) принятие мер по выработке общих, совместных и единых юридических правил¹.

В научной литературе, а также в международных и национальных правовых актах широко используются понятия «сближение законодательства», «гармонизация законодательства». Так, в документах Совета глав государств и глав правительств СНГ, Межпарламентской Ассамблеи СНГ, в договорах между членами СНГ чаще используется термин «сближение законодательства». В документах и материалах Европейского сообщества понятия «сближение законодательства» и «гармонизация законодательства» используются как идентичные.

Сближение или гармонизация законодательства преследует следующие цели: 1) правовое обеспечение согласованного развития законодательств; 2) определение общих направлений правовой политики государств, в частности, в сфере законодательства; 3) выработка согласованных и совместных, в том числе модельных законодательных актов; 4) принятие мер по преодолению правовых различий, мешающих гармонизации законодательств; 5) формулирование общих правовых стандартов в сфере разработки и применения гармонизированного законодательства; 6) выработка общей концепции развития национальных законодательств.

Таким образом, гармонизация законодательства представляет собой совместные и согласованные действия государств в сфере координации их правовой политики с целью выработки и реализации сходных законодательных актов, преодоления коллизий в процессе применения законодательств.

Гармонизация законодательства ныне широко применяется в законодательной практике государств мира, в том числе в рамках СНГ, например, в сфере признания дипломов об образовании и иных юридических документов, введения упрощенного порядка приобретения гражданства, создания общего научно-технического и образовательного пространства, общего признания деклараций, пактов, конвенций и иных международно-правовых актов и т.д.

Гармонизация законодательства происходит на базе правовой интеграции в рамках различных правовых семей, в частности, в рамках межгосударственных объединений. Так, большую роль в правовой интеграции стран СНГ играет Межпарламентская Ассамблея государств-участников СНГ, которая, будучи консультативным органом, способствует решению общих правовых вопросов. 16 сентября 1992 г. Межпарламентская Ассамблея СНГ приняла постановление «Об основных направлениях сближения национальных законодательств государств-участников Содружества». С целью устранения противоречий между национальными законодательствами было рекомендовано использовать следующие формы работы: рекомендательные (модельные) законодательные акты; взаимный обмен информацией о принятых, а в необходимых случаях о подготавливаемых законодательных актах;

¹ См.: Тихомиров Ю.А. Курс сравнительного правоведения. – М., 1996. – С.74.

совместное обсуждение законодательных вопросов; рассмотрение вопросов сближения законодательств в координационных институтах Содружества; научные конференции; рекомендации ученых о путях и способах сближения законодательства.

Следует обратить внимание и на совместные усилия государств СНГ, Межпарламентской Ассамблеи и Европейского союза. В рамках их общих и специальных программ оказывается большая помощь консультативно-методического характера, финансируются научно-практические разработки, организуются международные семинары и конференции.

В ходе гармонизации законодательства возрастает удельный вес модельных законодательных актов, служащих целям унификации законодательства. Они разрабатываются в рамках федераций, межгосударственных объединений, международных организаций. Еще в 1858 – 1859 гг. Пруссия и Австрия обсуждали вопрос об общегерманском Торговом кодексе. В США были приняты Единообразный торговый кодекс (1952), модельный Примерный уголовный кодекс (1962), модельный Закон о предпринимательских корпорациях (1980). Важное значение имеют также одобренный Межпарламентской Ассамблеей СНГ рекомендательный законодательный акт «О нормативных правовых актах государств-участников СНГ», а также постановление Межпарламентской Ассамблеи от 18 мая 1994 года «О ходе разработки модельного гражданского кодекса для государств-участников СНГ». Проекты модельных законов подготавливаются также учеными-юристами. Так, в 1992 г. специалисты Гарвардского университета разработали «Базовый мировой налоговый кодекс» в рамках международной налоговой программы.

Разработке рекомендательных актов придают значение также международные межпарламентские институты. Так, представляет интерес разработанный парламентской Ассамблеей Совета Европы в 1990 г. Европейский кодекс социальных гарантий. Рекомендательные акты принимают Союз африканских парламентов, Межпарламентская организация Ассоциации государств Юго-Восточной Азии. Большое значение имеет Международный кодекс по управлению безопасной эксплуатацией судов и предотвращению загрязнения, принятой Международной морской организацией. В рамках Генерального соглашения о тарифах и торговле действует Кодекс таможенной оценки, Кодекс субсидий и компенсационных пошлин, Кодекс стандартов.

Важным каналом гармонизации законодательства является правовая помощь в сфере гражданского, процессуального, административного и иных отраслей права. Действует также Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам, одобренная в Содружестве Независимых Государств 22 января 1993 г.

В обеспечении гармонизации законодательства наряду с парламентами и иными властными институтами существенную роль выполняет также Конституционный суд. Конституционный нормоконтроль сопровождается сравнительным анализом законодательных актов государств, а также

международных договоров, заключаемых с участием государства. Институтом законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации разработаны «Методические рекомендации по сравнительному анализу законодательства государств-участников СНГ». Согласно данным Рекомендациям объектами сравнительного исследования являются: Конституции государств Содружества; учредительные договоры; международные договоры; законы и другие акты парламентов; законы и другие акты высших органов власти бывшего СССР; нормативно-правовые акты Президентов и Правительств государств-участников СНГ.

Конституция является основополагающим документом сравнительного анализа. Это обусловлено, главным образом, высшей юридической силой и верховенством Конституции в национальной правовой системе. Конституция как объект сравнительного исследования представляет интерес, прежде всего, для Конституционного суда. Нормоконтроль Конституционного суда осуществляется именно на предмет соответствия Конституции иных нормативно-правовых актов, а также не вступивших в силу международных договоров. В то же время, предметом конституционного нормоконтроля являются как национальные нормативные правовые акты, так и не вступившие в силу договоры конкретного государства. В ходе определения соответствия Конституции не вступивших в силу договоров Конституционный суд, так или иначе, прибегает к сравнительному анализу норм и положений учредительных и международных договоров.

По Конституции Республики Таджикистан, Конституционный суд республики уполномочен определять соответствие Конституции не вступивших в законную силу договоров Таджикистана. Учитывая значение договоров в сфере межгосударственных отношений, можно констатировать, что данное полномочие Конституционного суда имеет большое значение для гармонизации законодательства, в частности, для имплементации норм и принципов международных соглашений во внутреннее законодательство республики.

Указанное полномочие возложено на Конституционный суд с учетом приоритета Конституции как Основного закона государства, а также с учетом защиты интересов государственного суверенитета. В ходе осуществления данного полномочия Конституционный суд учитывает, прежде всего, интересы суверенного государства. В то же время осуществляется функция нормоконтроля в отношении норм и принципов международных соглашений. В ходе реализации данной функции анализируются нормы договоров Таджикистана на предмет их соответствия положениям Конституции.

Нормоконтроль Конституционного суда в сфере проверки соответствия договоров Таджикистана Конституции республики, с одной стороны, обеспечивает верховенство Конституции в национальной правовой системе, во-вторых, способствует имплементации норм

международных соглашений во внутреннее законодательство с учетом приоритета суверенных интересов республики.

Конституционный суд принимает непосредственное участие в сближении национального и международного права. Как отмечается в литературе, конституционные положения «служат своего рода «мостом» между национальным и международным правом»¹. С учетом данного положения, Конституции государств СНГ, так же как и Таджикистана, уполномочивают их конституционные суды определять соответствие международных договоров национальным конституциям. Так, по Конституции Российской Федерации Конституционный суд вправе разрешать дела о соответствии Конституции России не вступивших в силу международных договоров (п. «г» ч. 2 ст. 125 Конституции РФ). Конституционный суд Республики Беларусь дает заключение о соответствии международных договоров Конституции, международно-правовым актам, ратифицированным Республикой Беларусь (ст. 116 Конституции Республики Беларусь). Конституция Азербайджанской Республики решает вопрос о соответствии не вступивших в силу межгосударственных договоров Азербайджанской Республики Конституции, а также о соответствии межправительственных договоров Азербайджанской Республики Конституции и законам Азербайджана (п. 6 ст. 130).

Помимо того, конституционные положения о приоритете норм и принципов международного права и международных договоров воспроизведены в законах и иных нормативно-правовых актах государств. Такие нормы содержатся, к примеру, в Гражданском кодексе, Семейном кодексе и иных законах Таджикистана. Более того, законы содержат специальные нормы о международном сотрудничестве в соответствующей сфере, о применении национального законодательства к отношениям с участием иностранных граждан и лиц без гражданства.

Понятно, что Конституционный суд в ходе определения соответствия указанных норм национальных законодательных актов положениям Конституции содействует реализации целей гармонизации законодательства. Иначе говоря, сфера конституционного нормоконтроля не ограничивается исключительно международными договорами, поскольку национальные законодательные акты воспроизводят конституционные положения о приоритете норм и принципов международного права, а также международных договоров.

Таким образом, Конституционный суд при осуществлении конституционного нормоконтроля в сфере гармонизации законодательства способствует реализации целей гармонизации и унификации законодательства, в частности, сближения национального и международного права. Как отмечается в Итоговом документе Венской встречи представителей государств-участников Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, государства, будучи

¹ Тихомиров Ю.А. Указ. соч. – С.235.

приверженными в развитии своих правовых и иных систем, в то же время обязаны устанавливать свои законы и административные правила в соответствии с обязательствами по международному праву и положениями десяти принципов, изложенными в заключительном акте. Как вытекает из смысла Итогового документа, государства-участники должны придерживаться нормативной ориентации на те уровни правового регулирования в области прав человека, экономики, науки и техники, образования и др., которые отвечают общим интересам.

Как было отмечено ранее, рекомендательные законодательные акты, которые разрабатываются органами межгосударственных объединений, различными институтами международных организаций, научными учреждениями играют ключевую роль в гармонизации законодательства государств. Причем в условиях сближения правовых семей удельный вес и значение законодательных и иных документов рекомендательного характера все более возрастает. В условиях гармонизации и унификации законодательства государств рекомендательные акты и документы широко используются национальными государствами при разработке и применении собственного законодательства. Ярким тому примером могут послужить модельные уголовный и гражданский кодексы в рамках СНГ, послуживших основой принятия и реализации соответствующих кодексов в государствах Содружества. Не следует упускать из поля зрения также разработку первых постсоветских конституций на базе общих рекомендаций в сфере конституционной политики.

С учетом данного обстоятельства Конституционный суд прибегает к сравнительному анализу основополагающих рекомендательных актов и документов, послуживших первоначальной базой при разработке и применении национальных законодательных актов. К тому же рекомендательные акты и документы содержат общие правила и стандарты, унифицированные нормы и положения, понятия и определения основных терминов, которые охотно используются в законодательной практике государств.

Таким образом, конституции, рекомендательные акты и документы межгосударственных парламентов и научных учреждений выступают в роли объектов сравнительного анализа в деятельности Конституционного суда. Сравнительный анализ основополагающих рекомендательных актов и документов, так или иначе, входит в поле деятельности Конституционного суда. Тем самым Конституционный суд участвует в гармонизации законодательства.

Следует обратить внимание на то, что в современных условиях судебная практика применения международного права является необходимой формой реализации международно-правовых норм в национальном праве. По Конституции Республики Таджикистан международно-правовые акты, признанные Таджикистаном, являются составной частью правовой системы республики, а в случае несоответствия законов республики признанным международно-правовым актам применяются нормы международно-правовых актов. Такая норма

содержится также в конституциях большинства государств. Это служит основанием судебного решения дела на основе норм международно-правовых актов при отсутствии регулирующей нормы в национальном законодательстве. На данное положение указывают многие авторы¹. Тем не менее, на судебную практику в сфере применения норм международного права мешают случаи задержки ратификации международно-правовых актов парламентами государств. Поэтому Конституционный суд должен контролировать ход ратификации международно-правовых актов, при этом указывая в своих решениях на факты задержки их ратификации. Тем самым Конституционный суд будет способствовать эффективности реализации норм и принципов международного права, а также политики государств в сфере гармонизации законодательства.

¹ См., напр.: Лукашук И.И. Международное право в судах государств. – СПб., 1993. – С.80–102.

МАҲМАДОВ Саъдӣ А.,
дотсенти кафедраи фанҳои ҷамъиятии
Академияи ВКД Ҷумҳурии Тоҷикистон,
номзади илмҳои сиёсӣ

АСОСҲОИ КОНСТИТУТСИОНИЮ ҲУҚУҚИИ ТАШАККУЛЁБИИ НИҲОДИ АМНИЯТИ МИЛЛИИ ТОҶИКИСТОН

Маълум аст, ки дар оғози асри XXI ҷаҳони муосирро тазодҳои гуногунро фаро гирифтанд, ки ба ҳамаи ҷабҳаҳои ҳаёти инсонӣ таъсири худро гузоштаанд. Аз ин рӯ, муҳимияти масъалаи амниятӣ миллӣ, натавон баъзе тамомии кишварҳои абарқудрат, балки барои Ҷумҳурии Тоҷикистон низ ҷойгаҳи махсус дорад. Имрӯз таъмини амниятӣ миллиро набояд, танҳо ҳамчун яке аз мақсадҳои давлат ҳисобид, балки таҳти ин мафҳум бояд мақсад ва авлавиҷҳоеро дарк намуд, ки мардум меҳонад дар асоси онҳо давлатдорӣ худро раванқу ривож диҳанд. Бояд қайд кард, ки чунин арзишҳо дар моддаҳои 1 ва 5 Сарқонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон дарҷ гардидаанд ва маънои онро доранд, ки Тоҷикистон давлати соҳибхитӣ, демократӣ ҳуқуқбунёд, дунявӣ, иҷтимоӣ буда, инсон, ҳуқуқ ва озодиҳои он арзиши олии мебошанд.

Аз ин ҷо, вазифаи муҳимтарини ҳар як давлат аз ҷумла Ҷумҳурии Тоҷикистон ин муҳайё намудани шароите мебошад, ки барои ба даст овардани мақсадҳои, ки дар Сарқонуни кишвар дарҷ гардидаанд, мусоидат намояд.

Дар баробари ин, раванди таҳқиқи масъалаи амниятӣ миллӣ дар ҷумҳури ҳама аз ҷониби қонунгуздорон ва ҳама аз ҷониби олимони ба таври васеъ таҳлилу муҳокима гардидааст, ки дар байни онҳо метавон таҳқиқотҳои чунин мутахассисонро ба монанди-Маҳмадов А.Н., Шарипов С. И. ва дигаронро мисол овард.

Ин пеш аз ҳама бо тағйиротҳои геосиёсӣ, ки баъди пошхурии Иттиҳоди Шӯравӣ ба вучуд омадаанд, алоқаманд мебошад.

Ҷумҳурии Тоҷикистон мисли дигар кишварҳои Иттиҳоди Шӯравӣ истиқлолияти худро 9 сентябри соли 1991 эълон намуд. Ҳарчанд, ки истиқлолият том барои миллати тоҷик ба осонӣ ба даст омада бошад ҳам, лекин душманону бегонагони миллат тавонистанд ҷанги таҳмиро ба сари мо бор намоянд. Дар ин солҳои вазнин аз ҷониби гурӯҳҳои ҷинояткор ва силоҳбадаст дастовардҳои моддӣ ва фарҳангӣ, ки мардум дар замони Шӯравӣ ба даст оварда будаанд ба таври пурра ва ё қисман нобуд карда шуда, амниятӣ миллӣ пурра халалдор шуда буд.

Бояд қайд намуд, ки масъалаи таъмини амният барои Тоҷикистон падидаи нав нест. Набояд бо баъзе фикрҳои розӣ шуд, ки гуё то соли 1991 масъалаи амният ва бақодорӣ миллат вучуд надошт.

Амниятӣ миллӣ дар замони муосир ба фаъолияти давлат алоқаи ногусастанӣ дорад. Танҳо давлат метавонад ба воситаи дастгоҳи мақомоти ҳокимияти давлатӣ ба оромии шаҳрвандон мусоидат намуда, шароити беҳтари зидатӣ ва кориро барои шаҳрвандон муҳайё созад.

Ҳадафи таъмини амнияти миллӣ дорои хислати ҳамаро фарогиранда мебошад. Барои ба даст овардани амнияти миллӣ дар ҳар як кишвар аз ҷумла дар Тоҷикистон гузаронидани маҷмӯи чорабиниҳо дар соҳаҳои гуногун лозим аст. Имрӯз аз ҳаллӣ мусбӣ масъалаи амнияти миллӣ мавҷудияти Тоҷикистон ҳамчун давлати мустақил вобастагии калон дорад.

Яке аз хусусиятҳои асосӣ ва фарқкунандаи Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон аз он иборат мебошад, ки дар он асосҳои «сохтори конститусионӣ» дарҷ гардидааст. Пештар илми ҳуқуқшиносӣ мафҳумҳои «давлатӣ» ва «сохти ҷамъиятӣ» – ро ба асос мегирифт. Ба андешаи мо ин категория комил ва васеъ буда, афзалиятҳои Қонуни асосӣ ва волияти онро барои ҳамаи мақомоти ҳокимияти давлатӣ, ниҳодҳои ҷамъиятӣ ва шахрвандонро ба асос мегирад.

Бо таваҷҷӯҳ ба ин, ки дар замони муосир нақши амнияти миллӣ барои мустаҳкам намудани давлатдорӣ тоҷикон, ташкили заминаҳои барпо намудани ҷомеаи шахрвандӣ ва ҳифзи ҳуқуқҳои инсон афзуда истодааст.

Амнияти миллӣ – ин натавонҳо категорияи ҳуқуқшиносӣ, балки сиёсӣ низ мебошад. Аммо ин монета шуда наметавонад, ки ин мафҳумро статуси конститусионӣ диҳанд. Конститутсия – ин натавонҳо санди меъёри ҳуқуқӣ, балки ҳуҷҷати олии мебошад, ки дар он принсипи фаъолият, мақсад, вазифаҳои Ҷумҳурии Тоҷикистон, инчунин муҳимтарин соҳаи сиёсати давлатӣ, яъне таъмини амнияти мардум дарҷ гардидаанд.

Аз ин рӯ, ба андешаи мо, дар қонуни асосии Ҷумҳурии Тоҷикистон механизми таъмини амнияти миллӣ бояд аниқтар муайян карда шавад, зеро он яке аз муҳимтарин кафолати устувории сохтори конститусионӣ ба ҳисоб меравад. Мо пешниҳод менамоем, ки боби махсус ба Конститутсияи ҚТ ворид гардад ва дар он нақши амнияти миллӣ дар низоми сохтори конститусионӣ муайян карда шавад. Инчунин дар ин боб вазъи ҳуқуқии Шӯрои амниятро низ бояд муайян намуд.

Нақши махсус дар ҳифзи манфиатҳои шахрвандон, ҷомеа ва давлат ба ниҳодҳои конститусионии амнияти миллӣ тааллуқ доранд. Аз муҳим будани ин масъала барои кишвари мо қабул гардидани «Консепсияи амнияти миллӣ» ва Қонуни ҚТ дар бораи амният шаҳодат медиҳад. Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон дар бораи амният аз ҷониби Маҷлиси Олии ҚТ қабул гардидааст. Дар қонуни мазкур зери мафҳуми «амнияти миллӣ – ҳолати муҳофизатии манфиатҳои ҳаётан муҳими кишвар аз таҳдидҳои воқеӣ ва эҳтимолий»¹ фаҳмида мешавад.

Инчунин бояд қайд кард, ки зери мафҳуми амнияти миллӣ бояд маҷмӯи шароитҳои дохилӣ ва хориҷии мавҷудияти фард, ҷомеа, давлат, зиндагии шоиста, ҳифзи манфиатҳои муҳим ва истиклолиятро фаҳмид, ки ҳамагуна тағйироти ғайриқонунии сохтори конституциониро истисно менамояд.

Амнияти миллӣ дар таҳқиқоти назариявии муосир аз дидгоҳҳои мухталиф арзёбӣ мешавад, аммо диққати моро дар ин мақола ҷанбаи

¹ Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи амният» аз 28 июни соли 2011.

конститутсионии ин мафҳум ҷалб менамояд. Дар Конститутсияи ФР истилоҳи «амният» 10 маротиба истифода мешавад. Дар қонуни асосии Ҷумҳурии Тоҷикистон истилоҳи «амният» танҳо як маротиба ҳангоми шуморидани салоҳиятҳои Президент дар қисми 11 моддаи 69 «Шӯрои амниятро таъсис ва роҳбарӣ мекунад» истифода бурда мешаваду халос. Дар «Тафсири илмию оммавии конститутсияи (сарқонуни) Ҷумҳурии Тоҷикистон» ҳангоми шарҳи қисми 11 моддаи 69 қайд гардидааст, ки «Президент мақоми машваратӣ – Шӯрои амниятро таъсис медиҳад ... »¹, аммо шарҳи истилоҳи «амният» ва «амнияти миллӣ» дода нашудааст.

Агар истилоҳи мазкур дар Конститутсияи ҚТ 1 маротиба омада бошад ҳам, лекин асосҳои қонунии ҳифзи ҳуқуқу озодиҳои инсон, ҷомеа ва давлат дар он дарҷ гардидааст. Дар қисми 3 моддаи 1 Конститутсияи ҚТ омадааст, ки «ҳуқуқу озодиҳои инсон ва шаҳрвандро давлат эътироф, риоя ва ҳифз менамояд» Қисмҳои 4 ва 5 моддаи 6 Конститутсия муайян менамояд, ки «ҳеч як иттиҳодияи ҷамъиятӣ, ҳизбҳои сиёсӣ, гурӯҳи одамон ва ё фарде ҳақ надорад, ки ҳокимияти давлатро ғасб намояд», «ғасби ҳокимият ва ё тасарруфи салоҳияти он манъ аст». Дар қисми 3 ва 4 моддаи 7 суҳан дар бораи он меравад, ки соҳибхитиёрӣ, истиклолият ва тамомияти арзии Тоҷикистонро давлат таъмин менамояд ва амалиёти ҷудоиандозӣ, ки ягонагии давлатро ҳалалдор мекунад, манъ аст.

Инчунин дар моддаи 6 омадааст, ки бо зӯрӣ сарнагун кардани сохтори конституционӣ ва ташкили гурӯҳҳои мусаллаҳ манъ аст. Дар қисми 3 моддаи 14 дар хусуси маҳдуд кардани ҳуқуқ ва озодиҳои шаҳрванд танҳо ба мақсади таъмини ҳуқуқ ва озодии дигарон, тартиботи ҷамъиятӣ, ҳимояи сохти конституционӣ ва тамомияти арзии ҷумҳурӣ раво дониста мешавад. Дар моддаи 67 гуфта мешавад, ки Президент пеш аз шурӯи вазифа савганд ёд намуда мегуяд, ки Конститутсия ва қонунҳои ҷумҳуриро ҳимоя менамоям, таъмини ҳуқуқ, озодиҳо ва шарафи шаҳрвандонро кафолат медиҳам, сарзамин, истиклолияти сиёсиву иқтисодӣ ва фарҳангии Тоҷикистонро ҳифз мекунам, ба халқ содиқона хидмат менамоям.

Ҳамин тариқ, моддаҳои зикр шудаи Конститутсияи ҚТ амниятро дар маънои васеаш таъмин менамоянд. Бинобар ин, ҳангоми истифода бурдани моддаҳои дар боло зикр шуда, бояд зерин онҳо амнияти миллиро дар маънои васеъ фаҳмид, чунки маҳз онҳо манбаъ ва асоси дигар намудҳои амният мебошанд, ки муносибатҳои конституционӣ – ҳуқуқиро дар бар мегиранд.

Бояд қайд намуд, ки Концепсияи амнияти миллии Ҷумҳурии Тоҷикистон ҳуҷҷати маҳфӣ мебошад ва мо дар бораи мазмуну мундариҷаи он мулоҳизаронӣ карда наметавонем. Шояд вақти он низ расида бошад, ки ҳуҷҷати номбурда мисли Концепсияи амнияти миллии ФР, Чин, Қазоқистон ва боз бисёр кишварҳои дигар мамнуъ набошад.

Мафҳуми «амнияти милли» бо «амнияти конституционӣ» дар алоқамандии наздик қарор доранд, аммо амнияти миллӣ нисбатан пурмазмун мебошад. Мафҳумҳои баррасишаванда дар муносибат бо

¹ Тафсири илмию оммавии Конститутсияи (Сарқонуни) Ҷумҳурии Тоҷикистон. – Душанбе: Шарҳи озод, 2009. – С.344.

якдигар ҳамчун чузъ ва кул баромад менамоянд. Агар амнияти конституцсионӣ ҳифзи ҳуқуқии конституцияро таъмин намояд, амнияти миллӣ бошад амнияти конституцияи кишваро таъмин менамояд. Амнияти конституцсионӣ ин ҳифзи инсондӯстонаи асосҳои сохтори конституцсионӣ ба мисли инсон, ҳуқуқ ва озодиҳои ӯ, ки арзиши олий мебошанд дар назар дошта мешавад. Аз нуқтаи назари амнияти миллӣ ин масъала ҳаматарафа баррасӣ шуда, чунин ҷабҳаҳоро дар бар мегирад: миқдори ғавт, пастшавии зоиш, вайроншавии ахлоқ ва сиҳатии миллат.

Сохти конституцсионӣ танҳо дар ҳолате, ки агар низоми кафолатҳо таъмин бошанд, метавонад босубот ва барои ғайолияти босамари давлат, рушди ҷомеа ва татбиқи ҳуқуқу озодиҳо мусоидат намояд. Дар ин ҷо низоми амнияти миллӣ аҳамияти муҳим дорад ва бояд, ки ҳамчун кафолати асосии сохтори конституцсионӣ баррасӣ карда шавад.

Ҳамин тавр, низоми амнияти миллӣ бояд, ки доимо бо таваҷҷӯҳ ба вазъи геосиёсии ҷаҳон ва шароитҳои дохилӣ таҷдиду баррасӣ шавад. Дар ин самт қору ғайолият бояд ҳислати доимӣ дошта бошад. Барои ҳалли мувафақи масъалаи баррасишаванда саъю кӯшиши якҷояи соҳаҳои илмҳои гуногун зарур аст. Лекин, асосан ин масъала ҳислати умумӣ – ҳуқуқӣ ва аҳамияти конституцсионӣ дорад.

*МУМИНОВ Улугбек Каримович ,
старший преподаватель кафедры
государственно-правовых дисциплин
Академии МВД Республики Таджикистан,
капитан милиции, соискатель ИФПП им. А.
Баховаддинова АН Республики
Таджикистан*

КОНСТИТУЦИЯ 1994 ГОДА КАК ПРАВОВАЯ ОСНОВА СУВЕРЕННОГО ТАДЖИКИСТАНА

В этом году исполняется 20 лет со дня принятия Конституции Республики Таджикистан. С точки зрения истории итоги её действия подводить еще очень рано, но уже сегодня мы можем взглянуть на Конституцию как на доминанту всей нашей современной жизни. Таджикистан как суверенное государство появилось на политической карте мира 9 сентября 1991 года. За период после объявления суверенитета были созданы все атрибуты национальной государственности, определены принципы ее функционирования. В первые годы независимого развития, Таджикистан столкнулся с огромными трудностями, начавшаяся в 1992 году гражданская война нанесла таджикскому народу колоссальный материальный и духовный ущерб.

В обеспечении стабилизации общественно-политической жизни, решении важнейших проблем первостепенной государственной важности большую роль сыграла и продолжает играть Конституция 1994 года, юридически оформившая образование современной суверенной государственности таджикского народа – Республики Таджикистан с президентской формой правления¹. Решение важнейших проблем социально-экономического развития независимой Республики Таджикистан было возможно только при условии разработки и принятия Основного закона страны, который был принят всенародным референдумом 6 ноября 1994 года.

Исторический процесс разработки и принятия Конституции Республики Таджикистан был заложен еще в период существования Союза Советских Социалистических Республик (далее СССР), когда политика перестройки, гласности и демократизации не могла быть реализована без соответствующей правовой основы и совершенствования законодательных основ, охвативших не только Конституцию СССР, но и конституции союзных республик. В соответствии с политическим решением центра о необходимости принятия новой Конституции, как для всего СССР, так и

¹ См. Тохиров Ф.Т. Актуальные проблемы истории и теории государства и права в условиях государственной независимости Республики Таджикистан. – Душанбе: Дониш, 2009. – С.46-48.

для союзных республик еще в августе 1990 года постановлением Верховного Совета Таджикской Советской Социалистической Республики (далее Таджикской ССР) создается специальная комиссия по подготовке проекта новой Конституции Таджикской ССР.

Одновременно в августе 1990 была принята Декларация «О государственном суверенитете Таджикской ССР», провозгласившая Республику Таджикистан суверенным, демократическим, правовым государством. Декларация стала основой для разработки новой Конституции Таджикской ССР.

Постановление Верховного Совета Республики Таджикистан «О провозглашении государственной независимости Республики Таджикистан» от 9 сентября 1991 года предусматривало необходимость пересмотра всех законодательных актов в интересах обеспечения защиты независимости республики. Естественно, что среди первоочередных задач на первом месте стояла проблема разработки проекта новой Конституции Республики Таджикистан, которая должна была заложить основу внедрения политических нововведений в жизнь общества.

Следующий этап подготовки проекта новой Конституции республики начался после распада СССР и провозглашения Республики Таджикистан независимым государством. В соответствии с Указом Президента Республики Таджикистан в феврале 1992 года была организована рабочая группа по подготовке проекта Основного Закона, и в течение двух месяцев он был опубликован на страницах периодической печати для всенародного обсуждения, но начавшаяся гражданская война свела на нет всю работу по подготовке проекта новой Конституции Республики Таджикистан.

Следующий этап по подготовке проекта Конституции начался после восстановления конституционного строя в республике и создания новых структур власти. В ноябре 1993 года Президиум Верховного Совета республики образовал рабочую группу по разработке проекта Конституции.

Рабочая группа в течение шести месяцев подготовила два проекта Конституции: первый проект отражал основные черты президентской республики, второй был построен на принципах парламентской республики. В ходе обсуждения двух проектов на заседании Конституционной комиссии было решено рекомендовать проект Конституции, подготовленный в соответствии с принципами президентской республики. Президентская республика и власть Президента должны были служить надежным условием выхода страны из

политического, экономического и культурного кризиса, сохранения целостности и единства республики¹.

Несмотря на то, что действующая в Таджикистане Конституция разрабатывалась и принималась в сложнейших социально-политических и тяжелейших экономических условиях, по своему духу и содержанию она была глубоко гуманной. основополагающее положение «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью»² определяет всю аксиологическую составляющую Конституции, её социальную ценность. Данный постулат получил свое дальнейшее развитие в тех правах и свободах, предоставленных человеку и гражданину в главе 2 и позволяет каждому гражданину спокойно жить и трудиться, повышать свой образовательный и культурный уровень, пользоваться всеми необходимыми для жизни социальными благами и, естественно, делать все для их приумножения. Последнее особенно важно для того, чтобы Таджикистан в полной мере стал, как провозглашено в ст. 1 Конституции 1994 года, демократическим, правовым, социальным государством, гражданам которого имманентно присуще не только знание права, правовых предписаний, но и осознанное их соблюдение и исполнение. Для тех, кто допускает отступление, нарушение конституционных прав и свобод, не выполняет правовые предписания, существуют специальные законодательные акты, в которых определены меры ответственности за нарушение требований законов, в том числе Конституции.

Идеями гуманизма и социальной справедливости пронизана вся Конституция Таджикистана, ее главы и отдельные нормы. Помимо глав и норм, касающихся непосредственно человека, его прав и свобод, здесь и основы конституционного строя (гл. 1), торжество тезиса о разделении государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную (ст. 9) с четким анализом их полномочий (гл. 3-5, 8). Принцип разделения властей является одной из основных особенностей правового государства и выступает в качестве гарантии реализации принципа приоритета человека, его прав и свобод как высшая ценность. Главное назначение этого принципа состоит в обеспечении политической свободы, законности и недопущения злоупотреблений властью со стороны какой-либо социальной группы, учреждения или отдельного лица. Отличительной особенностью принципа разделения властей в Таджикистане в системе государственной

¹ Достиев А.С. Конституция Республики Таджикистан 1994 года: история разработки, принятия и основные положения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Душанбе, 1999. – С.6-8.

² Ст. 5 Конституции Республики Таджикистан. Данная норма была внесена в Конституцию РТ результате изменений и дополнений 22 июня 2003 года.

власти выражается в доминировании исполнительной власти во главе с Президентом страны¹.

В Конституции Республики Таджикистан провозглашены основополагающие принципы, пронизывающие все важнейшие сферы жизни и деятельности государства, общественно-политических структур, человека и гражданина. Эти принципы составляют основу демократического строя и правового государства, служат базой формирования и укрепления гражданского общества. Во многих статьях действующей Конституции Таджикистана это подчеркивается: в ст. 1 указывается на то, что Таджикистан есть демократическое и правовое государство; в ст. 6 провозглашает идею о том, что «Народ является носителем суверенитета и единственным источником государственной власти...», и «высшим непосредственным выражением власти народа является общенародный референдум и выборы»; а также «каждому гарантируется свобода слова, печати, ...» (ст. 30), и т.д.

При всей своей позитивной оценке действующая Конституция Таджикистана, конечно же, не относится к категории застывших, раз и навсегда данных догм. Конституция – это, прежде всего, политический акт-документ. Изменения и преобразования в социально-политической жизни государства не могут не сказаться и на содержании Основного Закона государства, отдельных его положений. В связи с этим нельзя не отметить исключительно важное значение изменений и дополнений, внесенных дважды в Конституцию путем референдумов², которые усилили ее стабилизирующую и консолидирующую роль в нашем обществе и государстве. Результатом внесенных изменений и дополнений в 1999 году было создание двухпалатного профессионального парламента (ст. 48), увеличение срока президентских полномочий (ст. 65), а также было предоставлено право на создание политических партий демократического, религиозного и атеистического характера (ст. 28). В результате внесенных изменений и дополнений в 2003 году был усовершенствован правовой статус двух Маджлисов – Маджлиси Оли Маджлиси милли и Маджлиси намояндагон (гл. 3), был продлен срок полномочий судей (ст. 84), увеличена периодичность выборов Президента (ст. 65). В целом в Конституцию было внесено 56 поправок³.

¹ Согласно Конституции Республики Таджикистан 1994 года Президент одновременно является главой государства и исполнительной власти. Президент занимает самостоятельное и главенствующее место в системе органов государственной власти.

² В Конституцию Республики Таджикистан в 1994 году дважды были внесены изменения и дополнения путем общенародных референдумов 26 сентября 1999 года и 22 июня 2003 года.

³ См. Раззоков Б.К. Союз ССР, Таджикистан и некоторые проблемы государственно-правового развития // Известия АН Республики Таджикистан. Отделение общественных наук. – 2006. – №2. – С.121.

В завершении необходимо обратить внимание на то, что в конкретно-исторических условиях Таджикистана необходимость принятия Конституции возникла в связи с его превращением в независимое государство. В данном случае Конституция Республики Таджикистан выступает не только в качестве Основного Закона государства, но и как учредительный акт, юридический оформляющий возникновение нового суверенного государства. Конституция Республики Таджикистан, воплощая в себе такие универсальные конституционные принципы, как национальный суверенитет и народовластие, правовое государство, социальное государство, гарантированность прав и свобод человека, разделение властей, политический плюрализм, представительная демократия, социально-ориентированная рыночная экономика. Конституция приобщила народы Таджикистана к общечеловеческим ценностям, выработанным мировой цивилизацией.

*МУҲАММАДИЕВ Изатулло Сайфуллоевич,
номзади илмҳои таърих*

КОНСТИТУТСИЯ ВА НАҚШИ ОН ДАР ТАҲКИМИ МАҚОМОТИ ПРОКУРАТУРА

Конститутсияи (Сарқонуни) Ҷумҳурии Тоҷикистон ҳамчун поягузори давлати соҳибистиқлол, ҳуқуқбунёд, демократӣ, дунявӣ, ягона ва иҷтимоии Тоҷикистон 6-уми ноябри соли 1994 нахустин маротиба дар асоси изҳори иродаи бевоситаи халқи Тоҷикистон ба тариқи райъпурсии умумихалқӣ қабул гардид. Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон сарчашмаи асосии ҳуқуқи конститутсионии Тоҷикистон мебошад. Конститутсия системаи сарчашмаҳои ҳуқуқи конститутсионӣ, мазмун, хусусият ва раванди татбиқи онро муайян мекунад. Ин пеш аз ҳама дар он ифода меёбад, ки ҳамаи қонунҳои Конститутсионӣ, қонунҳо ва санадҳои ҳуқуқӣ дар доира ва тартиби муайян кардаи конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон қабул карда мешаванд. Сониян мазмуни онҳо аз меъёрҳои дар Конститутсия мавҷудбуда сарчашма мегирад. Агар дар чараёни татбиқи сарчашмаҳои ҳуқуқи конститутсионӣ номувофиқатии он ба Конститутсия муайян гардад, механизмҳои ҳимоя, ки дар ҳуди Конститутсия пешбинӣ шудаанд амал мекунанд ва волоияти меъёрҳои Конститутсияро нисбат ба дигар санадҳои ҳуқуқӣ таъмин мекунад. Ҳамаи санадҳои меъёрии ҳуқуқии дар асоси Сарқонун қабулшуда бавосита ё бавосита ба ҳаёти шаҳрвандон, ба зиндагии ҳар як инсон дахл дорад.

Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон сарчашмаи асосии на танҳо ҳуқуқи конститутсионӣ, балки дигар соҳаҳои ҳуқуқ низ мебошад. Дар он принсипҳо ва меъёрҳои асосӣ мавҷуд мебошанд, ки барои системаи ҳуқуқии Тоҷикистон ҳатмӣ мебошад.

Хусусияти асосии Конститутсия волоияти он нисбат ба дигар санадҳои ҳуқуқии дар Ҷумҳурии Тоҷикистон қабулшаванда мебошад. Тибқи моддаи 10 Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон қонунҳо ва дигар санадҳои ҳуқуқие, ки хилофи Конститутсияанд, эътибори ҳуқуқӣ надоранд. Дар ҳолати зиддият доштани қонунҳо ва санадҳои ҳуқуқӣ ба Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон меъёрҳои Конститутсия амал мекунад. Эътибори олии ҳуқуқӣ доштани Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон дар он ифода меёбад, ки меъёрҳои он ҳамеша нисбат ба меъёрҳои дигар қонунҳо ва санадҳои ҳокимияти иҷроия боло меистад. Қонунҳо ва санадҳои зерқонунӣ бояд, ки тибқи Конститутсия аз тарафи мақомоти пешбинишуда ва бо тартиби муқарраршуда қабул гардад, дар

ҳолати ба меъёрҳои Конституционӣ зид будан қонунҳо бояд, ки бекор ва ё ба Конституция мувофиқ қононида шаванд.

Конституция санади олии ҳуқуқии давлат буда хусусияти меъёрӣ дорад. Меъёрҳои Конституцияи Ҷумҳурии Тоҷикистон бевосита тадбиқ карда мешавад. Ҳамаи шохаҳои ҳокимият ҳам қонунгузор ҳам иҷроия ва судӣ вазифадоранд, ки татбиқи меъёрҳои Конституцияро таъмин кунанд. Аз ин рӯ, барои бунёди ҷомеаи адолатпарвар, ки дар муқаддимаи Конституцияи (Сарқонун) Ҷумҳурии Тоҷикистон пешбинӣ гардидааст, ҳамаи мақомотҳои давлатӣ, шахсони мансабдор, шахрвандон ва иттиҳодияҳои онҳоро зарур аст, ки меъёрҳои он ва қонунҳоро риоя кунанд, ҳуқуқ, озодӣ ва шаъну шарафи дигаронро эҳтиром намоянд.

Мазмун ва моҳияти Конституцияи Ҷумҳурии Тоҷикистонро сарвари давлат, мӯхтарам Эмомалӣ Раҳмон хеле возеҳу равшан баён кардаанд: “Қонуни асосии давлат, унсури марказии низоми ҳуқуқии кишвар, заминаи эҷод ва такмили минбаъдаи қонунгузорӣ, ҳуҷҷати созиши иҷтимоӣ, муайянсозандаи дурнамои пешрафти ҷомеа ва давлат мебошад”.

Моҳияти Конституция, яъне хусусиятҳои муҳими он, ки мавқеи Конституцияро дар ҳаёти ҷамъият муайян мекунад аз нуқтаи назари ҳуқуқӣ ва иҷтимоӣ-сиёсӣ баҳогузорӣ карда мешавад. Нисбат ба дигар қонунҳо Конституция бештар маҳсул ва дастоварди на танҳо қонунгузорҳо ва ҳуқуқшиносҳо балки тамоми ҷамъият мебошад. Чунки аҳамияти Конституция барои ҷамъият хеле муҳим буда, аз чорҷӯбаи ҳуҷҷати ҳуқуқӣ берун меояд. Конституция ба ҳамаи соҳаҳои ҳаёти ҷамъият: сиёсат, иқтисодиёт, рушди иҷтимоӣ, ташаккули соҳаи ҳуқуқ ва озодиҳои шахсият фаъолона таъсир мерасонад.

Лоихаи Конституция ва мазмуни он то лаҳзаи қабул предмети баҳсу муҳокимаҳо ва хулосабарориҳо гардида буд, ки дар он ҳамаи қувваҳои сиёсии мамлакат, олимон, сиёсатмадорон ва шахрвандон иштирок дошта, таклифу дархостҳои зиёд ворид гардида буд. Конституция асос барои қабули муҳимтарин қарорҳои сиёсӣ гардида, шарҳи меъёрҳои Конституция ба вазъи сиёсии мамлакат метавонад таъсир расонад. Бинобар дорои аҳамияти муҳими сиёсӣ будан Конституция чун ҳуҷҷати муҳимтарини сиёсӣ ва ҳуқуқӣ доништа мешавад. Гуфтан зарур аст, ки аҳамияти махсуси сиёсӣ-иҷтимоӣ доштани Конституция хусусиятҳои ҳуқуқии онро ҳеҷ гоҳ кам намекунад. Конституцияи Ҷумҳурии Тоҷикистон ин пеш аз ҳама санадест, ки қувваи олитарини ҳуқуқӣ дорад. Маҳз Конституция қоидаҳои фаъолияти сиёсиро муайян мекунад ва ҷараёнҳои сиёсӣ-иҷтимоии мамлакатро мӯътадил мегардонад.

Сохтори Конституцияи Ҷумҳурии Тоҷикистон аз дебоча (преамбула), 10 боб, 100 модда ва муқаррароти интиқоли иборат аст.

Ҳар як боби Конституция ба институтҳои алоҳидаи ҳуқуқи конституционӣ бахшида шудааст. Чунончӣ, асосҳои сохтори конституционӣ, ҳуқуқ, озодӣ, вазифаҳои асосии инсон ва шаҳрванд, мақомоти қонунгузорӣ, президент, Ҳукумат, ҳокимияти маҳаллӣ, вилояти мухтори кӯҳистони Бадахшон, суд, прокуратура ва тартиби тағйири Конституция.

Меъёрҳои Конституция бояд, ки аз тарафи судҳо, прокуророн, мақомоти ҳокимияти давлатӣ ва шахсони мансабдор тибқи мазмуни дар меъёрҳои он ҷой додашуда тадбиқ гардад, на ин, ки ба манфиати ин ё он ҳизб ё сиёсатмадор.

Мо шоҳид ҳастем, ки дар солҳои зиддияти шаҳрвандӣ бо роҳҳои ғайриконституционӣ ва таҳдиду зӯрӣ аз сари қудрат дур кардани роҳбарони мақомоти давлатӣ, вазорату идораҳо ва ҳокимияти иҷроияи маҳаллӣ ва ба сари қудрат омадани намояндагони гурӯҳҳои мусаллаҳ ва ҳаракату созмонҳои ғайриқонунӣ ҷумҳурии азизамонро чӣ гуна ба вартаи ҷанги бародаркушӣ тела дод. Хиради волои халқи тоҷик боло гирифт, ки таҳти сарвари роҳбари давлат мӯҳтарам Эмомалӣ Раҳмон, сулҳу субот ва қонуният барқарор гардид.

Дар Паёми навбатии Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон ба мақоми олии намояндагӣ ва қонунгузори кишвар қайд гардид, ки Конституция барои аз байн бурдани хатаре, ки ба истиқлолияти давлатӣ таҳдид мекард, шароити зарурии ҳуқуқӣ муҳайё карда, барои аз нобудӣ наҷот додани давлати тозаистиклоли тоҷикон ва аз парокандагӣ раҳой бахшидани миллати тоҷик асос гузошт, ҷиҳати расидан ба Ваҳдати миллӣ таҳкурсии устувор гардид ва дар он марҳилаи ҳассоси таърихӣ барои гузоштани асосҳои аркони давлатдорӣ тоҷикон нақши тақдирсозу ҳалқунанда бозид.

Дар баробари шоҳаҳои ҳокимияти давлатӣ, ки дар моддаи 9 Конституция муқаррар гардидааст, мақомоти прокуратура низ дар таъмини меъёрҳои Конституция нақши муҳим дорад. Назорати иҷроияи яхелаи қонунҳоро дар қаламрави Тоҷикистон Прокурори генералӣ ва прокурорҳои тобеъи он дар доираи ваколати худ тадбиқ менамоянд. Таъмини ягонаи қонунҳо ва санади мақомоти иҷроия мавқеъи муҳимро ишғол мекунад. Тариқи эътирозҳои прокурорӣ қарорҳои мақомоти иҷроия, кумитаю вазоратҳо бекор ва ба қонун ва Конституция мувофиқ гардонидани мешаванд ва дар таъмини иҷроияи яхелаи қонунҳо саҳм

мегирад. Қисми дигари санадҳои ғайриқонунӣ бо роҳи судӣ бекор карда мешавад.

Дар Сарқонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон ба мақомоти прокуратура ва салоҳияти прокурорҳо боби алоҳида бахшида шудааст. Аз ин рӯ, фаъолияти мақомоти прокуратура бевосита аз Конститутсия сарчашма мегирад.

Дар моддаи 93 Конститутсия як намуди мустақили фаъолияти давлат муайян карда шудааст, ки ин – назорати риояи дақиқ ва иҷрои якхелаи қонунҳоро дар қаламрави Тоҷикистон Прокурори генералӣ ва прокурорҳои тобеи он дар доираи ваколати худ татбиқ менамоянд. Аз ин рӯ, моҳияти назорати прокурориро назорати риояи дақиқ ва иҷрои якхелаи қонун ташкил намуда, татбиқи ин модда чун таъиноти конститутсионии мақомоти прокуратура арзёбӣ карда мешавад. Бинобар ин, ҳангоми ба танзимдарории ҳуқуқии муносибатҳои муурофиавӣ, ки бо иштироки прокурор сурат мегирад, муайян намудани самтҳои дигари фаъолияти мақомоти прокуратура – назорати риояи дақиқ ва иҷрои якхелаи қонунҳо нақши муайянкунанда дорад.

Талаботи моддаи 94 Конститутсия бошад прокуратураи Ҷумҳурии Тоҷикистонро мақоми ягонаи мутамарказ, ки ба он Прокурори генералӣ сарварӣ мекунад ва Прокурори генералӣ танҳо дар назди Маҷлиси миллӣ ва Президент масъул аст, дарҷ намудааст, ки ин тобеияти бевоситаи прокурорҳои поёӣ ба прокурорҳои болоӣ ва Прокурори генералии Ҷумҳурии Тоҷикистон, ягонагии мақсаду вазифаҳои ҳамаи зинаҳои низоми прокуратура, умумияти санадҳои таъсиррасонӣ ва ваколатҳои прокурорро ифода менамояд. Яъне прокуратураи Ҷумҳурии Тоҷикистон мақоми ягонаи мутамарказ мебошад, ки аз номи Ҷумҳурии Тоҷикистон риояи дақиқ ва иҷрои якхелаи Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон ва қонунҳои дигарро назорат мекунад.

Ифодаи низоми ягонаи марказонидашудаи мақомоти прокуратура дар тобеияти бевоситаи прокурорҳои поёӣ ба прокурорҳои болоӣ ва Прокурори генералии Ҷумҳурии Тоҷикистон, аз тарафи Прокурори генералӣ таъин ва озод шудани ҳамаи прокурорҳои поёӣ, ягонагии мақсаду вазифаҳои ҳамаи зинаҳои низоми прокуратура, умумияти санадҳои таъсиррасонӣ ва ваколатҳои прокурорҳо мебошад.

Мустақилияти прокурорҳо тавассути манъ будани даҳолати дигар мақомот ба кори прокуратура, салоҳият, тартиби таъин ва аз вазифа сабукдӯш намудани онҳо таъмин карда мешавад. Ба фаъолияти прокуратура дар амалӣ намудани назорат аз болои иҷрои қонунҳо, тафтиши ҷиноятҳо ва дигар қонунвайронкуниҳо даҳолат кардани

мақомоти давлатӣ, иттиҳодияҳои ҷамъиятӣ, хизбҳои сиёсӣ, ташкилотҳои динӣ, воситаҳои ахбори омма ва намоёндагони онҳо, инчунин шахсони мансабдор манъ аст. Ин меъёр асоси ҳуқуқии худро дар моддаҳои 95-96 Конститутсия меёбад.

Дар асоси Конститутсия ва қонун ғаёлият намудани прокуратура барои дуруст иҷро намудани вазифаҳои аҳамияти махсус дорад. Зеро вазифаи мақомоти прокуратура таъмин намудани волоияти қонун аст. Волоияти қонун дар мавриде таъмин карда мешавад, ки агар ҳуди қонунҳои прокуратура Конститутсия ва дигар қонунҳои амалкунандаи ҷумҳуриро бечунучаро риоя ва иҷро кунанд. Дар ҳамин замина Прокурори генералӣ баҳри ба ҳаёт тадбиқ намудани қонунҳо амру фармон ва нишондодҳои ба тавсиб мерасонад, ки ба талаботи қонун ҷавобгӯ бошанд.

Сарвари давлат Эмомалӣ Раҳмон дар ин росто зикр намуданд, ки: «Прокуратура яке аз сохторҳои муҳимтарини низоми давлатдорӣ буда, ба ягон шоҳаи ҳокимият тааллуқ надорад ва иҷроӣ ҳатмии қонунҳоро аз ҷониби тамоми шоҳаҳои ҳокимият, қорхонаҳо, ташкилоту муассисаҳо ва шаҳрвандон назорат намуда дар мамлакат фазои ягонаи ҳуқуқиро фароҳам меорад».

Бо ин мақсад самтҳои асосии ғаёлияти мақомоти прокуратура дар Ҷумҳурии Тоҷикистон мутобиқи Конститутсия ва Қонуни конституционии Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи мақомоти прокуратураи Ҷумҳурии Тоҷикистон» аз таъмини волоияти қонун, таҳкими қонуният ва тартиботи ҳуқуқӣ, назорати риояи дақиқ ва иҷроӣ яхелаи қонунҳо аз ҷониби вазоратҳо ва дигар идораҳо, мақомоти маҳаллии ҳокимияти давлатӣ, қорхонаю муассисаҳо, ташкилотҳои ҷамъиятӣ ва динӣ, хизбҳои сиёсӣ ва иттиҳодияҳои дигар сарфи назар аз тобеият, мансубият ва шакли моликияти онҳо, назорат ба риояи ҳуқуқу озодиҳои инсон ва шаҳрванд, ки ҳамчун арзиши олии эътироф гардидаанд, аз тарафи ҳамаи сохторҳо ва шахсони мансабдор, ҳимояи манфиатҳои давлат, шаклҳои гуногуни моликияти давлатӣ ва ғайридавлатӣ, тафтишоти ҷиноятҳо, мубориза бар зидди коррупсия, терроризм, экстремизм (ифротгароӣ), ҳамоҳангсозии ғаёлияти мақомоти ҳифзи ҳуқуқ оид ба мубориза бар зидди ҷинояткорӣ ва пешгирии он, иштирок дар баррасии парвандаҳо аз ҷониби судҳо ва ғайраҳо иборат мебошанд.

Ҳамоҳангсозии ғаёлияти сохторҳои ҳифзи ҳуқуқ аз ҷумлаи вазифаҳои муҳими мақомоти прокуратура маҳсуб меёбад. Ҳамоҳангсозӣ амали мувофиқашуда буда, мақомоти прокуратура онро дар асоси салоҳият, ваколат, вазифа ва таҷрибаи худ ба амал мебарорад. Инчунин,

ҳамкории соҳаи назорати прокурорӣ, робитаи доимии мақомоти ҳокимияти давлатӣ ва сохторҳои ғайриҳукуматиҳо дар мубориза бар зидди ҷинояткорӣ пешбинӣ менамояд. Омили зикршуда мавқеъ ва нақши мақомоти прокуратура дар низоми ягонаи мақомоти давлатӣ муайян мекунад.

Мақомоти прокуратураи Ҷумҳурии Тоҷикистон аз лаҳзаи эълони истиқлолияти давлатӣ то имрӯз баҳри таҳкими қонуният, тартиботи ҳуқуқӣ ва мубориза бар зидди ҷинояткорӣ, пешбурди бомуваффақияти равандҳои сиёсӣ, барқароркунии сохтори конститутсионӣ, таҳкимбахшии рукнҳои асосии давлатдорӣ, расидан ба субот ва ризоияти миллӣ нақши бағоят муҳимро бозидааст.

Прокуратура фаъолияти худро дар доираи Конститутсияи (Сарқонун) Ҷумҳурии Тоҷикистон ба роҳ монда, дар қаламрави ҷумҳурӣ фазои ягонаи ҳуқуқиро фароҳам меорад.

*НАЖБУДИНОВ Мухриддин Амруддинович,
адъюнкт кафедры теории и социологии
управления органами внутренних дел Академии
управления МВД России*

МОДЕЛЬ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ С ИНСТИТУТАМИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НАРКОТИЗАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ

Создав гражданское общество, Таджикистан поставил перед собой цель предоставлять как можно больше свободы деятельности граждан, политических партий и общественных объединений, приобщать их к цивилизованным формам деятельности, широко привлекая их к участию в политической, экономической и социальной жизни общества¹. В процессе формирования гражданского общества, так как показывает мировая практика, встречаются правовые, политические, экономические и социальные проблемы. Среди них особое место занимает наркотизация населения. По этому поводу М.Ю. Воронин отмечает, что «...от количества наркотизированного населения напрямую зависят объемы незаконного оборота наркотиков, структура рынка наркотических средств и психотропных веществ»². Поэтому достижение результатов в противодействии наркотизации населения не может быть обеспечено усилиями одних органов государственной власти, включая органы внутренних дел, а должно рассматриваться как сфера их совместной ответственности с институтами гражданского общества (СМИ, религиозные общины, предпринимательство, профессиональные союзы, общественные формирования, занимающиеся вопросами предупреждения наркотизации населения и другие).

В связи с этим поиск компромисса между обществом и государством возможен лишь в рамках их взаимодействия на основе модели взаимодействия органов внутренних дел с институтами гражданского общества в Республике Таджикистан, при создании которой необходимо учитывать опыт других государств.

Идеальной моделью взаимодействия гражданского общества и государства является абсолютное равенство ее элементов («сильное государство – сильное гражданское общество»), при котором действует принцип паритета. В историческом плане равновесие является достаточно условным, как правило, создается и поддерживается искусственно. И как следствие – ни одной стране или цивилизации не удалось построить

¹ Выступление Президента Республики Таджикистан Э.Ш. Рахмонова на торжественном заседании, посвященном 15-летию Государственной независимости Республики Таджикистан и празднованию Года арийской цивилизации. Электронный ресурс: URL: <http://www.abctj.h1.ru> (дата обращения 1 октября 2014 г.)

² Воронин М.Ю. О содержании и сущности понятия наркотизации населения // Научный портал МВД России. – №4. – 2010. – С.182.

идеальной модели в завершённой форме¹. На модели взаимодействия строится общество, формируются общественные отношения между людьми, социальными группами и их организациями, внутри организаций и сообществ, причём разных масштабов и видов. По мнению Н.А. Андреева и В.Б. Коробова моделирование взаимодействия – это создание обобщённого прототипа явления, процессов, объектов путём построения и изучения внутренних и внешних взаимосвязей (моделей или модели взаимосвязей) для уточнения (исследования) важнейших характеристик организации, прогнозирования будущих явлений, процессов и объектов². По мере своего совершенствования и развития гражданское общество становится объединительной, интегрирующей общественные, частные, личностные интересы и потребности системой. А.В. Гаврилов, отмечает, что оказывая определённое влияние на экономическую, политическую, духовно-нравственную сферы жизнедеятельности людей, гражданское общество становится мощным передаточным и связующим механизмом, благодаря которому налаживаются объективно необходимые и практически значимые формы связи и взаимодействия общественных и частных структур с государством в целом и его соответствующими звеньями³.

Для достижения подобных партнёрских отношений, органы внутренних дел должны глубже интегрироваться в обществе и укрепить свою законность посредством осуществления деятельности органов внутренних дел на основе согласованных действий противодействия наркотизации населения.

Таким образом, органы внутренних дел должны:

- быть доступной для населения;
- привлекать и мобилизовать население в сфере противодействия наркотизации населения;
- отчитываться перед населением о своих действиях и достигнутых результатах в сфере противодействия наркотизации населения.

Автор отмечает, что для эффективного решения проблем наркотизации населения в Республике Таджикистан необходимо формирование новой модели взаимодействия, соответствующей принципам взаимоподдержки и взаимоконтроля правоохранительных органов в целом, и органов внутренних дел в частности с институтами гражданского общества, что актуализирует задачу укрепления и развития коммуникации между органами внутренних дел и институтами гражданского общества и создание новых качеств взаимодействия.

¹ Паслер О.В. Модели взаимодействия гражданского общества и государства. Электронный ресурс: URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Pasler_RAPN (дата обращения 7 октября 2014 г.).

² Андреев Н.А. Коробов В.Б. Стратегическое мышление в управлении правоохранительной сферой. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2013. – С.189.

³ Гаврилов А.В. Государство и гражданское общество: функциональный анализ взаимодействия: автореф. ... канд. юрид. наук. – Нижний Новгород, 2007. – С.2.

Необходимо отметить, что прежняя модель взаимодействия основывалась на доминировании государства и его институтов в данном взаимодействии. Однако сфера правопорядка в целом и противодействия наркотизации населения в частности – это сфера взаимной ответственности общества и государства.

В связи с этим автор учитывая специфику таджикского общества, пытается предложить свой вариант модели. Под моделью взаимодействия органов внутренних дел с институтами гражданского общества в Республике Таджикистан в сфере противодействия наркотизации населения понимается определенные связи и между субъектами совместной целенаправленной деятельности в различных условиях и обстоятельствах в исследуемой сфере, ориентируемые на внесение правовых и организационных изменений в моделируемых общественных отношениях, а в конечном счете, в поведение субъектов данного взаимодействия.

К организационным характеристикам такой модели относятся принцип открытости и доверия во взаимоотношениях; учета всего разнообразия и специфики наркотических проявлений и обеспечение не меньшего разнообразия мер противодействия; использования в деятельности органов внутренних дел результатов работы общественных объединений, граждан, журналистов по выявлению преступлений и правонарушений в сфере распространения наркотиков; публичной демонстрации результатов реагирования органов внутренних дел на выявленные общественностью факты наркотического поведения; обеспечения гражданского контроля за предоставлением институтам гражданского общества полной информации от органов внутренних дел. К правовым характеристикам партнерской модели относятся: нормативное правовое закрепление прав и обязанностей сторон взаимодействия, процедур реализации совместной деятельности, а также определения зоны совместного ведения в сфере противодействия наркотизации населения в Республике Таджикистан и компетенции участников взаимодействия.

Остроумов Сергей Владимирович,
кандидат юридических наук, доцент,
юридический факультет Нижегородского
государственного университета им. Н.И.
Лобачевского,

Остроумов Николай Владимирович,
кандидат юридических наук, доцент,
юридический факультет Нижегородского
государственного университета им
Н.И.Лобачевского,

Романовская Любава Ростиславовна,
кандидат юридических наук, доцент,
юридический факультет Нижегородского
государственного университета им
Н.И.Лобачевского

КОНСТИТУЦИОННЫЕ И РЕЛИГИОЗНЫЕ НОРМЫ КАК ОСНОВА МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНОГО ДИАЛОГА В ТАДЖИКИСТАНЕ

Конференция, посвященная 20-летию конституции Республики Таджикистан, призывает учёных Таджикистана и России таджикских и российских ученых обратиться к анализу наиболее важных положений этого Основного Закона и акцентировать внимание на его нормы, которые имеют наибольшую актуальность в современном обществе.

И западный и восточный мир постоянно находятся в состоянии перманентных конфликтов, как внутри самих себя, так и друг с другом¹. Но если в прежние века эти конфликты носили преимущественно территориальный характер, то сегодня можно констатировать, что наблюдается конфликт цивилизационный, конфликт культур. Необходимость изучения правовых систем стран Азии и Востока с культурологических позиций диктуется практическими политико-правовыми задачами, связанными с обострившимися в последнее время межцивилизационными противоречиями, которые зачастую выражаются в спекулятивном противопоставлении различных соционормативных религиозных культур².

Указывая на эти проблемы, культурологи и юристы часто цитируют высказывание профессора Гарвардского университета С. Хантингтона, выдвинувшего культурологическую гипотезу, что современная мировая политика вступает ныне в новую фазу, когда источником конфликтов в мире становятся не идеология и экономика, а именно культура. Он

¹ Исмагилов Р.Ф., Карагодов А.В., Сальников В.П. Межнациональный конфликт: понятие, динамика, механизм разрешения / под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2003; Право и общество: от конфликта к консенсусу: монография / Честнов И.Л. и др.; под общ. ред. В.П. Сальникова и Р.А. Ромашова. – СПб., 2004.

² Крашенинникова Н.А. Правовая культура современной Индии: инновационные и традиционные черты. – М.: Норма: Инфра М, 2009. – С.6.

полагал, что именно культура, разделяющая человечество, станет преобладающим источником конфликтов и будущих войн двадцать первого века¹. Согласиться с этим заявлением мы не можем, поскольку считаем, что в различных религиозных, политико-правовых традициях в целом, общих положений значительно больше, чем принципиальных различий². Изучая историю религий, основные догматы мировых религий, базовые моральные требования к поведению человека и к его отношению к другим членам общества, нельзя не прийти к выводу, что все они происходят из одного источника, а, следовательно, имеют общие морально-этические ценности. Разногласия в религиях, безусловно, существуют, но считать их «миной замедленного действия», как минимум, не разумно. Недобросовестные политики могут использовать те или иные культурно-религиозные различия для разжигания конфликта в своих корыстных интересах, но причиной конфликта станет тогда не религия, а политика.

¹ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М.: АСТ, 2005. – 576 с.

² Сальников В.П., Сальников М.В. Национально-этнические ценности в правовой культуре и политико-правовых традициях // Вестник Башкирского университета. – 2014. – Т.19. – №3. – С.950–956; Сальников В.П., Сальников М.В. Правовая культура и политико-правовые традиции в контексте абсолютных ценностей // Юридическая мысль. – 2014. – №4. – С.70–86; Сальников В.П., Сальников М.В. Правовая культура и правовая традиция в их категориальном соотношении и понимании // Правовое государство: теория и практика. – 2014. – №3 (37). – С.13–19; Сальников М.В. Генезис и эволюция российской политико-правовой традиции (историко-теоретический и сравнительно-правовой анализ): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – СПб., 2005. – 53 с.; Сальников М.В. Геополитические, экономические и социо-культурные факторы в контексте становления и динамики развития национальной политико-правовой традиции в России // Правовое поле современной экономики. – 2012. – №11. – С.47–66; Сальников М.В. Западная традиция права: политико-правовые ценности и идеалы // Мир политики и социологии. – 2013. – №10. – С.170–191; Сальников М.В. Национальное и универсальное начала в политико-правовой традиции (теоретико-правовой и аксеологический анализ) // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – №10 – С.11–32; Сальников М.В. Политико-правовая традиция, правовая культура и правовая система: к вопросу о соотношении категорий // Мир политики и социологии. – 2012. – №9. – С.153–156; Сальников М.В. Политико-правовая традиция: социальный феномен и категория политического правоведения // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – №11. – С.151–166; Сальников М.В. Развитие русской отечественной мысли конца XIV – начала XVI века // История государства и права. – 2005. – №1. – С.49; Сальников М.В. Традиционализм как политико-правовой феномен: методология познания и исследования // Мир политики и социологии. – 2012. – №11. – С.169–179; Сальников М.В. Эволюция отечественной политико-правовой традиции: некоторые проблемы соотношения статического и динамического начал // Правовое поле современной экономики. – 2013. – №9. – С.62–81; Сальников М.В., Вележев С.И., Тищенко А.Г. Отечественная и западная политико-правовые традиции: сравнительно-правовой аксиологический анализ // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2004. – №4 (24). – С.29–31; Сальников С.П. Правовые идеалы российского общества второй половины XIX – начала XX веков // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2006. – №1 (29-1). – С.107–108.

С точки зрения цивилизационного подхода к типологии государства, в основе его возникновения и развития лежат духовные начала – религия, культура, система ценностей определенного сообщества. Цивилизационный подход обосновывается идеей единства, целостности современного мира, приоритетом идеально-духовных факторов. Цивилизации являются ветвями одного дерева, сосуществующие рядом друг с другом. С точки зрения известного английского ученого Тойнби, движущей силой круговорота цивилизаций выступает творческая элита, которая увлекает за собой инертное большинство¹. История Таджикистана во многом подтверждает это положение. И до советского периода развития, и в советский период истории, и в настоящее время творческая интеллигенция, мусульманские ученые Таджикистана сохраняют и преумножают традиции, созданные их предшественниками в деле духовного развития нации.

Надо заметить, что в исламе изначально подчеркивается особо уважительное отношение к знаниям и научной мысли. Согласно Священному Корану вера и знание – есть главное, что поднимет человека на высшие ступени. Не случайно ниспослание Корана Пророку Мухаммаду начиналось со слова «Читай!», оно повторялось несколько раз. Желание самостоятельно читать Коран стало причиной распространения грамотности среди населения многих стран в период средневековья и нового времени.

То же самое можно сказать в отношении Евангелия или Нового Завета, Писаний Святых отцов церкви. Именно на этих текстах учились читать, писать, получали основное образование на Руси. Жития Святых были самой читаемой книгой среди грамотного населения.

Понимая роль религии в деле воспитания нации, особое внимание необходимо уделять именно этому вопросу, как основе общей культуры, духовности, общественного правосознания². Особо отметим, что в исламе «духовное» и «мирское» не разделяется, а соединяется в единую реальность,

¹ См.: Тойнби А.Дж. Цивилизация перед судом истории. – М.: Айрис-пресс, 2003. – 592 с.

² См.: Романовская В.Б. Духовность и правосознание (соотношение феноменов) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И.Лобачевского. Серия: Право. – 2001. – №1 (3). – С.149-152; Сальников В., Сальников М. Правовая онтология гражданского сознания // Юридический мир. – 2005. – №11. – С.48-53; Сальников В.П., Сальников М.В., Биктасов О.В. Онтологическо-правовые основания гражданского сознания // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2005. – №3. – С.7-13; Сальников В.П. Правовая культура как фактор стабилизации современного российского общества // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. – 2001. – №1. – С.187-189; Сальников В.П. Проблемы и пути духовно-нравственного воспитания личного состава органов внутренних дел // Государство и право. – 1995. – №2. – С.140; Чукин С.Д., Сальников В.П., Балахонский В.В. Философия права: учебник. – М., 2002; Захарцев С.И. Правосознание: понятие и уровни // Правовое поле современной экономики. – 2012. – №2. – С.48-53; Захарцев С.И. Некоторые проблемы теории и философии права: монография / под общ. ред В.П. Сальникова. – М.: Норма, 2014. – С.102-113.

где цель и средства находятся в гармонии. Ислам предлагает человеку эталон цельной и здоровой личности с чувством собственного достоинства и осознанием своих прав и свобод, осознающего свои обязанности перед Богом, другими людьми самим собой. Права и свободы человека рассматриваются в связи с его вечной жизнью с его вечным предназначением.

И христианство в целом, и русское православие, также рассматривает человека, его права и обязанности именно в контексте вечной жизни. Православие не столько говорит о правах личности, сколько о нравственном долге человека, проистекающем из Божественного Закона. Христианство в своих писаниях осуждает грех алчности, тщеславия, честолюбия, требования каких-то особых прав и льгот, гордыню и возвышение над другими людьми по причине своих заслуг или происхождения. О том же говорит и Священный Коран: «Если бы людям давали все, на что они претендуют, то жизнь и все имущество нации были бы потеряны».

Конституция Таджикистана, так же как и Конституция Российской Федерации, гарантирует свободу совести и вероисповедания: «Каждый имеет право самостоятельно определять свое отношение к религии, отдельно или совместно с другими исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, участвовать в отправлении религиозных культов, ритуалов и обрядов» (ст. 26 Конституции Республики Таджикистан 1994 г.).

Уместно вспомнить здесь основополагающие аяты Священного Корана: «Нет принуждения в религии» (Коран 2:256); «А если бы пожелал Твой Господь, тогда уверовали бы все до одного, кто есть на земле. Так неужели ты станешь принуждать людей к тому, что бы они стали верующими?» (Коран, 10:99) Принятие веры – индивидуальное дело каждого. Этот аят является фундаментом для практической реализации права на свободу совести и свободу вероисповедания.

Основные права и свободы человека, данные Всевышнем Аллахом, в том числе и для современного многоконфессионального общества, были сформулированы в «Каирской Декларации о правах человека в Исламе», принятой в Каире государствами-членами Организации Исламская конференция в 1990 году¹. Статья 1 а) Декларации устанавливает: Все люди образуют одну семью, члены которой объединены повиновением Господу и являются потомками Адама. Все люди равны в основополагающем человеческом достоинстве и основополагающих обязательствах и обязанностях без кого-либо различия по признаку расы, цвета кожи, языка, пола, религиозной веры, политических взглядов, социального положения и других оснований.

«Пророк Мухаммад сказал: Не относится к нам тот, кто призывает к нетерпимости, и не относится к нам тот, кто сражается, побуждаемый

¹ Brems E. Islamic Declarations of Human Rights // Human rights: universality and diversity: Volume 66 of International studies in human rights. – Netherlands, Martinus Nijhoff Publishers, 2001. – P. 241–284.

нетерпимостью, и не относится к нам тот, кто умер в своей нетерпимости»¹. Эти слова как нельзя лучше показывают отношение истинного ислама к религиозному фанатизму и терроризму.

В условиях роста межрелигиозной напряженности в России и в мире, в том числе и внутри конфессий, Совет муфтиев России, принимая Социальную программу российских мусульман, закрепил в ней основы толерантности и терпимости. Этот документ имеет важное общественно-политическое значение, особенно учитывая тот факт, что в российском обществе в последнее время распространялись искаженные представления об исламе, увязывающие религию с терроризмом и сепаратизмом. Основные положения Социальной программы носят справочный характер и предназначены в первую очередь для людей, не имеющих знаний об исламе, о подлинном учении ислама. В общедоступной и краткой форме этот документ дает информацию о традиционных течениях и школах Ислама, об отношении Ислама к правам и свободам человека, к социальным проблемам, науке, культуре, искусству, образованию, к другим религиям, к религиозному экстремизму, к государству, к армии, к правоохранительным органам.

В разделе VI «Отношение мусульман к представителям других религий» Социальной программы сказано: «изначально отношение мусульман к представителям других религий определяется не субъективными чувствами человека, а волей Всевышнего Аллаха, защищающего всех Своих рабов от принуждения в вопросах веры. ... Более того, Аллах повелевает всем верующим в Него проявлять доброту и справедливость по отношению к тем, кто еще не пришел к Аллаху – к иноверцам. Таким образом, речь идет не только о веротерпимости, но и о справедливости как социально-нравственном принципе, лежащем в основе поведения каждого мусульманина»².

Мусульмане приобретают право на «адекватные действия» в отношении иноверцев лишь в случае агрессии с их стороны, в случае попытки насильственно лишить мусульман их права на свободу вероисповедания, причем безусловный приоритет перед силовым противостоянием отдается мирным переговорам.

Свобода вероисповедания, как принцип государства свидетельствует об уровне развития общества, о его «климате» и безопасности от экстремизма. В Таджикистане практически все население, около 95%, исповедует ислам, а Россия, напротив, является примером многоконфессионального государства, где представлены как исторические мировые религии – христианство, ислам, буддизм, национальные – иудаизм, так и новые религиозные движения. Поэтому для российского государства особенно актуальным является вопрос межконфессионального

¹ Цит. по: Основные положения Социальной программы российских мусульман. Совет муфтиев России. – Ярославль: ДИА-пресс, 2001.

² Основные положения Социальной программы российских мусульман. Совет муфтиев России. – Ярославль: ДИА-пресс, 2001.

диалога. Думается, что и в Таджикистане важность этого вопроса не подвергается сомнению.

Россия на протяжении многих столетий представляла собой образец «исламо-христианского пограничья, в рамках которого с одной стороны происходит социокультурное и этнокультурное взаимопроникновение обеих общин, а с другой – консервация собственных традиций, что в конечном итоге обуславливает их отчужденность друг от друга»¹. Современная Россия активно сотрудничает с мусульманскими странами ближнего и дальнего зарубежья в рамках международных организаций ШОС, ЕврАзЭС, ОИК² и других, однако, ислам и исламские институты – это фактор не только внешней, но и внутренней политики, это часть российской истории и культуры, неотъемлемая сторона образа жизни многих российских мусульман.

Для Таджикистана вопросы межконфессионального диалога важны и актуальны, прежде всего, в сфере международного общения. В Преамбуле Конституции Республики Таджикистан говорится о том, что народ Таджикистана уважает равноправие и дружбу всех наций и народностей. Статья 2 Конституции устанавливает, что государственным языком Таджикистана является таджикский язык, а языком межнационального общения признается русский язык. Россия и Таджикистан сохраняют тесные экономические, политические, военные, научные и иные связи, активно сотрудничают в рамках Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС). Это подтверждает наш тезис о реальной возможности мирного сосуществования и конструктивного диалога различных культур, религий и цивилизаций на основе общих интересов, истории и ценностей, и невзирая на различия в традициях и обрядах.

¹ Малашенко А.В. Исламское возрождение в современной России. – М., 1998. – С.17.

² Шанхайская организация сотрудничества, Евроазиатское Экономическое сообщество, Организация Исламская конференция (Россия имеет в ней статус наблюдателя).

ПУЛОТОВ А.А.,
курсанти курси 4 факултети № 2 Академияи
ВҚД Тоҷикистон, сержанти хурди милитсия

Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон ва инкишофи он

Дар зери мафҳуми Конститутсия дар илми ҳуқуқшиносӣ одатан қонуни асосии давлат ё ки сарқонун фаҳмида мешавад, ки дар он мувофиқи иродаю манфиати қувваҳои сиёсии дар ҷамъият ҳукмрон асосҳои сохтори давлатӣ муқаррар карда шудааст.

Конститутсия ҳуҷҷати таърихӣ мебошад. Гарчи давлат чандин ҳазорсолаҳо вуҷуд дорад, вале Конститутсия дар шакл ва мазмуни ҳозираи худ ҳамаги зиёда аз дусад сол боз амал мекунад. Дуруст аст, ки истилоҳи Конститутсия ҳанӯз дар Рими қадим маълум буд. Аммо он вақт баъзе санадҳои муҳимтарини шоҳон, ки муносибатҳои ба сохтори давлатӣ алоқамандро ба танзим меандохтанд. Бо ин сабаб дар як вақт чандин Конститутсияҳо амал мекарданд. Бо ҳамин шакл ва мазмун Конститутсия дар баъзе мамлакатҳои Аврупо дар асрҳои миёна низ ба вуҷуд омад.

Дар шакл ва мазмуни ҳозираи худ Конститутсия дар натиҷаи ғалабаи инқилоби буржуазӣ-демократӣ ва ба сари ҳокимияти давлатӣ омадани синфи нави буржуазия пайдо гардид. Конститутсияи ҳозиразамон якумин шуда дар ИМА соли 1787 қабул гардид ва соли 1789 амалӣ гардид.

Конститутсия ҳамчун ҳуҷҷати сиёси мазмуни ба худ хос дорад. Одатан, дар он шакли ҳуқуқии масъалаҳои муҳимтарини ба соҳибхитиёри давлат, шакли он, ба ҳокимияти давлатӣ, сохтори давлатӣ, ҳолати ҳуқуқии инсон ва шаҳрванд, шаклҳои моликият алоқаманд, муқаррар карда мешавад.

Аз мунозираҳо фақат он чиз ба назари мо ғолиби диққат аст, ки Конститутсия ҳуҷҷати оддӣ набуда, ҳуҷҷати муҳими созишиест, ки дар он манфиати тарафҳо ба қадри зарурӣ инъикос ёфтааст.

Соҳибистиклол гаштани ҶТ ба қабули сарқонуни нави он асос мегирад. Дар он хусусиятҳои ҶТ ҳамчун давлати соҳибхитиёр, демократӣ, ҳуқуқбунёд, дунявӣ, ягона ва иҷтимоӣ эълон гардидаанд. Гарчи баъзе меъёрҳои он бо Конститутияти пешина умумият дорад, вале баробари ин бисёр ҳолатҳои наво муқаррар карда шудаанд, ки хусусиятҳои давраи нави давлатдорӣ ҶТ-ро инъикос мекунад.

Сарчашма асосии Конститутияти нави ҶТ Эълумияи истиқлолияти ҶТ Соли 1990-1991 аст, ки дар он ба таври сиёсӣ ҳуқуқӣ соҳибхитиёри давлатии Тоҷикистон эълон гардидааст. Маҳз дар он якумин бор эълон карда шудааст, ки дар марзи Тоҷикистон ҳукмравоии Конститутияти ҶТ ва қонунҳои он муқаррар карда мешавад. Инчунин муайян карда буд, ки Эълумияи мазкур барои таҳияи Конститутияти нави ҶТ асос мебошад.

Моҳияти Конститутияти нави ҶТ ирода ва манфиати халқи ҶТ буда, мувофиқи он меъёрҳои муқаррар мекунад, ки таркиби сохтори ҷамъият, сохтори давлат, низомии мақомоти давлатӣ, ҳолати ҳуқуқии инсон

ва шахрванд, вазъи ҳуқуқии шахсони мансабдор ва доираи салоҳияти онҳоро муайян менамояд.

Пеш аз ҳама Конститутсия ҳамчун қонуни асосии давлат ва ҷамъият шинохта шудааст.

Конститутсия на фақат қонуни асосӣ, балки санади махсуси ҳуқуқиест, ки бо эътибори олии ҳуқуқии худ аз дигар қонунҳо фарқ мекунад. Ҳеч як қонуни дигар бо эътибори ҳуқуқии худ ба он баробар шуда наметавонад. Конститутсия ҚТ дорои ҳамаи он хусусиятҳои мебошад, ки умуман ба қонунҳо хосанд. Баробари ин, ӯ хосиятҳои ҳуқуқие дорад, ки қонуни махсус будан ва нисбат ба дигар қонунҳо бартарӣ ва қувваи махсуси ҳуқуқи доштани ӯро нишон медиҳад.

Пайдоиш ва инкишофи Конститутсияҳои ҚТ бо барпоёбӣ ва ташаккули давлати миллии тоҷик мувофиқи қарори КИМи ИҶШС аз 27-уми октябри соли 1924 дар ҳайати ИҶШС Ўзбекистон ташкил ёфт.

Дар санадҳои анҷумани якуми Шӯроҳои ҚТ ва қарорҳои аз тарафи мақомоти олии ҷумҳурӣ то анҷумани дуюм қабул шуда бисёр масъалаҳои муҳими ҳаёти иқтисодӣ, иҷтимоӣ, фарҳангӣ, ва сиёсӣ ҳал гардиданд. Масалан, Эълomia дар бораи миллиқунонии замин, об, қаръи замин ва бешазорҳои ҚМШС Тоҷикистон аз 10-уми декабри соли 1926 молиқияти хусусиро ба замин ва об дар ҚТ бекор карда онҳоро дастраси умум гардонид.

Анҷумани дуюми ҚМШС Тоҷикистон 28-уми апрели соли 1929 Конститутсияи аввалини ҷумҳуриро қабул кард. Он мувофиқи Конститутсияи ҚМШС соли 1924 ва Конститутсияи ҚШС Ўзбекистон соли 1927 тайёр карда шуда буд. Конститутсияи ҚМШС Тоҷикистон бо ҳуқуқҳои мухторӣ ба ҳайси Ўзбекистон даромадани Тоҷикистонро ба тарзи конституционӣ ба расмият даровард.

Баъди ташкилҳои Ҷумҳурии Иттифоқи Тоҷикистон масъалаи аз ҷиҳати ҳуқуқӣ ба танзим андохтани вазъи Конститутсионии он пеш омад. Дар қарори анҷумани сеюми Шӯроҳои Тоҷикистон дар бораи ташкилҳои ҚШС Тоҷикистон ба Ҳуқумати ҷумҳурӣ супориш дода шуд, ки Конститутсияи ҷумҳурии иттифоқии Тоҷикистонро тартиб дода, барои қабул пешниҳод намояд.

Анҷумани чоруми Шӯроҳои Тоҷикистон 25-уми феввали соли 1931 Конститутсияи аввалини ҷумҳурии иттифоқи Тоҷикистонро қабул кард. Он мувофиқи Конститутсияи ИҶШС соли 1924 тайёр карда шуда, ба ҳолату меъёрҳои он мувофиқ буд. Конститутсия вазифаи худро дар он меид, ки диктатураи пролетариатро таъмин намуда, коммунизмо дар ҚТ амалӣ гардонад.

Ба Конститутсияи соли 1931 мувофиқи супориши мақомоти давлатии иттифоқӣ, анҷумани панҷуми Шӯроҳои Тоҷикистон моҳи январии соли 1935 тағйироту иловаҳо дароварда, дар таҳрири нав тасдиқ намуд. Дар он эълон

карда шуд, ки ҶШС Тоҷикистон давлати сотсиалистии диктатураи пролетариат буда, вазифаҳои худро дар асоси иттифоқи коргарон ва деҳқонон ба амал мебарорад.

1-уми март соли 1937 Конституцияи ҶШС Тоҷикистон қабул гардид, ки он моҳиятан, шаклан ва мазмунан бо Конституцияи иттифоқ айнан буда, фақат оид ба баъзе ҷузъиёт аз он фарқ мекард. Ин Конституцияҳо хусусияти иттифоқии давлатро боз ҳам маҳдуд намуда, барои ба давлати марказонидашудаи абарқудрат табдил ёфтани Иттиҳоди Шӯравӣ заминаи ҳуқуқӣ гузоштааст.

Конституция Тоҷикистон соли 1937 ба ҷои низоми мақомоти давлатии пешина низоми нави мақомоти давлатиро муқаррар кард.

Нисбати ҳуқуқу озодиҳои конституционӣ низ бояд қайд кард, ки гарчи номгӯи онҳо афзуда бошад ҳам кафолати ҳақиқии татбиқи онҳо хеле маҳдуд буд. Ин Конституция 41 сол амал кард ва дар ин муҳлат ба он қариб ҳазор (1000) маротиба тағйироту илова ворид гарида шудааст.

Конституцияи ҶШС Тоҷикистон соли 1978 зиёда аз 16 сол амал кард, вале тақдирӣ он бо тақдирӣ Конституцияи иттифоқӣ як буд. Аз ин сабаб бо Конституцияи нав иваз гардонидани он сабабҳои объективӣ дошта, асоснок карда шуда буд.

Давраи нави инкишофи конституционӣ Тоҷикистон бо марҳаллаи бозсозии ҷамъияти Шӯравӣ, чараёни тайёр кардани лоиҳаи шартномаи нави иттифоқӣ ва дар асоси он кор кардабароии лоиҳаи конституцияи нави ИҶШС рост меояд. Ҳанӯз дар охири солҳои 80-ум баробари муайян кардани тарҳи Конституцияи иттифоқӣ дар Тоҷикистон ҳам кори тағйироту илова даровардан ба Конституцияи амалкардаистода ва муайян кардани самтҳои асосии тайёр кардани Конституцияи нави ҶТ оғоз ёфта буд.

Мувофиқи қарори Шӯрои Олии Тоҷикистон аз 23-август соли 1990 комиссияи Конституционӣ оид ба тайёр кардани лоиҳаи Конституцияи нави Тоҷикистон бо сардории Раиси Шӯрои Олии Тоҷикистон, котиби якуми КМ ПК Тоҷикистон Қ.Махкамов, дар ҳайати 53-нафар ташкил ёфт. Бо ташаббуси кумитаи қонунгузории Шӯрои Олии Тоҷикистон дар назди комиссияи Конституционӣ гурӯҳи кори иборат аз 25-нафар, асосан шумораи олимони намоёни соҳаи ҳуқуқ ва иқтисодиёт, илму фарҳанг ва ғайра ташкил ёфт. Тобистони соли 1991 онҳо варианти аввали лоиҳаи Конституцияи нави ҶТро, ки он аз муқаддимаи мухтасар, 7-фасл, ки баъзеи онҳо ба бобҳо ҷудо мешуданд, иборат аз 150 модда тайёр карданд. Давоми кори тайёр кардани лоиҳаи Конституцияи ҶТ моҳи августи соли 1991, ки ба вайронии Иттиҳоди ҶШС оварда расонд, мавқуф гузошта шуд.

Давраи дуюми кори тайёр кардани лоиҳаи Конституцияи ҶТ ба ҳайати Иттиҳоди Давлатҳои Мустақил ҳамчун давлати соҳибхитӣ сар шуд. Мувофиқи қарори Шӯрои Олии ҶТ аз 3-январ соли 1992 ба ҳайати

комиссияи Конституцсионии тағйирот дароварда шуд. Раиси комиссия Раиси чумхур Р. Набиев тасдиқ гардид. Мувофиқи амри Раиси чумхур аз 10-уми феврالی соли 1992 гурӯҳи кори дар ҳайати 9-нафар ташкил ёфт. Ин гурӯҳ дар мӯҳлати муқаррар шуда лоиҳаи Конституцсияро тайёр карда ба Шӯрои Олии ҶТ пешниҳод кард ва он бо қарори худ аз 22-юми апрели ҳамон сол лоиҳаро ба муҳокимаи умумихалқӣ тавсия намуд.

Лоиҳаи Конституцсияи нави ҶТ 28-уми апрели соли 1992 дар матбуот барои муҳокима интишор гардид. Мӯҳлати ҷамъбасти муҳокима якуми июли соли 1992 муқаррар шуд. Лоиҳаи мазкур аз муқаддимаи мухтасар, 7 фасл, ки баъзеи онҳо ба бобҳо ҷудо шудаанд, аз 12 боб ва 136 модда иборат буд.

Бояд қайд кард, ки рафти тайёр кардан ва муҳокимаи лоиҳаи Конституцсияи нав ба давраи хеле пурпечутоб ва мураккаби ҳаёти иҷтимоӣ-сиёсии чумхурӣ рост омад. Бинобар ин лоиҳаи Конституцсияи навро дар ҳамаи шаҳру ноҳияҳо ба қадри даркорӣ муҳокима карда натавонистанд. Хусусан, ҷанги граждани, ки дар вилояти Кулоб ва Қурғонтеппа авҷ мегирифт, ба муҳокимаи васеи лоиҳаи Конституцсия дар ин минтақа имкон надод. Ин ҳолат дар қарори Раёсати Шӯрои Олӣ аз 21-уми июли соли 1992 ва қарори Шӯрои Олӣ аз 14-уми августи соли 1992 муфассал қайд ёфта буд. Шӯрои Олӣ бо Комиссияи конституцсионӣ супориш дод, ки дар муҳлати 2-моҳ натиҷаи муҳокимаро ҷамъбаст карда ба Шӯрои Олӣ пешниҳод кунад, то ки сари вақт он ба раёспурсӣ гузошта шавад. Вале баъдтар рафти ҳодисаҳои сиёсӣ ба он оварда расонданд, ки қор аз болои ин лоиҳа тамоман қатъ гардид.

Саршавии давраи сеюми кори тайёр кардани лоиҳаи Конституцсияи нави ҶТ бо қарори иҷлосияи ҳабдахуми Шӯрои Олӣ аз 26-уми июни соли 1993 дар бораи тағйир додани ҳайати Комиссияи конституцсионӣ алоқаманд аст. Мувофиқи қарори раиси Комиссияи Конституцсионӣ Эмомалӣ Раҳмон Раиси Шӯрои Олии ҶТ интихоб гардид. 4-уми сентябри ҳамон сол (1993) якумин маҷлиси ин комиссия барпо гардид ва дар он зарурияти аз нав сар кардани қор оиди лоиҳаи Конституцсия қайд гардид. Супориш дода шуд, ки гурӯҳи кории нав ташкил карда, лоиҳаи Конституцсияи нави ҶТ бо зудди тайёр карда шавад.

Дар аввали моҳи апрели соли 1994 лоиҳаи Конституцсияи навро дар ду вариант: лоиҳаи Конституцсияи чумхурии президентӣ, лоиҳаи конституцсияи чумхурии порлумониро гурӯҳи кории комиссияи конституцсионӣ пешниҳод кард. Комиссияи конституцсионӣ баъди омӯхтану муҳокимаи онҳо барои ба муҳокимаи мардум пешниҳод кардан варианти лоиҳаи Конституцсияи чумхурии президентиро тавсия кард. Раёсати Шӯрои Олӣ бо қарори худ аз 13-уми апрели соли 1994 лоиҳаро интишор кард ва ба комиссияи конституцсионӣ супориш дод, ки таклифу эродҳои мардумро оиди такмил додани лоиҳа ба ҳисоб гирад ва ба лоиҳа тағйиротҳои лозимӣ дароварда, то 1-уми июли соли 1994 онро ба Раёсати Шӯрои Олӣ пешниҳод намояд. Лоиҳаи Конституцсияи нави ҶТ 21-22

апрели соли 1994 дар рӯзномаҳои ҚТ интишор гардид ва муҳокимаи он оғоз ёфт. Лоиха иборат аз муқаддимаи мухтасар, 10-боб ва 100-модда буд.

7-уми сентябри соли 1994 иҷлосияи бистуми Шӯрои Олии ҚТ муҳлати анҷоми райпурсиро аз 25-уми сентябр то 6-уми ноябр дароз кард. Азбаски маъракаи интихоботи Раиси ҷумҳур ва райпурсӣ оид ба Конститутсия дар як вақт ва якҷоя мерафт, бо ин сабаб диққати мардум асосан ба интихобот ҷалб гардида, қариб дар хусуси Конститутсия ҳеҷ гуна муҳокима намерафт ва дар хусуси камбудӣ ё нуқсонҳои он ҳеҷ чиз гуфта намешуд.

6-уми ноябри соли 1994 Конститутсияи давлати соҳибхитиёри Тоҷикистон дар райпурсӣ қабул гардид. Натиҷаи расмӣ райпурсӣ чунин буд. Дар 64 ҳавзаи овоздиҳӣ 2685724 шаҳрванд ба рӯйхат гирифта шуд, дар райпурсӣ 2535437 нафар ё ки 94,4 % ширкат варзиданд, ба тарафдории Конститутсия 2352554 нафар ё ки 87,59%, муқобили Конститутсия 105300 нафар ё ки 3,92% овоз доданд. Бо ҳамин натиҷаи Конститутсияи ҚТ соли 1994 маъқул доништа шуд, ба амал даромад.

Конститутсияи мазкур аз 10-боб ва 100-модда иборат аст. Конститутсия аз муқаддимаи мухтасар, ки пеш аз бобҳои Конститутсия дода шудааст, сар мешавад. Гарчи дар он меъёрҳои ҳуқуқӣ ҷой надорад, вале бо вучуди ин ҳолатҳои он барои тамоми матни Конститутсия хусусияти заминавӣ дорад. Чунки дар онҳо аз номи халқи Тоҷикистон сабабу асосҳои қабули ин Конститутсия ва мувофиқи мақсаду мароми халқ муқаррар кардани меъёрҳои конституционӣ нишон дода шудааст. Ҳар як қисми муқаддима бо ин ё он бобу моддаҳои Конститутсия алоқамандӣ дорад.

Боби якуми Конститутсия аз 13-модда иборат буда дар онҳо хусусиятҳои ҚТ ҳамчун давлат, рамзҳои давлатӣ, дахлнопазирии инсон ва ҳуқуқҳои инкоршавандаи ӯ, соҳибхитиёрии халқ, ягонагии давлат ва сохти марзию маъмурии он кафолати гуногунии равияҳои сиёсӣ ва мафкуравӣ, таҷзияи ҳокимияти давлатӣ, эътибори олии Конститутсия ва таъсири ҳуқуқи байналмиллалӣ ба Конститутсия ва қонунҳои ҚТ, самтҳои асосии сиёсати хориҷ, гуногуншаклии моликият ва объектҳои моликияти истисноии давлат муқаррар ва нишон дода шуда аст.

Боби дуюми Конститутсия ҳолати ҳуқуқии инсон ва шаҳрвандро ба танзим андохта, усул ва кафолати ҳуқуқу озодӣ ва вазифаҳои онҳоро муқаррар кардааст. Дар Конститутсияи нав боби дуюм аз 34-модда ва дар Конститутсияи пешина фасли дуюм аз 37-модда иборат буд.

Бобҳои 3, 4, 5, 6, 8 ва 9 Конститутсия низоми мақомоти давлатии Тоҷикистонро муқаррар карда, тартиби ташкилҳои ва салоҳияти онҳоро дар асоси усули таҷзияи ҳокимияти давлатӣ ба танзим даровардааст. Ба ҷои Шӯрои Олӣ, ташкили Маҷлиси Олӣ ҳамчун мақоми олии намояндагӣ ва қонунгузории ҚТ, ба ҷои Президиуми Шӯрои Олӣ, Раёсати Маҷлиси Олӣ, ба ҷои Раиси Шӯрои Олӣ, Раиси Маҷлиси Олиро муқаррар кард. Низоми мақомоти иҷроия бошад, аз Раиси ҷумҳур ва Ҳукумат, ки ӯ ба он сардорӣ мекунад, иборат аст.

Дар боби ҳафтум ҳолати ҳуқуқии ВМКБ дар ҳайати Тоҷикистон танзим шудааст. Меъёрҳои ин боб нисбат ба меъёрҳои ВМКБ бахшидаи Конститутсияи соли 1978 муфасалтар баъзе ҳуқуқҳои мухтории вилоятро нишон додаанд. Инчунин муқаррар карда шудааст, ки вазъи ҳуқуқии ин вилоятро қонуни конститусионӣ ба танзим мебарорад.

Боби охири ба тартиби тағйири Конститутсия бахшида шудааст. Дар он тартиби нисбатан мураккаби тағйир додан ва илова даровардан ба Конститутсия пешбинӣ шудааст.

Ҳамин тариқ, мазмуни Конститутсияи ҚТ соли 1994 давраи ҳозираи барпоёбии давлати соҳибхитӣ Тоҷикистон ва хусусиятҳои он, ҳолати ҳуқуқии инсон ва шахрванд, вазъи ҳуқуқии ВМКБ ва сохти марзию маъмурии Тоҷикистон, низом, тарзи ташкилӣ ва фаъолияти мақомоти давлатии ҷумҳуриро инъикос мекунад.

*Романовская Любава Ростиславовна,
кандидат юридических наук, доцент,
юридический факультет Нижегородского
государственного университета им. Н.И.
Лобачевского;*

*Фомичев М.В.,
кандидат юридических наук, доцент,
юридический факультет Волжской академии
водного транспорта, Н.Новгород*

К ВОПРОСУ ИЗУЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННО- КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ГОСУДАРСТВАХ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Одним из базовых принципов современных демократических государств является светскость государства. В современной России на конституционном уровне закреплено, что никакая идеология или религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной (ст.13, 14 Конституции РФ). Похожие формулировки имеются в конституциях государств, некогда входящих в Союз Советских Социалистических Республик. После тотального господства коммунистической идеологии и отсутствия какой-либо альтернативы, подобная конституционная норма выглядит обосновано и разумно. Отсутствие единой идеологии и общеобязательной религии дает личности возможность свободного выбора как партийной принадлежности, так и религиозных убеждений¹.

Теоретически, эта политика отражает западное понимание сущности и социального назначения государства и права. Но она не учитывает особенности «восточной цивилизации», к которой условно можно отнести большую часть территории стран СНГ. Это привело к тому, что обратной стороной постсоветского процесса деидеологизации стала потеря идеологических ориентиров как на государственном уровне, так и в недрах гражданского общества².

¹ Андреев К.М. Право на религиозную тайну в Российской Федерации (вопросы теории и практики): монография. – М.: Юриспруденция, 2014. – 184 с.

² Михайлик А.Г., Сальников М.В. Геополитические и ресурсно-экономические детерминанты функционирования современного государства: политико-правовой анализ // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2002. – №3 (15). – С.19; Зоиров Д.М., Сальников М.В. Национальная политика СССР как фактор формирования постсоветского геополитического пространства // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2002. – №3 (15). – С.80–85; Сальников В., Сальников М. Правовая онтология гражданского сознания // Юридический мир. – 2005. – №11. – С.48–53; Сальников В.П., Сальников М.В., Биктасов О.В. Онтологическо-правовые основания гражданского сознания // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2005. – №3. – С.7–13.

На протяжении многих веков религия играла роль мировоззренческой системы, или идеологии. Это, к примеру, роль ислама в истории Таджикистана, или православия – в истории России. В XXI веке во многих государствах религия продолжает оставаться актуальной идеологической системой – это мусульманские страны арабского востока, Индия, Израиль.

В результате перестройки, Россия вступила в XXI в. без четкой общенациональной идеологии. Возникший после отказа от коммунистической идеи идеологический вакуум стремительно начал заполняться западной идеологией общества потребления. Все это не может не беспокоить многих глобально мыслящих людей – ученых, философов, религиозных деятелей, писателей и т.д. Смогут ли Таджикистан, Кыргызстан, Туркменистан, Российское государство сохранить свою самобытность, свою целостность, свой народ, свое влияние на мировой арене, во многом зависит от того, как грамотно будет осуществляться идеологическая функция, как выстроится межконфессиональные и государственно-конфессиональные отношения, а также от того, сможет ли государство взять на себя бремя нравственного воспитания своих граждан.

Однако любые перекосы здесь могут иметь значительные негативные последствия. Исторический опыт показывает, что навязывание многоконфессиональному обществу единых религиозных традиций (через средства массовой информации, через школьное и высшее образование, посредством прямого закрепления в законе и т.д.) не приводит к положительному результату¹. В государствах, где в течение многих лет проживают люди, исповедующие ислам и христианство, буддизм и иудаизм, необходимо очень бережно и аккуратно решать вопросы государственно-конфессионального характера. Нельзя забывать и о том, что Россия на протяжении многих столетий представляла собой образец «исламо-христианского пограничья, в рамках которого с одной стороны происходит социокультурное и этнокультурное взаимопроникновение обеих общин, а с другой – консервация собственных традиций, что в конечном итоге обуславливает их отчужденность друг от друга»². Национальные политико-правовые традиции продолжают играть серьезную роль в жизни российского общества³. Современная Россия

¹ История таджикского народа. Том 2: Эпоха формирования таджикского народа / под ред. академика Академии наук Республики Таджикистан Н.Н. Негматова. – Душанбе: АН Республики Таджикистан, 1999. – 791 с.; Сафаров Б.А. Формирование раннего исламского государства. – Душанбе, 2011. – 200 с.

² Малашенко А.В. Исламское возрождение в современной России. – М., 1998. – С.17.

³ Гумилев Л.Н. От Руси к России: очерк этнической истории / Послесловие С.Б. Лаврова. – М.: Экспрос, 1994. – 336 с.; Сальников В.П., Сальников М.В. Национально-этнические ценности в правовой культуре и политико-правовых традициях // Вестник Башкирского университета. – 2014. – Т.19. – №3. – С.950–956; Сальников В.П., Сальников М.В. Правовая культура и политико-правовые традиции в контексте абсолютных ценностей // Юридическая мысль. – 2014. – №4. – С.70–86; Сальников В.П., Сальников М.В. Правовая

активно сотрудничает с мусульманскими странами ближнего и дальнего зарубежья в рамках международных организаций ШОС, ЕврАзЭС, ОИК¹ и других, однако, ислам и исламские институты – это фактор не только внешней, но и внутренней политики, это часть российской истории и культуры, неотъемлемая сторона образа жизни многих российских мусульман. Особенно близкими и продуктивными во всех смыслах являются российско-таджикские отношения, развитию которых служит правильная конфессиональная политика в обоих государствах².

Необходимо отметить особую роль религии в Таджикистане, где советская атеистическая пропаганда не смогла уничтожить народную веру, народный ислам. Люди продолжали следовать мусульманским обычаям. Наряду с народным исламом, сохранившимся в быту, в годы советской

культура и правовая традиция в их категориальном соотношении и понимании // Правовое государство: теория и практика. – 2014. – №3 (37). – С.13–19; Сальников М.В. Генезис и эволюция российской политико-правовой традиции (историко-теоретический и сравнительно-правовой анализ): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – СПб., 2005. – 53 с.; Сальников М.В. Геополитические, экономические и социо-культурные факторы в контексте становления и динамики развития национальной политико-правовой традиции в России // Правовое поле современной экономики. – 2012. – №11. – С.47–66; Сальников М.В. Национальное и универсальное начала в политико-правовой традиции (теоретико-правовой и аксеологический анализ) // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – №10 – С.11–32; Сальников М.В. Политико-правовая традиция, правовая культура и правовая система: к вопросу о соотношении категорий // Мир политики и социологии. – 2012. – №9. – С.153–156; Сальников М.В. Политико-правовая традиция: социальный феномен и категория политического правоведения // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – №11. – С.151–166; Сальников М.В. Традиционализм как политико-правовой феномен: методология познания и исследования // Мир политики и социологии. – 2012. – №11. – С.169–179; Сальников М.В. Эволюция отечественной политико-правовой традиции: некоторые проблемы соотношения статического и динамического начал // Правовое поле современной экономики. – 2013. – №9. – С.62–81; Сальников С.П. Правовые идеалы российского общества второй половины XIX – начала XX веков // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2006. – №1 (29-1). – С.107–108.

¹ Шанхайская организация сотрудничества, Евроазиатское Экономическое сообщество, Организация Исламская конференция (Россия имеет в ней статус наблюдателя).

² Зоиров Д.М. Таджики: от государства Саманидов до суверенной государственности (Историко-правовой анализ). – СПб.: Реноме, 2014. – 287 с.; Зоиров Д.М., Сафаров Б.А. Суверенная государственность на постсоветском пространстве: предпосылки и процесс формирования (на примере Республики Таджикистан): монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет». – 2012. – 336 с.; Зоиров Д.М. Введение в государствоведение: методология исследования государственности: учебное пособие. – Душанбе: Российско-Таджикский Славянский университет, 2013. – 79 с.; Зоиров Д.М., Сафаров Б.А. Государственность на постсоветском пространстве: предпосылки суверенитета // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – №11. – С.25–34; Диноршоев А.М. Механизм защиты прав человека в Республики Таджикистан. – Душанбе, 2014. – 152 с.; Диноршоев А.М., Сафаров Б.А. Формирование идей прав человека в Таджикистане: история и современность: монография. – Волгоград, 2014. – 296 с.; Маджидзода Д.З. (Зоиров Дж.М.). Конституция Республики Таджикистан: 20 лет. – Душанбе: Эр-граф, 2014. – 152 с.

власти не исчез и институциональный ислам, в основном в среде немногочисленного официального духовенства и академических ученых. Благодаря деятельности таджикской гуманитарной интеллигенции издавались произведения суфийской литературы, труды по исмаилизму. Атеистическая пропаганда не имела в Таджикистане таких «успехов» и последствий, как в России, где религиозные традиции были загнаны в глубокое подполье. Советский строй не причинил вреда, а даже способствовал развитию таджикской культуры.

Ученые Таджикистана и в период советской власти имели доступ к работам зарубежных теоретиков мусульманской общественно-политической мысли. Они могли изучать опыт арабских стран, Ирана и Пакистана. На рубеже 80-90-х годов именно гуманитарные институты разрабатывали идею национального возрождения, обращаясь в исламской традиции как к цементирующей основе нации¹.

Современные ученые в различных странах понимают необходимость изучения истории становления и развития взаимоотношений государственной власти и религиозных конфессий. Анализ исторического опыта взаимодействия светской власти с религиозными объединениями позволяет, с одной стороны, определить оптимальную государственную политику в сфере отношений с религиозными объединениями, а с другой – понять культурные особенности религиозной жизни государства.

Особый интерес вызывает вопрос развития государственно-конфессиональных отношений в конце XIX – начале XX века. В первые десятилетия XX века в России происходил «довольно редкий в мировой истории системный сдвиг, оказавший значительное влияние не только на Россию, но и на всю мировую цивилизацию»². Изучение исторических проблем на подобных «стыках истории» необходимо, поскольку дает ценный опыт для понимания глобальных исторических процессов.

Государственно-конфессиональные отношения всегда привлекали большое внимание исследователей. В дореволюционной историографии, как отмечают исследователи, по сравнению с мусульманским явное предпочтение отдавалось «польскому» и особенно «еврейскому» вопросам³. Однако в связи с актуализацией «мусульманского вопроса» в имперской вероисповедной политике (последние десятилетия XIX в. – начало XX в.) началась довольно активная научная разработка исламской тематики в России. В частности, были переведены и изданы отдельные

¹ Мамадазимов А. Новый Таджикистан. Вопросы становления суверенитета. – Душанбе, 1996. – С.88.

² Карпенкова Т.В. Политика самодержавия в отношении мусульманского населения России: Вторая половина XIX – февраль 1917 г.: дис. ... д-ра ист. наук. – М., 2005. – С.9.

³ См.: Гильмутдинов Д.Р. Ислам и государство в средневолжском регионе России в 1970-1917 гг. (на материале Казанской губернии): дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 2005. – С.12.

работы западных ученых¹, а также появились и собственные исследователи вопроса – А.Е.Крымский, В.В.Бартольд, Н.Н.Остроумов, С.Г.Рыбаков². Что касается вероисповедной политики Российского государства в данный период, то широкое движение за вероисповедные реформы в начале XX в. привело к появлению многочисленных работ как светских, так и духовных авторов, где свидетели и участники соответствующих событий анализировали и оценивали их смысл и последствия³.

Специальных работ советского времени о вероисповедных реформах в России практически нет. Основная масса литературы советского периода, в той или иной мере касавшаяся ислама, имела антимусульманскую направленность и была подчинена задаче антирелигиозной пропаганды и атеистического воспитания. Разоблачалось христианизаторско-русификаторское направление национальной политики самодержавия, акцентировалось внимание на повышении уровня общего развития национальных меньшинств с приходом к власти большевиков⁴.

С середины 80-х гг. начинает проявляться все возрастающий интерес к религиозной тематике среди отечественных ученых. Распад Советского Союза, ряд межнациональных конфликтов на его бывшей территории поставили перед российской наукой вопрос о необходимости углубленного и всестороннего изучения истории государственно-исламских отношений и

¹ Мюллер А. История ислама с основания до новейших времен: Тт. 1-4: Пер. с нем. – СПб., 1895-1896; Гольдциэр И. Ислам: пер. И.Крачковского. – СПб., 1911.

² Крымский А.Е. Мусульманство и его будущность: прошлое ислама, современное состояние мусульманских народов, их умственные способности, их отношение к европейской цивилизации. – М., 1899; Он же. Школа, образованность и литература у российских мусульман: (Культурно-этнографический очерк): Пер. с укр. // Этнографическое обозрение. – 1904. – Кн. 63. – №4. – С.1-23; Остроумов Н.Н. Современное правовое положение мусульманской женщины. – Казань, 1911; Он же. К истории мусульманского образовательного движения в России в XIX и XX столетиях // Мир ислама. – 1913. – Т.2. Вып. V. – С.302-326; Бартольд В. В. Культура мусульманства. – Пг., 1918; Рыбаков С.Г. Ислам и просвещение инородцев в Уфимской губернии. - СПб., 1900; Он же. Статистика мусульман в России // Мир ислама. – 1913. – Т.2. Вып. XI. – С.757-763; Он же. Устройство и нужды управления духовными делами мусульман в России. – Пг., 1917.

³ Арсеньев К.К. Свобода совести и веротерпимость: сб. ст. – СПб., 1905; Айвазов И.Г. Религиозная правда русского самодержавия. – М., 1910; Карташев А.В. Русская церковь в 1905 г. – СПб., 1906; Мельгунов С.П. Церковь и государство в России. Т.1. – М., 1907; Познышев С.В. Религиозные преступления с точки зрения религиозной свободы. – М., 1906; Рейснер М.А. Государство и верующая личность. – Спб., 1905; О свободе вероисповеданий: Сообщение преосв. Антония, архиепископа Волынского, VI Отделу присутствия // Прибавления к «Церковным ведомостям». – 1906. – №26. и др.

⁴ См., напр.: Аршаруни А., Габидуллин Х. Очерки панисламизма и пантюркизма в России. – М., 1931; Ибрагимов Г. Татары в революции 1905 года. – Казань, 1926; Климович Л. Ислам в царской России. – М., 1936; Людмилин А.С. Контрреволюция в рясах и чалмах в 1906 году в бывшей Казанской губернии. – Казань, 1932; Нафигов Р.И. Формирование и развитие передовой татарской общественно-политической мысли (Очерк истории 1895 – 1917 гг.). – Казань, 1964; Ишмухаметов З.А. Социальная роль и эволюция ислама в Татарии (Исторические очерки). – Казань, 1979

духовной культуры мусульманских народов России и СНГ. С этой целью в последние десятилетия были проведены научные и научно-практические конференции, защищены диссертации, опубликован ряд монографий¹ и множество статей, посвященных указанным вопросам. Особый интерес для исследователей, изучающих историю тюрко-мусульманских народов России начала XX столетия и их правовое положение, представляют работы уфимских историков А.Б.Юнусовой, Фаизова Г.Б., Ногманова А.И., Ямаевой Л.А.² и казанских исследователей Хабутдинова А.Ю., Мухаметшина Р.М., Гильмутдинова Д.Р., Усмановой Д.М. и др.³ Нельзя не упомянуть и о работах нижегородского историка Сенюткиной О.Н., которая, в частности, занималась исследованием мусульманских съездов, проводимых в Нижнем Новгороде⁴. Институт философии и политологии Комитета Науки Министерства образования и науки Республики Казахстан выпустил сборник материалов по вопросам государственно-конфессиональных отношений, в котором отмечается, что Казахстанский опыт созидания межрелигиозного согласия и национального единства дает пример многим государствам. В основе этого опыта – многовековое сосуществование ислама и православия и желание верующих отстоять традиционные ценности перед лицом неверия и секулярного мира⁵. В Таджикистане вопросы государственно-конфессиональных отношений исследуются, в частности, такими авторами как Махмадиев Нозим Давлатмуродович⁶, Абдулло Хаким Рахнамо¹ и другими.

¹ Ланда Р.Г. Ислам в истории России. – М., 1995; Басилов В. Н. Ислам у казахов. – М., 1996; Малашенко А.В. Мусульманский мир СНГ. – М., 1996; Его же. Исламское возрождение в современной России. – М., 1998; и др.

² Юнусова А. Б. Ислам в Башкирии: 1917-1994. – Уфа, 1994; Фаизов Г.Б. Государственно-исламские отношения в Поволжье и Приуралье. – Уфа, 1995; Ногманов А.И. Российское законодательство и ислам (вторая половина XVI - начало XX вв.) // Шариат: теория и практика. / под ред. А. Б. Юнусовой. – Уфа, 2000. – С.102-115; Ямаева Л.А. Либеральное общественно-политическое движение российских мусульман в начале XX в.: дис. ... д-ра ист. наук. – Уфа, 2003.

³ Хабутдинов А.Ю. Татарское общественно-политическое движение в первой четверти XX века: дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 1996; Он же. Татарское общественное движение в российском сообществе (конец XVIII - начало XX веков): дис. ... д-ра ист. наук. – Казань, 2002; Мухаметшин Р.М. Ислам в общественной и политической жизни татар и Татарстана в XX веке. – Казань, 2004; Усманова Д.М. Мусульманские депутаты в Государственной думе Российской империи (1906-1917 гг.): дис.... д-ра ист. наук. – Тт.1-2. – Казань, 2004.

⁴ Сенюткина О.Н. Первый съезд мусульман России – Н.Новгород, 2005; Она же. Третий съезд мусульман России (к 100-летию становления парламентаризма в России). – Н.Новгород, 2006.

⁵ Актуальные вопросы государственно-конфессиональных отношений в Республике Казахстан: сборник материалов. – Алматы: Институт философии и политологии КН МОН РК, 2012. – С.15-16.

⁶ Махмадиев Н.Д. Социальные корни религиозного экстремизма в Таджикистане: дис. ... к. философ. наук. – Душанбе, 2012.

Таким образом, к настоящему времени в российской науке и в науке стран СНГ, в которых ислам является традиционной религией большей части населения, наметился устойчивый интерес к изучению государственно-конфессиональных отношений. Этот интерес необходимо поддерживать и развивать, опираясь на научные достижения историков и правоведов, философов и политологов. Правильно выстроенные государственно-конфессиональные отношения являются надежным фундаментом стабильного развития общества, гарантом его спокойствия и процветания.

¹ Абдулло Х.Р. Частное религиозное образование в Таджикистане: современное положение, проблемы и выводы. // Ислам в Содружестве Независимых Государств. – 2011. – №4(5); Абдулло Р. Ислам и национальная безопасность в Таджикистане. – Душанбе: Ирфон, 2011.

*САЗОН Константин Дмитриевич,
старший преподаватель кафедры
конституционного и международного права
учреждения образования «Академия
Министерства внутренних дел Республики
Беларусь», кандидат юридических наук*

О НАЦИОНАЛЬНЫХ СИСТЕМАХ УБЕЖИЩА В ГОСУДАРСТВАХ – УЧАСТНИКАХ СОДРУЖЕСТВА НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ

События последнего времени ярко свидетельствуют о важности конституционного императива, предписывающего государству обязанность по созданию и поддержанию внутреннего и международного порядка, необходимого для полного осуществления прав и свобод граждан. Вместе с тем общественно-политическая обстановка в отдельных государствах мира (Афганистан, Ирак, Сирия, Украина) вынуждает граждан покидать территорию этих стран и искать защиты у других государств. В международной практике получил признание подход, в соответствии с которым предоставление иностранному гражданину или лицу без гражданства защиты со стороны другого государства означает предоставление такому лицу убежища.

Принимая во внимание тенденции интеграции и консолидации государств в решении гуманитарных проблем современности, актуальным направлением развития юридической науки следует признать исследование практики функционирования отдельных правовых институтов с целью формулирования репрезентативных выводов и практических рекомендаций, направленных на совершенствование внутригосударственного законодательства. По этой причине в рамках настоящей статьи будут рассмотрены особенности организации национальной системы убежища в практике государственного строительства государств – участников Содружества Независимых Государств (далее – СНГ).

Проведенный этимологический анализ показал, что под словом «убежище» понимается место, где можно укрыться, найти приют от чего-либо. При этом в своем специальном значении слово «убежище» рассматривается применительно к «праву убежища»¹. В этой связи представляется обоснованным обращение к законодательной практике государств – участников СНГ с целью установления нормативного содержания исследуемого понятия.

Вначале отметим, что в юридической науке не предложен унифицированный подход определения содержания понятия «убежище», о чем свидетельствует анализ специальной литературы по исследуемой проблематике². Вместе с тем обращение к научным публикация различных

¹ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М., 2008. – С. 821.

² Васильева Л.А. Институт убежища в Республике Беларусь: теоретико-правовой аспект // Белорусский журн. междунар. права и междунар. отношений. – 2001. – № 4

исследователей позволяет сделать вывод о том, что с точки зрения современной юридической доктрины убежище является собой защиту, предоставляемую преследуемым лицам. При этом в качестве элементов такой защиты называют: прием на жительство; невыдачу / невысылку лиц, ищущих убежище и пользующихся им; обеспечение их безопасности; предоставление таким лицам основных прав и свобод.

Обращает на себя внимание тот факт, что на нынешний день в конституциях и нормативных правовых актах отраслевого законодательства большинства государств – участников СНГ, как правило, не содержится определение понятия «убежище», что, на наш взгляд, в значительной степени влияет не только на точное понимание содержания института убежища, но и на правоприменительную практику.

В рассматриваемом аспекте необходимо привести позицию молдавского законодателя по вопросу определения содержания рассматриваемого понятия. Закон Республики Молдова от 18 декабря 2008 года №270-XVI «Об убежище в Республике Молдова» содержит следующую дефиницию: «убежище – правовой институт, посредством которого государство оказывает защиту иностранцам, предоставляя им статус беженца, гуманитарную, временную защиту или политическое убежище» (абз. 3 ч. 1 ст.3).

Закон Республики Казахстан от 4 декабря 2009 года № 216-IV «О беженцах» (ред. 03.07.2013) под убежищем понимает предоставление защиты на территории Республики Казахстан лицам, его ищущим, путем присвоения статуса беженца (п.5. ч.1 ст.1).

Схожий подход находит свое отражение и в законодательной практике Республики Армения, где согласно ст. 2 Закона Республики Армения от 27.11.2008 г. ЗР-211Н «О беженцах и убежище» убежище определяется как защита, предоставляемая иностранному гражданину или лицу без гражданства в Республике Армения, которая гарантирует применение принципа невысылки, а также всех прав, предусмотренных Конвенцией ООН о статусе беженцев 1951 года и действующим армянским законодательством.

Следует заметить, что подход молдавского законодателя отличается объемом своего правового содержания, поскольку идентифицирует убежище как правовой институт, сущностным ядром которого является

[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://evolutio.info/content/view/451/52/>. (дата доступа: 02.10.2014); Селиванов А.В. УВКБ ООН и формирование системы защиты беженцев в Республике Беларусь. – Минск : Тесей, 2006. – 160 с.; Master glossary of terms. Rev.1 / Division of international protection services United Nations High Commissioner for Refugees / Сайт УВКБ ООН [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.unhcr.org/refworld/docid/42ce7d444.html>. (дата доступа: 02.10.2014); Воронина Н.А. Миграционное законодательство России: состояние, проблемы, перспективы: моногр. – М.: «Спутник+», 2010. – 221 с.; Гудвин-Гилл Г.С. Статус беженца в международном праве. пер. с англ. // под. ред. М.И. Левиной. – М.: Юнити, 1997. – 647 с.; Зливко А.П. Конституционно-правовое регулирование предоставления убежища в странах Западной Европы (сравнительно-правовой анализ): дис. ...канд. юрид. наук. – М., 2004. – 161 с.

предоставление различных форм защиты, в то время как казахстанская законодательная практика отождествляет убежище с предоставлением лицу статуса беженца. Принимая во внимание, что вопрос дифференциации различных форм защиты будет рассмотрен нами ниже, далее предлагается обратиться к российскому законодательству.

Обращаясь к белорусскому законодательному опыту, отметим, что в настоящее время правовая система этого государства не имеет легального нормативного определения рассматриваемого понятия. Вместе с тем обращение к практике государственного строительства Республики Беларусь позволяет констатировать, что формами защиты, которые могут быть предоставлены иностранным гражданам и лицам без гражданства в Республике Беларусь, являются: «убежище», «статус беженца», «дополнительная защита» и «временная защита». Аналогичные формы защиты предусмотрены и законодательством Украины.

Российская государственно-правовая реальность характеризуется наличием таких разновидностей убежища, как «политическое убежище», «признание лица беженцем» и «временное убежище»¹.

В Республике Молдова защита преследуемых иностранных граждан и лиц без гражданства осуществляется посредством предоставления указанным лицам «политического убежища», «статуса беженца», «гуманитарной защиты» и «временной защиты»².

В таких государствах, как Азербайджанская Республика, Республика Армения, Республика Казахстан, Кыргызская Республика, Республика Таджикистан и Туркменистан, национальная система убежища предполагает возможность предоставления двух форм защиты: «политического убежища» и «статуса беженца». В свою очередь, опыт государственного строительства Республики Узбекистан свидетельствует о наличии только одной формы – «политического убежища», предоставляемого в соответствии с п. 22 ст. 93 Конституции Республики Узбекистан президентом этого государства³.

Таким образом, на основе краткого анализа опыта государственного строительства в сфере предоставления убежища в государствах – участниках СНГ можно сделать вывод о том, что в настоящее время в регионе существуют три государственно-правовые модели организации системы убежища: полиазильная, дуазильная и моноазильная (Азиль (от лат. *asylum*, от греч. *asylon*: а – отрицательная частица и *syle* – добыча) – место, где преступники и гонимые находили безопасное убежище).

Полиазильная модель убежища предусматривает возможность

¹ Официальный сайт ФМС России [Электронный ресурс]. – 2014. – Режим доступа: http://www.fms.gov.ru/government_services/asylum/. (дата доступа: 02.10.2014).

² Конвенция ООН о статусе беженцев 1951 года // Бюл. междунар. договоров. 1993. № 9. С. 6–28.

³ Конституция Республики Узбекистан (принята 8 декабря 1992 года на одиннадцатой сессии Верховного Совета Республики Узбекистан двенадцатого созыва) / Законодательство Республики Узбекистан [Электронный ресурс]. – 2014. – Режим доступа: http://www.pravo.uz/resources/z_konst.php. (дата доступа: 04.10.2014).

предоставления трех (Российская Федерация) и более (Беларусь, Молдова, Украина) форм защиты. Дуазильная модель характеризуется наличием двух форм защиты: политического убежища и статуса беженца (Азербайджан, Армения, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан). В свою очередь, моноазильная модель предполагает существование только одной формы защиты (Узбекистан).

Учитывая изложенное, считаем необходимым заметить, что наличие одновременной возможности предоставления различных видов убежища предполагает, на наш взгляд, обладание каждой из них собственной формально-содержательной идентичностью. Представляется, что краткая характеристика указанных выше разновидностей убежища позволит установить основания их дифференциации.

Так, политическое убежище имеет такое наименование в силу того обстоятельства, что предоставляется в основном известным политическим деятелям¹, и для его получения лицо должно опасаться преследований по политическим мотивам². Например, согласно ст. 3 Закона Республики Армения «О политическом убежище», целью предоставления данной формы убежища является защита на территории Республики Армения иностранного гражданина, получившего такой статус, от политических преследований, которым он подвергался в стране его гражданства или постоянного местожительства или мог подвергаться в этой стране³. При этом законодательством государств – участников СНГ устанавливается, что решение о предоставлении политического убежища принимается главой государства⁴.

Следующей формой защиты, имеющей место в конституционной практике государств – участников СНГ, является «статус беженца». В молдавском законодательстве «статус беженца» определяется как «признанная Республикой Молдова форма защиты иностранного лица или лица без гражданства, соответствующая условиям, предусмотренным Конвенцией о статусе беженцев, подписанной в Женеве 28 июля 1951 года, а также Протоколом о статусе беженцев от 31 января 1967 года». Укажем, что в соответствии со статьей 1 данной конвенции беженцем признается

¹ Волох В.А. Формирование и реализация государственной политики Российской Федерации в сфере вынужденной миграции (на примере института предоставления убежища): дис. ... канд. полит. наук. – М., 2007. – С. 147.

² Большой юридический словарь / под ред. проф. А.Я. Сухарева. – 3-е изд., доп. и перераб. – М.: ИНФРА-М, 2007. – С. 778; Червонюк В.И. Конституционное право России. – М.: ИНФРА-М, 2003. – С. 236.

³ О политическом убежище: закон Республики Армения, 26 октября 2001, № ЗР-229 / Законодательство стран СНГ [Электронный ресурс]. – 2014. – Режим доступа: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=10676. (дата доступа: 01.10.2014).

⁴ О Комиссии по вопросам гражданства при Президенте Республики Казахстан: указ Президента Республики Казахстан, 10 октября 2006, № 198 / Информ.-правовая система нормативно-правовых актов Респ. Казахстан «Адилет». [Электронный ресурс]. – 2014. – Режим доступа: <http://adilet.zan.kz/rus/docs>. (дата доступа: 06.10.2014); Конституции Российской Федерации: К 20-летию принятия Основного закона: Текст. Комментарии. Алфавитно-предметный указатель. – М.: Статут, 2013. – 160 с.

такое лицо, которое по причине наличия у него вполне обоснованных опасений стать жертвой преследований по признаку расы, вероисповедания, гражданства, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений¹. Очевидно, что представленный перечень оснований преследования лица шире по своему содержанию рассмотренных ранее оснований предоставления политического убежища.

Еще одна особенность «статуса беженца», на наш взгляд, заключена в составе субъектов, уполномоченных рассматривать ходатайства и принимать решения о предоставлении лицу такого статуса. Стоит сказать, что в государствах – участниках СНГ решение о предоставлении статуса беженца принимается не главой государства, как в случае с политическим убежищем, а органом исполнительной власти, уполномоченным на осуществление государственной политики в сфере миграции, или его должностным лицом. Например, в Российской Федерации таким органом является Федеральная миграционная служба. В Азербайджане выполнение задачи по предоставлению статуса беженца возлагается на Государственную миграционную службу Азербайджанской Республики². Решение аналогичной задачи в Республике Беларусь осуществляется Департаментом по гражданству и миграции Министерства внутренних дел³.

Что же касается выделения такой разновидности убежища, как «дополнительная защита», то в данном случае речь идет о признанной на международном уровне необходимости обеспечения защиты лиц, находящихся вне пределов действия Конвенции ООН о статусе беженцев 1951 года, поскольку считается, что дополнительная защита позволяет оценить потребность лица в международной защите на более широкой основе, чем она определена в Конвенции ООН 1951 года о статусе беженцев⁴.

Анализ законодательства государств – участников СНГ⁵ позволил автору в обобщенном виде представить некоторые отличительные черты

¹ Конвенция ООН о статусе беженцев 1951 года // Бюл. междунар. договоров. 1993. № 9. С. 6–28.

² О создании Государственной миграционной службы Азербайджанской Республики: Указ Президента Азербайджанской Республики, 19 марта 2007, № 560: в ред. Указа Президента Азербайджанской Республики от 13.09.2013 / Законодательство стран СНГ. [Электронный ресурс]. – 2014. – Режим доступа: http://base.spinform.ru/show_doc. (дата доступа: 03.10.2014).

³ О некоторых вопросах органов внутренних дел Республики Беларусь: указ Президента Республики Беларусь, 04.06.2004, № 268 // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2014.

⁴ Jane McAdam. Complementary protection: A Comparative Perspective. United Nations High Commissioner for Refugees Regional Office for Australia, New Zealand, Papua New Guinea and the South Pacific. – 2005. – № 2. – P. 5–15.

⁵ Об убежище в Республике Молдова: закон Республики Молдова, 18 декабря 2008, № 270 / Центр гос. информ. ресурсов [Электронный ресурс]. – 2014. – Режим доступа:

«дополнительной защиты» как вида убежища. Во-первых, дополнительная защита предоставляется только таким лицам, которым не может быть предоставлен статус беженца. При этом решение о предоставлении дополнительной защиты принимается после рассмотрения вопроса о возможности признания лица беженцем и предоставлении ему соответствующего статуса. Во-вторых, основаниями предоставления анализируемой разновидности убежища являются не признаки лица, находящиеся в основании его преследования, а обстоятельства, свидетельствующие о наличии угрозы его жизни и здоровью. Такими обстоятельствами являются: а) угроза применения смертной казни; б) угроза применения пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания; в) угроза жизни и здоровью по причине возникшего насилия в условиях вооруженного конфликта международного и немеждународного характера.

Далее представляется возможным остановиться на краткой характеристике такой защиты, как временная. В настоящее время практика государственного строительства зарубежных стран исходит из понимания того, что временный характер должна носить та защита, которая необходима в случае невозможности по объективным причинам эффективного решения вопроса по определению правового статуса лица, которое ходатайствует о предоставлении убежища.

Проведенный анализ законодательства государств – участников СНГ показал, что «временная защита» также обладает рядом отличительных признаков. Во-первых, рассматриваемая форма защиты носит исключительный характер и предоставляется в случае массового прибытия на территорию государства иностранных граждан и лиц без гражданства. Во-вторых, временная защита носит не индивидуальный, а коллективный характер, поскольку предоставляется на групповой основе. В-третьих, цель предоставления временной защиты – обеспечение безопасности лиц, прибывших в массовом порядке, с последующим установлением на индивидуальной основе потребности в предоставлении одного из таких видов убежища, как статус беженца или дополнительная защита, что, на наш взгляд, свидетельствует о прелиминарном характере такой защиты.

Подводя итог, следует отметить, что в настоящее время законодательство большинства государств – участников СНГ предусматривает возможность предоставления защиты различным категориям лиц, ищущих убежища. Определение конкретной формы защиты зависит от оснований преследования таких лиц либо от обстоятельств, создающих угрозу их жизни и здоровью. При этом

<http://www.registru.md>. (дата доступа: 02.10.2014); О беженцах и лицах, которые требуют дополнительной или временной защиты: Закон Украины // Официальный вестник Украины. – 2011. – № 59. – Ст. 2347; О предоставлении иностранным гражданам и лицам без гражданства статуса беженца, дополнительной и временной защиты: Закон Респ. Беларусь, 23 июня 2008, № 354-3 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2014.

белорусская государственно-правовая модель убежища характеризуется наличием четырех форм защиты, что, на наш взгляд, соответствует мировым тенденциям построения национальной системы убежища и позволяет дифференцировать потоки лиц, ищущих убежища, а также обеспечить защиту их прав и свобод в соответствии с международными стандартами. Вместе с тем одной из проблем, влияющих на состояние законности в рассматриваемой сфере, на наш взгляд, является отсутствие унифицированного легального определения понятия «убежище». Полагаем, что устранение указанного пробела позволит обеспечить однозначность толкования нормативных предписаний и формирование единообразной правоприменительной практики.

*САИДОВ Зикрулло Алиевич,
начальник факультета №5 Академии МВД
Республики Таджикистан, кандидат
юридических наук, полковник милиции,*

*ХАЙРУЛЛОЕВ Фаррух Сайфуллоевич,
юрист-консультант МОО «Право и
процветание», кандидат юридических наук,*

*ЁРМАТОВ Худойдод А.,
юрист-консультант МОО «Право и
процветание»*

ПРИНУДИТЕЛЬНОЕ ВЫДВОРЕНИЕ: ПРОБЛЕМЫ НЕКОТОРЫХ НОВОВВЕДЕНИЙ В ЗАКОН РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН «О БЕЖЕНЦАХ»

Законом Республики Таджикистан от 26 июля 2014 года, №1124¹ были внесены некоторые изменения и дополнения в действующий Закон Республики Таджикистан «О беженцах» (далее – **Закон О беженцах**) от 10 мая 2002 года, №533. Среди них очень актуальна, на наш взгляд, новелла о принудительном выдворении с территории Республики Таджикистан. Здесь следует заметить, что в действующем законодательстве Республики Таджикистан уже есть такие меры высылки иностранных граждан и лиц без гражданства как административное выдворение и выдворение (или депортация²). Однако, как можно предположить, эти меры оказываются недостаточны, чтобы урегулировать отношения в области пребывания и проживания иностранных граждан и лиц без гражданства на территории Таджикистана.

Согласно дополненному абзацу в часть 1 статьи 5 **Закона О беженцах** органы внутренних дел осуществляют в пределах своей компетенции принудительное выдворение лиц, ищущих убежище, и беженцев в случае их отказа добровольно покинуть территорию Республики Таджикистан, в соответствии с законодательством Республики Таджикистан.

Как видно из приведенного выше положения данная мера административного характера может применяться лишь в отношении такой категории иностранных граждан как лица, ищущие убежище и беженцы. Так как новелла конкретно говорит о специальных субъектах, она не может быть распространена на других иностранных лиц и лиц без гражданства, которые не являются лицами, ищущими убежище и беженцами.

Согласно статье 2 **Закона О беженцах** беженец является лицо, которое не является гражданином Республики Таджикистан и находится на её

¹ Садои мардум. – 6 август. – 2014. – №89-92 (3235-3238).

² Нами сознательно сделано данное замечание, так как во всех случаях использования в законодательстве РТ термина «выдворение», по своей сущности, подразумевает именно депортацию.

территории в силу вполне обоснованных опасений стать жертвой преследований в государстве своей гражданской принадлежности по признаку расы, религии, гражданства, национальности, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений и которое не может либо не желает вследствие таких опасений пользоваться защитой этого государства, или лицо, которое, не имея определенного гражданства и находясь в Республике Таджикистан вследствие подобных обстоятельств, не может или не желает вернуться в государство своего постоянного местожительства в силу таких опасений. Что касается лица, ищущее убежище, то им признается иностранный гражданин или лицо без гражданства, которое покинуло страну своего гражданства или прежнего места жительства с намерением ходатайствовать о приобретении статуса беженца в Республике Таджикистан.

Второе, что бросается в глаза из содержания обсуждаемой новеллы, это то, что субъектом осуществления принудительного выдворения являются органы внутренних дел, т.е. городские и районные органы Министерства внутренних дел (далее – ОМВД). Таким образом, наравне с судом, органами охраны границы, Комитетом государственной национальной безопасности Республики Таджикистан и Генеральной прокуратурой Республики Таджикистан, которые, соответственно компетентны, рассматривать вопрос об административном выдворении и выдворении (или депортации) появился еще один государственный орган, осуществляющий схожее мероприятие, как принудительное выдворение – ОМВД. При всем этом, в действующем законодательстве РТ не предусмотрен порядок принятия решение о принудительном выдворении. Так как ОМВД лишь осуществляют принудительное выдворение, поэтому о принятии решения по принудительному выдворению можно говорить с некоторыми предположениями и в разрезе, имеющих схожих правовых положений.

Например, предполагается, что несмотря на то, что в нововведенном положении в **Закон О беженцах**, не расписан порядок обжалования решения о принудительном выдворении, т.е. в нем отсутствует какое-либо специальное положение об обжалования, принятого решения, поэтому согласно действующему гражданско-процессуальному законодательству можно обжаловать решение в судебном порядке. Так, согласно ч.1 ст. 256 Гражданско-процессуального кодекса Республики Таджикистан от 5 января 2005 года, №341, гражданин вправе обратиться в суд с заявлением об оспаривании решения, действия (бездействия) органа государственной власти, органа местного самоуправления, должностного лица, государственного служащего, в течение *трех месяцев* со дня, когда ему стало известно о нарушении его прав и свобод.

Далее, очень важно отметить об основаниях осуществление принудительного выдворения, потому что, как мы считаем, именно здесь можно проследить очередную и действительную процедуру обжалования решения о принудительном выдворении и именно здесь видно решение какого государственного органа принудительно исполняется, которое в

нововведении **Закона О беженцах** называется принудительное выдворение. Согласно **Закону О беженцах** основанием для осуществления принудительного выдворения является отказ лица, ищущие убежище или беженца добровольно покинуть территорию Республики Таджикистан (абзац 19 ч. 1 ст.5). Это означает то, что в отношении указанных лиц уже принято соответствующее решение уполномоченного государственного органа, остается лишь его осуществить.

Так как согласно абзацам 2 и 3 ч.2 ст.5 **Закона О беженцах** орган государственной национальной безопасности по согласованию с Генеральной прокуратурой Республики Таджикистан принимает решения по выдворению лиц, в отношении которых принято решение об отказе в регистрации ходатайства о предоставлении статуса беженца и получении статуса беженца, утрате и лишении статуса беженца совместно с членами их семей, не покинувшими в установленный срок территорию Республики Таджикистан, а также осуществляет выдворение лиц, в отношении которых принято решение об их выдворении в случаях, если выдворяемые в течение одной недели после принятия данного решения не обратились в вышестоящий орган или суд, то становится очевидным то, что ОМВД осуществляют принудительное выдворение лиц, ищущих убежище и беженцев, в отношении которых принято судебное решение об их административном выдворении и они использовали все возможности обжалования в судебных инстанциях согласно Административно-процессуальному кодексу Республики Таджикистан (далее – **АПК РТ**) от 22 июля 2013 года, №975, и судебное решение об их административном выдворении не изменилось и вопреки этому лицо, ищущие убежище или беженец не желают добровольно покинуть территорию страны.

К данному выводу наводит также и смысл ст. 239 **АПК РТ**, согласно которому ОМВД исполняют постановление об административном выдворении иностранных граждан и лиц без гражданства за пределы Республики Таджикистан при совершении административных правонарушений, нарушающих режим пребывания (проживания) в Республике Таджикистан либо нарушающих иммиграционные правила. Мы считаем, что если законодатель не связывает принудительное выдворение с исполнением постановления об административном выдворении, предусмотренного **АПК РТ**, то введение нового положения о принудительном выдворении в **Законе О беженцах** является абсурдным, не имеющее под собой никакого обоснования и не отвечающее требованиям Закона Республики Таджикистан «О нормативно-правовых актах» от 26 марта 2009 года, №506. Так, если предположить, что принудительное выдворение понимается как выдворение (или депортации), потому что выдворение само по себе является принудительным актом, то согласно ст. 40 вышеназванного закона в тексте нормативного правового акта не допускается употребление разных понятий (терминов), в одном значении. Если предположить, что принудительное выдворение является самостоятельной административной мерой, то **Закон О беженцах** не достаточно точно определил процедуру принудительного выдворения,

которая позволяет с легкостью нарушать права и свободы, а также законные интересы лиц, ищущих убежище и беженцев.

Поэтому принудительное выдворение, по нашему мнению, считается действие ОМВД по исполнению постановление суда об административном выдворении. В таком случае остается лишь напомнить, что постановление по делу об административном правонарушении подлежит исполнению с момента вступления его в законную силу (ч.2 ст.217 АПК РТ).

Согласно ст. 218 АПК РТ исполнение постановления по делу об административном правонарушении осуществляется в порядке, установленном законодательством Республики Таджикистан.

В случае рассмотрения жалобы или протеста на постановление по делу об административном правонарушении или на последующее решение по жалобе или протесту, вступившим в законную силу, постановление по делу об административном правонарушении направляется судьбе, в уполномоченные государственные органы (должностным лицам), правомочным обращать его к исполнению, в течение трех суток после его вступления в законную силу.

В случае, если постановление по делу об административном правонарушении не было обжаловано или опротестовано в установленные сроки, указанное постановление направляется в уполномоченные государственные органы (должностным лицам), правомочным обращать его к исполнению, в течение трех суток со дня его вступления в законную силу, а в случае рассмотрения жалобы или протеста, - в течение трех суток после поступления решения по жалобе или протесту из суда, уполномоченных государственных органов (от должностных лиц), вынесшего решение.

Постановление по делу об административном правонарушении направляется уполномоченному государственному органу (должностному лицу), правомочному приводить его в исполнение, в течение трёх суток после вступления его в законную силу.

В соответствии со ст.240 АПК РТ исполнение постановления об административном выдворении иностранных граждан и лиц без гражданства за пределы Республики Таджикистан производится путем официальной передачи иностранного гражданина или лица без гражданства официальному представителю государства, на территорию которого указанное лицо выдворяется, либо путем самостоятельного выезда лица, подлежащего административному выдворению за пределы Республики Таджикистан.

Об административном выдворении иностранного гражданина или лица без гражданства из пункта пропуска через Государственную границу Республики Таджикистан уведомляются органы иностранного государства, на территорию или через территорию которого указанное лицо выдворяется, если административное выдворение предусмотрено международным договором Республики Таджикистан с указанным государством.

В случае, если передача лица, подлежащего административному

выдворению за пределы Республики Таджикистан, представителю иностранного государства не предусмотрена международным договором Республики Таджикистан, лицо выдворяется в месте, определяемом органами по охране границы.

Исполнение постановления об административном выдворении за пределы Республики Таджикистан иностранного гражданина или лица без гражданства оформляется в виде одностороннего или двустороннего акта.

До административного выдворения за пределы Республики Таджикистан иностранный гражданин или лицо без гражданства по решению суда могут содержаться в специальных помещениях.

В конце хотелось бы предложить, чтобы новые законы принимались с конкретными положениями, устанавливающие конкретный порядок реализации и применения права. Юридические конструкции не должны быть непонятные и загадочные, от которых что-либо бы предполагалось.

САЛЬНИКОВ Михаил Викторович,
Президент фонда поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности «Университет», доктор юридических наук, профессор,

РЕУФ Владислав Маркович,
доцент кафедры теории и истории государства и права Самарского юридического института ФСИН России, кандидат юридических наук

ЧРЕЗВЫЧАЙНАЯ СИТУАЦИЯ И ОГРАНИЧЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ ГРАЖДАН (НА ПРИМЕРЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН)

В настоящее время вопросы, связанные с обеспечением прав человека и их реализацией, занимают одно из первых мест в перечне наиболее актуальных проблем современности. Развитие общества обусловило не только осознание ценности и неотъемлемости основных прав и свобод, но и поставило весьма остро вопрос об их защите от противоправных посягательств, в том числе и со стороны органов власти¹. Международно-

¹ Сальников В.П. Право и свобода в качественной иерархии ценностей личности // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – 2006. – №9. – С.6–15; Сальников В.П., Сальников М.В. Национально-этнические ценности в правовой культуре и политико-правовых традициях // Вестник Башкирского университета. – 2014. – Т.19. – №3. – С.950–956; Сальников В.П., Сальников М.В. Правовая культура и политико-правовые традиции в контексте абсолютных ценностей // Юридическая мысль. – 2014. – №4. – С.70–86; Сальников В., Сальников М. Правовая онтология гражданского сознания // Юридический мир. – 2005. – №11. – С.48–53; Сальников В.П., Сальников М.В., Биктасов О.В. Онтологическо-правовые основания гражданского сознания // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2005. – №3. – С.7–13; Сальников М.В. Национальное и универсальное начала в политико-правовой традиции (теоретико-правовой и аксеологический анализ) // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – №10 – С.11–32; Сальников М.В. Равноправие граждан перед законом как условие стабильности общества // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2003. – №1 (17). – С.103–104; Право и общество: от конфликта к консенсусу: монография / Честнов И.Л. и др.; под общ. ред. В.П. Сальникова, Р.А. Ромашова. – СПб., 2004. – 480 с.; Морозова Л.А., Сальников В.П., Федоров А.Б. Права человека и статус правоохранительных органов (материалы симпозиума в Санкт-Петербургском юридическом институте МВД России) // Государство и право. – 1994. – №11. – С.81; Сальников В.П., Цмай В.В. Современная система защиты прав человека // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1999. – №1. – С.82; Сальников В.П. Конституция Российской Федерации как фундамент построения правового государства // Юридический мир. – 2005. – №9. – С.50; Хабриева Т.Я., Чиркин В.Е. Теория современной конституции. – М.: Норма, 2005. – 320 с.; Сальников В.П. Гарантии конституционных прав и свобод граждан России как механизм их социально-правовой защиты // Права человека в России и правозащитная деятельность государства: Сборн. матер. Всеросс. науч.-практ. конф., Москва, 12 мая

правовые акты, принятые во второй половине XX века, создали не только систему гарантий прав человека, но и выработали реальные механизмы их защиты вне национальных границ¹.

2003 г. / под ред. В.Н. Лопатина. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – С.62–66; Хабриева Т.Я. Право граждан на обращение: проблемы правового регулирования // Права человека в России и правозащитная деятельность государства: Сборн. матер. Всеросс. науч.-практ. конф., Москва, 12 мая 2003 г. / под ред. В.Н. Лопатина. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – С.54–61; Диноршоев А.М. Закрепление прав и свобод человека в Конституции Республики Таджикистан. – Душанбе, 2014. – 144 с.; Маджидзода Д.З. (Зоиров Дж.М.). Конституция Республики Таджикистан: 20 лет. – Душанбе: Эр-граф, 2014. – 152 с.; Шахрай С.М. О Конституции: Основной закон как инструмент правовых и социально-политических преобразований / Отд-ние общественных наук РАН. – М.: Наука, 2013. – 919 с.; Шахрай С.М. Неизвестная Конституция. *Constitutio incognita*. – М.: Красная звезда, 2013. – 320 с.; Российская правозащитная политика: монография / под ред. А.В. Малько. – М.: Юрлитинформ, 2014. – 248 с.; Конституция, судебная власть и права человека в Российской Федерации: матер. докл. и сообщ. участн. межвуз. научн-практ. конф., посвященной памяти проф. В.А. Ржевского / отв. ред. Н.С. Бондарь. – Ростов-на-Дону: РостГУ, 2006. – 295 с.; Бондарь Н.С. Аксиология судебного конституционализма: конституционные ценности в теории и практике конституционного правосудия. Серия «Библиотечка судебного конституционализма». Вып. 2. – М.: Юрист, 2013. – 176 с.; Медведев С.М., Числов А.И. Права, свободы, законные интересы граждан и органы местного самоуправления: монография / под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2013. – 232 с. – (Серия: «Безопасность человека и общества»); Диноршоев А.М., Сафаров Б.А. Формирование идей прав человека в Таджикистане: история и современность / под общ. ред. Ф.Т. Тахирова. Волгоград, 2014. – 195 с.; Зоиров Д.М. Таджики: от государства Саманидов до суверенной государственности (Историко-правовой анализ). – СПб.: Реноме, 2014. – 287 с.; Зоиров Д.М., Сафаров Б.А. Суверенная государственность на постсоветском пространстве: предпосылки и процесс формирования (на примере Республики Таджикистан): монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет»; 2012. – 336 с.; Зоиров Д.М., Сафаров Б.А. Государственность на постсоветском пространстве: предпосылки суверенитета // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – №11. – С.25–34; Диноршоев А.М. Механизм защиты прав человека в Республике Таджикистан. – Душанбе, 2014. – 152 с.; Диноршоев А.М. Права человека в истории общественной мысли. – Душанбе, 2013. – 190 с.; Права человека и правовое социальное государство в России / отв. ред. Е.А. Лукашева. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. – 400 с.; Эбзеев Б.С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации: монография. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2013. – 656 с.; Комаров С.А., Ростовщиков И.В. Личность. Права и свободы. Политическая система. – СПб.: Юридический институт (Санкт-Петербург), 2002. – 336 с.; Российская Конституция: первые 20 лет: Цикл лекций в Государственной Думе. 18 марта – 22 апреля 2013 года. – М.: Издание Государственной Думы, 2013. – 216 с.

¹ См.: Всеобщая декларация прав человека 1948 г.; Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г.; Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 г.; Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных и унижающих достоинство видов обращения и наказания 1984г. Европейская конвенция прав человека и основных свобод 1950 г. и др.; Экимов А.И. Конвенция ООН против коррупции и ее юридическое значение для Российской Федерации // Правовые средства противодействия коррупции в Российской Федерации: матер. Всерос. научно-практ. интернет-конф., Москва, 27 ноября – 15 декабря 2013 г. – М.: РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2014. – С.150–155; Романовская В.Б. Постановления Европейского суда по правам

Вместе с тем, опыт развития многих государств показывает, что безоговорочная абсолютизация прав и свобод человека подчас не отвечает естественным и законным интересам государственного развития. Последние требуют, чтобы свобода индивида реализовывалась в определенных пределах, которые обеспечивали бы другому индивиду возможность реализовать свои права. Таким образом, ограничения прав человека носят вынужденный и естественный характер, наряду с их защитой.

Основа допустимости ограничения прав человека государствами была заложена еще во Всеобщей декларации прав человека 1948 года. Предусмотрев в статье 29 возможность такого ограничения, декларация выдвинула два критерия правомерного ограничения прав и свобод со стороны государства: во-первых, ограничение должно вводиться только на основании закона; во-вторых, это может происходить «исключительно с целью должного признания и уважения прав и свобод других лиц и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе»¹. Что касается цели отступления, она в соответствии с международным правом состоит в том, чтобы позволить государствам – участникам международной конвенции вернуться к нормальному состоянию, то есть восстановить конституционный порядок, при котором могли бы вновь гарантироваться в полном объеме права человека.

Основной проблемой в вопросах ограничения прав человека является установление принципов, пределов и оснований таких ограничений. Особенно это актуально в ситуациях внутренних кризисов. В этих условиях характер угроз таков, что от государства требуется принятие особых мер, которые существенным образом изменяют обычную жизнь населения, деятельность органов власти, и направлены на нормализацию обстановки в стране. В зависимости от источника опасности данные меры могут быть военным либо чрезвычайным положением.

В условиях чрезвычайного положения, когда одними правовыми средствами трудно или невозможно справиться с возникшими чрезвычайными обстоятельствами, государство вправе отступить от своих обязательств, гарантирующих права и свободы человека.

человека: юридическая характеристика // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. – 2008. – №2. – С.210–213; Романовская В.Б. Magna carta libertatum в контексте современной проблемы прав личности // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. – 2009. – №5. – С.258–261; Романовская В.Б., Сальников В.П. Акты Европейского суда по правам человека: некоторые дискуссионные вопросы // Мир политики и социологии. – 2014. – №10; Лаптев П.А. Российское правосудие и Европейский суд по правам человека // Права человека в России и правозащитная деятельность государства: сбор. матер. Всерос. научно-практ. конф., Москва, 12 мая 2003 г. / под ред. В.Н. Лопатина. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – С.24–31.

¹ Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г.) // Российская газета. – 5 апреля. – 1995. – №67.

Основными целями объявления чрезвычайного положения являются защита прав и свобод человека и гражданина и сохранение правопорядка. Вместе с этим, чрезвычайное положение допускает наиболее существенные ограничения прав и свобод личности. Необходимость ограничения прав и свобод в условиях чрезвычайного положения вызвана тем, что реализация некоторых прав и свобод может повлечь за собой усиление социальной напряженности, и эти ограничения используются в качестве превентивной меры. И.В. Гончаров отмечает, что в условиях чрезвычайного положения «реализация некоторых прав и свобод... может привести к дальнейшему увеличению социальной напряженности»¹.

Допустимость введения чрезвычайного положения предусмотрена большинством стран в мире. Это обусловлено тем, что в определённых чрезвычайных ситуациях, которые представляют собой реальную, чрезвычайную и неизбежную угрозу безопасности государства и его граждан, государство вынуждено временно ограничить закреплённые основным законом государства права и свободы личности, отступить от предусмотренных нормами международного права обязательств в области прав и свобод человека и гражданина².

Подобное временное отступление правомерно, если при введении чрезвычайного положения государством соблюдены предусмотренные международным правом обстоятельства для введения чрезвычайного положения и требования к осуществлению мер, характерных для этого чрезвычайного режима.

Международный пакт о гражданских и политических правах, принятый Генеральной Ассамблеей ООН 19 декабря 1966 г. устанавливает правило, что «Во время чрезвычайного положения в государстве, при котором жизнь нации находится под угрозой и о наличии которого официально объявляется, участвующие в настоящем Пакте государства могут принимать меры в отступление от своих обязательств по настоящему пакту только в такой степени, в какой это требуется остротой положения, при условии, что такие меры не являются несовместимыми с их другими обязательствами по международному праву и не влекут за собой дискриминации исключительно на основе расы, цвета кожи, пола, языка,

¹ Гончаров И.В. Обеспечение основных прав и свобод граждан в условиях чрезвычайного положения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1998. – С.13-14.

² Сальников В.П., Степашин С.В., Янгол Н.Г. Свобода личности и чрезвычайное законодательство: монография / под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб: Фонд «Университет», 2005. – 464с.; Янгол Н.Г. Правовой режим чрезвычайного положения, вводимый в условиях обострения социальных конфликтов: монография. – СПбГУАП, Санкт-Петербургский университет МВД России, 1999. – 144 с.; Савенков А.Н. Особенности организации надзора за соблюдением прав военнослужащих и других граждан в условиях проведения контртеррористической операции на территории Чеченской Республики // Права человека в России и правозащитная деятельность государства: сбор. Матер. Всерос. научно-практ. конф., Москва, 12 мая 2003 г. / под ред. В.Н. Лопатина. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – С.176–185.

религии или социального происхождения» (ст. 4 Пакта)¹. Введение чрезвычайного положения не может служить основанием для каких-либо отступлений от права на жизнь, запрета пыток или жестокого, бесчеловечного или иного унижающего достоинства обращения или наказания, запрета рабства, лишения человека свободы обращения.

Ограничение прав и свобод человека в условиях чрезвычайного положения не носит произвольного характера. Современные конституции в большинстве своем исходят из концепции правового государства, одним из признаков которого является признание естественного характера прав и свобод человека. Права человека стали частью фундаментального порядка государства, и они обязательны для законодательной, исполнительной власти и правосудия как непосредственно действующее право².

В ст.17 Конституции Российской Федерации говорится «В Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с настоящей Конституцией»³. Ст. 14 Конституции Республики Таджикистан так же как и Конституция РФ говорит, что «Права и свободы человека и гражданина регулируются и охраняются Конституцией, законами республики, признанными Таджикистаном международно-правовыми актами»⁴.

¹ Международный пакт о гражданских и политических правах // Международное гуманитарное право и права человека. – 1990. – №13. – С.7.

² Сальников В.П., Ромашов Р.А., Сальников М.В. Теория правового государства (попытка современной интерпретации) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2002. – № 3; Чукин С.Д., Сальников В.П., Балахонский В.В. Философия права: учебник. – М., 2002; Сальников В.П. Правовая культура как фактор стабилизации современного российского общества // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. – 2001. – №1. – С.187–189; Сальников В.П. Советское правовое государство и юридическая наука: (круглый стол, выступление) // Государство и право. – 1988. – №3. – С.65; Сальников В. Конституция Российской Федерации как фундамент построения правового государства // Юридический мир. – 2005. – №9. – С.50; Сальников В.П. Право и свобода в качественной иерархии ценностей личности // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – 2006. – № 9. – С.6–15; Лопатин В.Н. Права и свободы человека как источник права в современной России // Права человека в России и правозащитная деятельность государства: сбор. Матер. Всерос. научно-практ. конф., Москва, 12 мая 2003 г. / под ред. В.Н. Лопатина. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – С.74–83; Сальников В.П., Сальников М.В. Правовая культура и правовая традиция в их категориальном соотношении и понимании // Правовое государство: теория и практика. – 2014. – №3 (37). – С.13–19; Диноршоев А.М. Административное судопроизводство в Республики Таджикистан как способ защиты прав человека // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – №11. – С.175–178.

³ Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изм. и доп. на 21.07.2014г.) // СЗ РФ. – 2014. – №31. – Ст.4398.

⁴ Конституция Республики Таджикистан от 06.11.1994 (с изм. и доп. от 22.06.2003) // Конституции государств Азии. Т.2. Средняя Азия и Индостан. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Норма, 2010. – С.756-780.

Вместе с тем, следуя положениям Всеобщей декларации прав человека от 10 декабря 1948 г., и Международному пакту о гражданских и политических правах, принятый Генеральной Ассамблеей ООН 19 декабря 1966 г. ч. 3 ст. ст. 55 Конституции Российской Федерации определяет, что «Права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства», точно так же ч.3 ст. 14 Конституции Республики Таджикистан говорит: «Ограничения прав и свобод граждан допускаются только с целью обеспечения прав и свобод других граждан, общественного порядка, защиты конституционного строя и территориальной целостности республики». Поскольку режим чрезвычайного положения дает исключительно благоприятную возможность для произвольного ограничения прав и свобод, конституции жестко регулируют возможность такого ограничения. В частности ч.1 ст. 56 Конституции Российской Федерации говорится «В условиях чрезвычайного положения для обеспечения безопасности граждан и защиты конституционного строя в соответствии с федеральным конституционным законом могут устанавливаться отдельные ограничения прав и свобод с указанием пределов и срока их действия», а ч.3 этой же статьи устанавливает, что «Не подлежат ограничению права и свободы, предусмотренные статьями 20, 21, 23 (часть 1), 24, 28, 34 (часть 1), 40 (часть 1), 46 - 54 Конституции Российской Федерации». Точно так же ч.3 ст.14 Конституции Республики Таджикистан указывает «Ограничения прав и свобод граждан допускаются только с целью обеспечения прав и свобод других граждан, общественного порядка, защиты конституционного строя и территориальной целостности республики», а ч.1 ст. 47 устанавливает, что «В условиях чрезвычайного положения не могут быть ограничены права и свободы, предусмотренные в статьях 16, 17, 18, 19, 20, 22, 25 и 28 Конституции».

Следовательно, неизменными условиями возможного ограничения конституционных прав и свобод личности в Российской Федерации и Республике Таджикистан являются: во-первых, возможность ограничения прав и свобод личности только законом; во-вторых, допустимость ограничения прав и свобод личности только для достижения целей, закреплённых в Конституциях.

По мнению Д.А. Ковачева, юридическая регламентация режима чрезвычайного положения - «гарантия против произвольной деятельности государственных органов при чрезвычайных ситуациях и неотъемлемый элемент правового государства»¹.

Подводя итог вышесказанному, необходимо отметить, что Конституции Российской Федерации и Республики Таджикистан закрепляют возможность ограничения прав и свобод человека и

¹ Ковачев Д.А. О правовых институтах чрезвычайного режима в зарубежных государствах // Право и экономика. – 1996. – №12. – С.72.

гражданина в условиях чрезвычайного положения. Однако эти ограничения не носят произвольного характера, потому что они четко регламентированы Конституциями и законами стран.

Конституция Российской Федерации, Конституция Республики Таджикистан и принятые в соответствии с ними законы соответствуют международной практике ограничения прав и свобод граждан в условиях чрезвычайного положения и закрепляют комплексный подход к решению этой проблемы. Эти ограничения не должны повлечь за собой какую-либо дискриминацию по признаку пола, расы, национальности, языка, отношения к религии и по другим обстоятельствам.

В заключение можно прийти к выводу о том, что Российская Федерация и Республика Таджикистан путем жесткой юридической регламентации чрезвычайного положения соблюдают права и свободы человека и гражданина даже в кризисных условиях.

Тагойбеков Хукмиддин,
кандидат юридических наук, Курган-
Тюбинский государственный университет
имени Носира Хусрава,

Алимов Давлатали,
кандидат исторических наук,
Курган-Тюбинский государственный
университет имени Носира Хусрава

РОЛЬ КОНСТИТУЦИИ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАНА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В период независимого развития Таджикистана Конституция является самым значимым политико-правовым явлением, содержание которого не имеет аналога в предыдущей истории страны. Конституция принятым общенародным референдумом народом Таджикистана 6 ноября 1994 года по форме принятия отличается по сравнению с другими. В практике государственного строительства Таджикистана впервые принята Конституция путем всенародного голосования и это является новой философией современной национальной таджикской государственности. Великий таджикский народ после тысячелетия путем принятия Основного Закона, акта высшей юридической силы изъявил твердую волю и желание строить современное независимое, демократическое, правовое, светское, социальное государство с унитарным устройством, жить в мире и стабильности. Отрадно, что Конституция страны получила высокую оценку авторитетных международных организаций и зарубежных экспертов.

Конституция Республики Таджикистана рождалась в условиях, когда в стране прилагались усилия для стабилизации ее экономики, для более полного восприятия демократических норм и других достижений мировой цивилизации.

На основе Конституции, с учетом требований современности, в Таджикистане начались политические, правовые и социально-экономические реформы, этот процесс создал благоприятные условия эффективного развития различных направлений жизни общества.

После принятия Основного Закона разворачивается процесс формирования народа как целостности, утверждается государственность, рыночные отношения. В ней определены задачи, стоящие перед государством, заложены основы правовой системы государства, сформулированы основополагающие принципы, в соответствии с которыми складывается политическое единство общества, преодолеваются конфликты, строится вся политическая, государственная деятельность, закладываются основы законности и правопорядка.

Одним из основных этапов конституции касается всего общественного организма. Впоследствии чего, она кроме государственных организаций охватывает и негосударственные сферы, как, социально-

экономическое устройство, отношения в сфере гражданского общества, культурную жизнь, а также вопросов собственности, семейные отношения, образования, деятельность различных социальных групп. Нормы конституции, в целом оказывает формирующее воздействие на различные стороны общественной жизни, как, государственно-политическую, экономическую, социальную и духовную.

Прежде всего, как признаком государственности Основной Закон является Конституция. Она является основным источником права Республики Таджикистана и закрепляет в законодательном порядке результаты общественно-экономического развития страны, ее общественное и государственное устройство, взаимоотношения и полномочия высших органов власти, основы организации государственного управления и судебной системы, основные принципы избирательного права и правовое положение граждан.

Жизнь как высшая цель есть своего рода эквивалент других высших ценностей. Право на жизнь – это естественная, неотъемлемая от человека важность защиты неприкосновенности жизни и свободы распоряжения ею, гарантированная нормами внутреннего законодательства и международно-правовыми актами. Оно представляет собой высшую ценность, так как все остальные права утрачивают смысл и значение в случае гибели человека.

Право на жизнь традиционно считается, естественным и неотъемлемым правом любого человека. В различные эпохи проблема прав человека, неизменно оставаясь политико-правовой, приобретала различное значение.

Международное сообщество, признавая право на жизнь в качестве прирожденного права, устанавливает основные критерии, по которым каждое государство, заявляющее об уважении прав и свобод человека, должно определять свою позицию в отношении жизни каждого индивидуума.

С принятием Конституции Республики Таджикистан права и свободы человека признаны в качестве высшей ценности, они стали доминирующими в определении целей, содержания и применения законов, деятельности законодательной и исполнительной власти и обеспечиваются судебной властью. В рамках Конституции все основные права и свободы нашли всестороннее регулирование.

Принятием в 1994 г. Конституции Таджикистана завершился период перехода Республики от советской эры к эре суверенного, самостоятельного развития. Ее нормы и положения отражают современный этап социально-экономической и политической жизни Таджикистана как неотъемлемой части мирового сообщества. Международные правовые акты, признанные Таджикистаном, являются составной частью его правовой системы.

Конституция – плод сочетания разнонаправленных социальных интересов, юридическая форма их соединения, инструмент согласования противоречий. Необходимое условие действенности Конституции заключается в том, чтобы возвращение страны в цивилизованное

сообщество сопровождалось не гражданской войной, а гражданским миром.

Конституция как высший закон страны, основа правовой системы государства. Конституция призвана служить базой всего законодательства и определять несущие конструкции правового регулирования различных сторон общественной жизни. В системе источников права Конституция является высшим звеном правовых актов государства, законом законов. Обладая высшей юридической силой, она обладает прямым действием и применяется на всей территории страны; законы и иные правовые акты, противоречащие ей, не имеют юридической силы.

Провозгласив республиканскую форму правления, Конституция Таджикистана в качестве изначального принципа отношений между центральными властными органами избрала принцип разделения властей, предоставила возможность каждому из государственных органов - парламенту, Президенту, Правительству, судам – действовать самостоятельно. Одновременно положения Конституции направлены на то, чтобы предотвратить усиление одной из ветвей власти за счет другой, воспрепятствовать одной части государственной системы действовать вопреки действиям других.

Современная Конституция определяет взаимосвязанные принципы развития хозяйственных отношений. Продвижение к цивилизованному рынку невозможно без государственного участия в регулировании хозяйства в интересах человека и общества. Смешанная экономика, основанная на социальном рыночном хозяйстве при равноправии форм собственности, должна подпираться социальными обязательствами государства по развитию государственных социальных служб, осуществлению принципа социальной справедливости.

Конституция Таджикистана призвана устанавливать внутренние сдержки экономического процветания страны. В современном социальном государстве она есть право и обязанность, ибо собственность обязывает к надлежащему использованию недвижимости, к выплате соответствующего налога, добросовестной конкуренции, общественной пользе. Без этих норм свобода экономической деятельности переплетается с мошенничеством, преступными действиями, вседозволенностью, нарушением социально-экономических прав.

Конституция провозглашает, что единственным носителем суверенитета (властного верховенства) и единственным источником государственной власти в стране является народ Таджикистана. Это означает, что все конституционные правомочия государственной власти (законодательной, исполнительной и судебной) в стране исходят от народа. Народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через своих представителей путем волеизъявления граждан в форме всеобщего голосования (референдума) и избрания органов, действующих по поручению народа, представляющих его. Ими являются избираемые народом такие коллегиальные органы государственной власти, как Маджлиси Оли, органы местного самоуправления, а также Президент

Республики. Конституционный может быть признана только такая власть, органы которой, порядок их создания, полномочия, деятельность не только прямо определены Конституцией и основанными на ней законами, но и на практике соответствуют конституционным требованиям. Конституция Республики Таджикистан запрещает присвоение, узурпация власти и устанавливает, что такие действия влекут за собою преследования по закону.

Одно из главных условий конституционного строя – господство права и закона. Соединение права с государством есть одно из величайших явлений всемирной истории.

Важный конституционный принцип закреплен в ст.13, которая устанавливает, что земля, ее недра, вода, воздушное пространство, животный и растительный мир, природные ресурсы находятся в исключительной собственности государства и что государство гарантирует эффективное их использование в интересах народа.

В условиях динамично развивающихся правоотношений потенциал Конституции имеет особое значение, к которому необходимо относиться с почтением, традиционно оберегая текст основных положений Конституции Республики Таджикистан от необдуманного изменения их конституционного смысла.

Таким образом, принятая Конституция декларирует общественное согласие на основу конституционного строя. Об этом свидетельствует, прежде всего, преамбула текста, которая провозглашает от имени народа и в ней закреплены основные идеи, являющиеся основой общественного согласия, а также фиксирует национальную идею как основу единения страны.

*ТОКТОРАЛЫ уулу Арстанбек,
адъюнкт кафедры гражданского права
Санкт-Петербургского университета МВД
России, майор милиции Кыргызской
Республики*

ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОЙ СЛУЖБЫ ОХРАНЫ МВД КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ОХРАНЫ СОБСТВЕННОСТИ НА ОСНОВАНИИ ДОГОВОРОВ

Значительный вклад в обеспечение охраны собственности вносят подразделения Главного управления государственной специализированной службы охраны МВД Кыргызской Республики (далее по тексту – ГУГССО МВД КР), осуществляющие охрану собственности на основании договоров. Защищая имущественные интересы юридических и физических лиц, указанные подразделения охраны в случае совершения посягательства на охраняемое имущество обеспечивают оперативное реагирование и пресечение противоправных действий.

Постановлением Правительства КР от № 122 утверждено Положение «О Службе охраны МВД КР», на основании которого приказом МВД КР № 245 от 24.07.1995 г. было утверждено «Положение об Управлении Охраны МВД КР». Впоследствии приказом министра внутренних дел Кыргызской Республики № 42 от 14.02.2000 г. было утверждено «Положение об Управлении охраны Республики», которому предоставлялась организационно-управленческая функция и право самостоятельно определять штатную структуру подразделений охраны республики, так как единственным источником их содержания являются договорные обязательства с хозяйствующими субъектами без привлечения бюджетных средств государства¹. Кыргызской Республики. Вневедомственная охрана создается на договорной основе для защиты имущества собственников и организуется в городах, районных центрах и поселках городского типа. Одной из основных задач вневедомственной охраны является охрана имущества собственников на основе договоров. В соответствии с возложенными на нее задачами вневедомственная охрана обеспечивает охрану имущества, а также оказывает другие услуги, предусмотренные договорами с собственниками.

Деятельность данных подразделений охраны по объёму и надёжности осуществляемых охранных мероприятий занимает ведущее место в системе общегосударственных мер по предупреждению и пресечению противоправных посягательств на имущественные права физических и юридических лиц.

В современный период, наряду с традиционными охранными услугами, подразделения охраны, осуществляющие охрану собственности на

¹ Об органах внутренних дел Кыргызской Республики: Закон Кыргызской Республики от 11 января 1994 года № 1360 – XII // Бишкек, ИПС «ТОКТОМ», 2013.

основании договоров, предлагают и новые их виды, в частности, охрану автозаправочных станций; обеспечение охраны объектов потребительского рынка; обеспечение сохранности перевозимого имущества и денежных средств как в пределах обслуживаемой территории, так и на территории Кыргызской Республики; предоставление служебного транспорта для перевозки имущества; хранение оружия и ценностей; охрану объектов переработки и хранения драгоценных металлов; осуществление охраны объектов культуры.

Решая поставленные задачи, подразделения, осуществляющие охрану собственности на основании договоров, способствуют реализации конституционных прав граждан, укреплению законности, правопорядка, обеспечению охраны всех форм собственности в государстве.

Договорные способы охраны права собственности, применяемые органами внутренних дел, опираются на имущественные эквивалентно-стоимостные отношения, основанные на использовании товарно-денежной формы, что характерно для гражданско-правовых отношений. Регулирование прав и обязанностей сторон по договору основано на гражданско-правовом методе - методе юридического равенства их участников¹.

На сегодняшний день ГУГССО МВД КР насчитывает в своих рядах более двух тысяч сотрудников органов внутренних дел и более 700 вольнонаемных работников. По итогам 2010 года под защитой подразделений вневедомственной охраны находились 243 тысячи объектов различных форм собственности. Кроме выполнения основных задач, вневедомственная охрана непосредственно участвует в обеспечении общественного правопорядка и безопасности граждан. За 2010 год сотрудниками службы охраны лично было раскрыто 800, а с их участием более 4400 преступлений².

ГУГССО МВД Кыргызской Республики, управления, отделы, отделения вневедомственной охраны являются юридическими лицами, имеют гербовую печать и штамп со своим наименованием, самостоятельный баланс, лицевые счета в отделениях государственного казначейства. Объемы финансирования подразделений ГУГССО напрямую зависят от средств, поступающих на основе договоров в бюджет.

Подразделения вневедомственной охраны имеют организационно-правовую форму государственных учреждений. Вопросы их хозяйственной деятельности, имущественных прав, регулируются нормами Гражданского кодекса КР. В частности, применительно к вопросу о праве учреждения на недвижимое имущество, закрепленное за ним собственником (учредителем) на праве оперативного управления, а также приобретенное за счет средств,

¹ Ручкин О.Ю. Организационно-правовые аспекты ОВД РФ в договорных обязательствах: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М.: Академия управления МВД России, 1997. – С.13.

² <http://www.mvd.kg/index.php?option>.

полученных от деятельности, приносящей доход, и пределах распоряжения таким имуществом¹.

Право подразделений вневедомственной охраны заниматься деятельностью, приносящей доход, предусматривается в учредительных документах соответствующего подразделения. Доход от такой деятельности и приобретенное за их счет имущество учитываются на самостоятельном балансе и, в соответствии с гражданским законодательством, поступают в хозяйственное ведение подразделения. Учреждение владеет, пользуется и распоряжается имуществом, находящимся в его хозяйственном ведении, в пределах, определенных гражданским законодательством, но не вправе отчуждать и иным способом распоряжаться недвижимым имуществом без согласия собственника.

¹ См. подр.: Ст. 158-159 Гражданского кодекса Кыргызской Республики (часть первая) от 08.05.1996 г. // Эркин Тоо. – 1997. – № 84 (в ред. Законов КР с изм. и доп. от 06 августа 2012 года № 152).

ШАМСИДДИНОВ Ш.,
курсанти курси 4 факултети № 2 Академияи
ВҚД Ҷумҳурии Тоҷикистон, сержанти
хурди милитсия

МАСЪАЛАИ МУҲОЧИРАТИ ҒАЙРИҚОНУНИ: ТАЪРИХ ВА ВАЗЪИЯТИ МУОСИР

Таърих ва воқеиятҳои он собит кард, ки ҷамъият бо он ҳама гуногунрангиаш дар таваҳвулу тағйир аст. Кӣ медонист, ки дар дунёи фароҳдоман муҳочир пайдо мешаваду ашхосе аз ватани бобой бо сабаб ё бе сабабе ба ҷойи дигар барои зиндагии доимӣ ё муваққатӣ ҳичрат мекунад?

Барои Тоҷикистон “муҳочират” ин падидаи нав аст ва ҳеҷ касе гумон намекард ва ба фикраш ҳам намеомад, ки “рӯзе тоҷик муҳочир мешавад”...

Агар ба факту далелҳо назар андозем, ҳанӯз дар асрҳои 17 ва 18 –и асри 20 аз давлатҳои қораи Аврупо ба ҳар қучои олам, аз ҷумла, ба Африқову Амрико ҳичрат ё сафар мекарданд: гӯё барои зиндагии беҳтар...

Сухан мавриди “Муҳочирати ғайриқонунӣ”, ки мавриди тавачҷӯх ва диққати мо шуд. Ин ҷо мо бояд ба ин посух ҷавобе пайдо бикунем, ки дар кадом маврид муҳочират қонунӣ ва ғайриқонунӣ мешудааст, беҳтар он нест, ки дар ин росто ҳар як мо аз рӯйи қонун амал намоем.

Ашхоси хориҷе, ки барои муҳочирати корӣ ба кишвари мо меоянд, нахуст бояд аз сафорати Тоҷикистон дар ҳамон кишвар ва ё консулгарии мо дар ҳамон ҷо виза гирад ва дигар ҳуҷҷатҳои пешниҳод кунад, ки тасдиқкунандаи сабабҳои муҳочирати онҳо шудааст. Тартиби дароз кардани визаи онҳоро Вазорати корҳои хориҷии мо муайян мекунад. Муҳочирони меҳнатӣ ба кишвари мо омада дар макони расидашон, яъне дар маҳалли зисти муваққатишон дар мақомоти корҳои дохилӣ ба қайд гирифта мешаванд. Бо ин тарз ба муҳочират омадан, албатта “муҳочирати қонунӣ” ҳисобида мешавад, зеро шахси ба муҳочират омада, дар асоси иҷозат ва ҳуҷҷатҳои ба қайд гирифташуда ба давлати дигар омадааст. Муҳочирони меҳнатӣ ва аъзои оилаи онҳо метавонанд озодона Тоҷикистонро тарк кунанд ва ба ин ҷо бе мамоният баргарданд, вале дар ҳолати ба итмом расидани муҳлати шартномаи меҳнатии онҳо, муҳочирони меҳнатиро зарур меояд, ки Тоҷикистонро тарк кунанд.

Ҷумҳурии Тоҷикистон дар ин росто “Дар бораи муҳочират” Қонун қабул кардааст¹, ки барои осон шудани қору зиндагии муҳочирони тоҷик, ки ба дигар кишварҳо мераванд ва он шаҳрвандоне, ки барои муҳочират ба кишвари мо меоянд, нигаронида шудааст.

Мутобиқи ин қонун зери мафҳуми “муҳочират” – ҷойивазкунии бебозгашт, муваққатӣ, инчунин мавсимии шахси воқеӣ аз Ҷумҳурии Тоҷикистон ва ба Ҷумҳурии Тоҷикистон, инчунин вобаста ба тағйири

¹ Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи муҳочират» // Ахбори Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон, 1999. – №12. – Мод.320; – 2002. – №4. – Қисми 1. – Мод.248; – 2005, – №12. – Мод.657; – 2008. – №12. – Қисми 2. – Мод.1004.

маҳалли истиқомат, кор, кӯчидани шахси воқеӣ дар дохили Ҷумҳурии Тоҷикистон пешбинӣ шудааст.

Албатта, ин қонун ба меъёрҳои қонунгузори байналмилалӣ, ки ба ин самт равона шудаанд, мутобиқ буда, имкон медиҳад, ки шахрвандон аз рӯи он амал намоянд то ба мушкиле рӯ ба рӯ нагарданд.

Ашхосе, ки аз рӯи қонунҳои қабулшуда, аз ҷумла, “Дар бораи муҳочират” амал ва сару кор мегиранд, метавонанд дар қаламрави Тоҷикистон озодона қору зиндагӣ бикунанд, яъне надониستاني қонун “қасро аз ҷавобгарӣ озод намекунад”.

Аз ҷумла, дар баъзе бандҳои Қонуни ҚТ “Дар бораи муҳочират” омадааст:

- Вазорати меҳнат ва ҳифзи иҷтимоии аҳолии ҚТ дар асоси Қарордод миёни Вазорати меҳнат ва ҳифзи иҷтимоии аҳолии ҚТ ва Вазорат оид ба корҳои федералӣ, сиёсати милли ва муҳочирати ФР дар бораи ҳамкорӣ дар масъалаи муҳочирати аҳоли ва дар ин замина ташкил намудани намояндагӣ дар шаҳрҳои Москва, Новосибирск ва Волгогради ФР фаъолият ба роҳ мондааст. Ин имкон медиҳад, ки муҳочирони мо ба ин намояндагӣ муроҷиат намоянд то масъалаҳои руҳдода дар асоси қонунҳои мавҷуда ҳалли ҳудро биёбанд. Ин равандро албатта “муҳочирати қонунӣ” меҳисобанд.

- Вазорати корҳои дохилӣ ва Кумитаи амнияти миллии ҚТ дар мақоми ҷамъшавӣ ва дар роҳи ҳаракати нақлиёт бехатарии муҳочирони меҳнатиро таъмин мекунанд. Мусаллам аст, ки он муҳочиронро, ки дар асоси Қонун ба сафар мебароянд.

- Шаҳрвандони Ҷумҳурии Тоҷикистон, ғайри ашхосе, ки дар хизмати ҳарбӣ ҳастанд ва дар мақомоти ҳифзи ҳуқуқ кор мекунанд, ҳуқуқ доранд, ки барои кор ба хориҷи кишвар бираванд.

- Мақоми салоҳиятдоре, ки хориҷ аз кишвар дар пайдо намудани ҷойи кор ба муҳочир ёрӣ расонидааст, барои баргаштани шахрванд ба мақоми зисти доимаш ба ҚТ муваззаф аст, ба истиснои ҳолатҳои ихтиёрие (фардӣ), ки қонунгузори ҚТ муқаррар карда, яъне, агар шахс аз рӯи қонун амал бикунанд, мушкиле барои ӯ пеш намеояд. Шаҳрванди Тоҷикистон агар бо корфармо ба тариқи шартнома ва дар асоси қонунгузори ҳамон давлат фаъолияти меҳнатиашро ба роҳ монад, амалаш қонунист ва метавонад озодона қору зиндагӣ бикунанд. Вале мутаассифона бисёр шахрвандони мо аз сабаби надониستاني қонунҳои мавҷуда, аз ҷумла Қонун “Дар бораи муҳочират”, ки онро кишвари мо барои осон шудани кори муҳочирони меҳнатӣ дар хориҷи мамлакат қабул кардааст, ба бисёр мушкилиҳо мувоҷеҳ мегарданд.

Шаҳрвандони хориҷе ҳам, ки барои муҳочирати меҳнатӣ ба кишвари мо меоянд, бояд дар асоси қонунгузориҳои ҚТ бо корфармо қарордод (шартнома) банданд, ки ин бар нафъи онҳост. Ҳангоме, ки қас шартнома мебандад, ҳеҷ корфармое ӯро фиреб дода наметавонад, зеро дар ҳолати нофаҳмие, коргар аз болои корфармо метавонад ба суд муроҷиат бикунанд. Агар шартнома надошта бошад, қораш ғайриқонунист ва қасе ба имдодаш расида наметавонад.

Ёдрас бояд шуд, ки чанд муддат қабл дар қароргоҳи Хадамоти муҳоҷирати Тоҷикистон лоиҳаи қонун "Дар бораи агентҳои хусусии шуғли аҳоли" ва қонун "Дар бораи муҳоҷирати меҳнатӣ" бо ҳузури масъулони ниҳодҳои давлатӣ, ҷомеаи маданӣ, ҳуқуқшиносон ва коршиносони Бонки ҷаҳонӣ баррасӣ шуд. Қабули қонун аз рӯйи ин ду лоиҳа дар ин нишаст муҳим арзёбӣ шуд, зеро гуфта мешавад, ки тибқи муқаррароте, ки дар тарҳи қонун "Дар бораи агентҳои хусусии шуғли аҳоли" пешбинӣ шудааст, ки дар Тоҷикистон дар баробари агентҳои шуғли аҳолии давлатӣ минбаъд ҳамчунин агентҳои хусусии шуғли аҳоли ҳам бояд фаъолият намоянд.

Айни ҳол теъдоди субъектҳои хоҷагидоре, ки оид ба содироти нируи корӣ ба хориҷа иҷозатнома доранд, ҳудуди 70 то мебошанд, вале аз ин шумора дар маҷмуъ 23-24 то аз он фаъол аст, ки бевосита ба содироти нируи корӣ машғуланд. Тибқи пешниҳодҳои ироашуда ба ин лоиҳа агентҳои хусусии шуғли аҳоли, мисли марказҳои шуғли аҳолии давлатӣ барои ба кор таъмин намудани мардум, ҳам дар дохил ва ҳам дар хориҷи кишвар машғул хоҳанд шуд. Дар лоиҳаи мазкур бархе аз муқаррарот пешниҳод шудааст, ки дар он ҷо тартиби ташкил, номнависӣ, инчунин намудҳои фаъолияти онҳо пешбинӣ шудааст. Ҳамчунин тибқи пешниҳодҳои агентҳои муваззаф мешаванд, ҳолати ба хориҷа содир намудани муҳоҷирони меҳнатиро аз ибтидо то интиҳо назорат намоянд ва дар ҳолати вайрон кардани банде аз қарордод, ки байни агентҳои хусусӣ ва корманд баста мешавад, муҷозот пешбинӣ шудааст¹.

Давоми моҳи январи соли 2014 Раёсати Хадамоти муҳоҷирати Вазорати меҳнат, муҳоҷират ва шуғли аҳолии Ҷумҳурии Тоҷикистон бо мақсади пешгирии муҳоҷирати назоратнашаванда ва ғайриқонунии шаҳрвандони хориҷӣ ба кишвар, муҳоҷирати меҳнати наздисарҳадӣ ва истифодаи ин равандҳо аз ҷониби гурӯҳҳои муташаккили ҷинояткори трансмиллӣ, террористӣ, экстремистӣ (ифротгаро), қочоқбарон ва хадамоти махсуси давлатҳои хориҷӣ, ки бар зарари манфиатҳои миллии кишвари мо мебошанд, корҳои муайяно ба иҷро расонид. Раёсат минбаъд низ дар самти пешгирии муҳоҷирати ғайриқонунии шаҳрвандони хориҷӣ аз имкониятҳо босамар истифода хоҳад бурд.

Метавон дар ин росто даҳҳо мисол овард. Барои мисол, муҳоҷирони аз воқеаҳои Сурия ё Ироқ ба давлати дигар фироркарда, "муҳоҷирони ғайриқонуни" ба ҳисоб мераванд, зеро онҳо бе ҳуҷҷати бақайдгирӣ ва бе даъват ба ин давлатҳо дохил шудаанд.

Бояд ибраз дошт, ки муҳоҷират дар кадом шакле набошад, ҳамон вақт "ғайриқонуни" ба ҳисоб меравад, ки агар муҳоҷири "ба давлати дуум" рафта, ихтиёрӣ рафта бошад ё иҷозатнома надорад, яъне даъват нашудааст. Аз ҷониби дигар, агар аз сӯи корфармо бе шартнома ба кор қабул карда шудааст ва ё дар қайди макони истиқомат набуда, дар ҳеч кучо номнавис ё ба қайди муваққатӣ гирифта нашудааст, муҳоҷири ғайриқонуни ба ҳисоб меравад. Барои мисол, он шаҳрвандони мо, ки ба

¹ www.Millat.tj migration

Русия ва ё давлати дигаре барои кор ё истиқомат... рафтаанд, агар ихтиёрӣ рафта, бе шартнома кор мекунанд, “муҳоҷири ғайриқонунӣ” ба ҳисоб мераванд.

Албатта, ғайриқонунӣ ба давлате муҳоҷират намудан, пеш аз ҳама бар зарари худӣ ҳамон муҳоҷир аст, зеро дар чунин ҳолатҳо чунин ашхос ба мушкилоти зиёде мувоҷеҳ мегарданд, аз ҷумла, дар пайдои ҷои кор ва истиқомат...

Аз ин нуқтаҳо бармеояд, ки Ҷумҳурии Тоҷикистон чун дигар кишварҳои пешрафтаи дунё аз дигаргуншавии равандҳои ҷаҳони муосир хуб оғаҳ буда, қонунҳоеро ба тасвиб мерасонад, ки онҳо на танҳо ба манфиати шаҳрвандони худаш, инчунин барои ҳар он нафарест, ки ба кишвари мо ба ҳайси муҳоҷир ё муҳоҷирати меҳнатӣ меояд. Мусаллам аст, ки имрӯз ҳазорҳо шаҳрвандони Тоҷикистон дар муҳоҷирати меҳнатӣ дар Русия ва дигар кишварҳои ИДМ қарор доранд, ки шояд нисфи онҳо ба қавле “муҳоҷири ғайриқонунӣ” бошанд. Аз ин рӯ, кишвари мо он қонунҳоеро дар якҷоягӣ бо ҷониби Русия дар ин ростӣ ба тасвиб расонд то мушкили муҳоҷирони тоҷик осон гардад. Ин аст, ки он шаҳрвандони мо, ки мақсади ба муҳоҷирати меҳнатӣ рафтан доранд, зарур меояд, ки аз қонунҳои кишвари хеш ва он кишваре, ки ба он ҷо рафтан мехоҳанд, оғаҳ бошанд, хусусан аз Қонуни ҚТ “Дар бораи муҳоҷират”.

Агар ин қонунро донанд ва аз рӯйи он амал намоянд, ба муҳоҷират рафтани онҳо қонунист ва агар акси ин – ғайриқонунӣ.

*ШАРИФЗОДА Парвин Раҳмулло,
муаллими кафедраи ҳуқуқи маъмурӣ ва
фаъолияти маъмурии факултети № 2
Академияи ВҚД Ҷумҳурии Тоҷикистон,
лейтенанти калони милитсия*

ПРИНЦИПИ БАРОБАРӢ ДАР НАЗДИ ҚОНУН

Принсипи баробарии шахрвандон дар назди қонун, ҳуқуқи баробарии расмӣ шахрвандонро эълон мекунад. Мутобиқи нишондоди моддаи 17-и Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон, ҳама дар назди қонун ва суд, баробаранд. Моҳияти ин нишондод аз он иборат аст, ки давлат баробарҳуқуқӣ озодии инсон ва шахрванд, новобаста аз миллат, наҷод, ҷинс, забон, эътиқоди динӣ, мавқеи сиёсӣ, таҳсилот, вазъи иҷтимоӣ ва молумулк, ҳуқуқу озодиҳоро кафолат додаст¹.

Бояд дар назар дошт, ки ҳуқуқу озодиҳо аз вазифаҳо ҷудо нестанд, бинобар он, аз тарафи дигар, ҳамаи шахрвандон ҷавобгарии баробарро дар назди қонун ба ӯҳда доранд. Новобаста аз вазифа ва ҳолати иҷтимоӣ ҷавобгарӣ барои ҳама як хел аст.

Чунин шахрдиҳи принсипи умумиҳуқуқии баррасишаванда ба дараҷаи пуррааш ба адолати судӣ ва муурофияи ҳуқуқвайронкунии маъмурӣ тааллуқ дошта, на фақат дар муҳокимаи судӣ, балки дар дигар давраҳои муурофияи ҳуқуқвайронкунии маъмурӣ низ амал мекунанд. Аз ин рӯ баробари шахрванд на танҳо ба муносибатҳои шахрванд бо суд, балки ба шахси барандаи таҳқиқи ибтидоӣ, муфаттиш, прокурор низ тааллуқ дорад. Мавқеи муурофияи ҳуқуқвайронкунии маъмурӣ на аз рӯи молу мулк, вазъи иҷтимоӣ ва як қатор дигар омилҳо муайян карда мешавад, балки аз рӯи дорои кадом ҳуқуқ будани шахс: ҳуқуқки овардани шикояту эътироз аз болои қарордодҳо ва қарорҳо аз рӯи парвандаҳо оид ба ҳуқуқвайронкунии маъмурӣ, пешниҳод намудани шикояту эътироз; рӯенидани тавоноии зарар; ҳимоячи, шохид ва монанди инҳо.

Принсипи баробарӣ шахрвандон дар назди қонун ва суд дар як вақт ба ягонагии суд ва ягонагии ҳуқуқ алоқаманд аст. Ягонагии суд онро мефаҳмонад, ки дар давлат судҳои ба шахсони алоҳида имтиёздиханда ва ё ба маҳдудкунии ҳуқуқ асосёфта нестанд. Системаи судӣ дар Конститутсия ва Қонуни Конститутсионӣ «Дар бораи судҳои Ҷумҳурии Тоҷикистон» муқарраргардида ягона буда, барои ҳамаи шахрвандону судҳо якхелаанд.

Муқаррарот дар бораи ягонагии ҳуқуқ инчунин яке аз талаботҳои демокротизми аслиро инъикос мекунад. Вай ягонагии қонунгузорӣ, татбиқи системаи ягонаи ҳуқуқ ва адолати судиро ифода мекунад.

Мафҳуми баробарӣ дар назди қонун ба пуррагӣ қобили қабул буда, мутобиқи вай баробарӣ дар назди қонун ин татбиқи якхелаи муқаррароти қонун нисбати ҳамаи шахрвандон мебошад.

¹ Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон. – Душанбе, 2003.

Дар айни ҳол ба онҳо додани на танҳо ҳуқуқи муайян ва вазифаҳо, балки дар оянда гузоштани масъулиятҳо (дар ҳолати мавҷуд будани асос) низ дар назар дошта шудааст.

Асоси қоидаҳои дар моддаи 17-и Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон муқарраргардида дар бораи ҳама дар назди қонун ва судро тавсияҳои модди 7-и Эъломияи умумии ҳуқуқи башар, ки ҳамаи одамон дар назди қонун баробаранд ва бидуни ҳеч як тафовут ба ҳимояи баробарии ҳуқуқӣ ҳақ доранд ва моддаи 8-и Эъломия ҳар як инсон дар сурати поймол гардидани ҳуқуқҳои асосии ӯ, ки бо конститутсия ё қонун пешбинӣ шудаанд, барои барқарорсозии пурраи онҳо аз тарафи судҳои босалоҳияти миллӣ ҳақ дорад, ташкил медиҳад. Муқаррароти моддаи 7 ва 8-и ин Эъломия на фақат ба тасвияти моддаи 17, инчунин ба тасвияти моддаи 19-и Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон, ки мутобиқи он ҳар кас ҳифзи судӣ дорад, низ таъсири худро расонидааст¹. Мазмуни моддаи 17 ва 19-и Конститутсияро муқоиса намуда, алоқамандии онҳоро мушоҳида кардан мушкilot надорад, чунки муқаррароти яқум баробариро эълон мекунад, дуоум бошад, муҳимтарин воситаи таъмини оне, ки яқум муқаррар кардааст.

Ба истиснои қоидаҳои умумӣ дар қонуни амалкунанда як қатор қоидаҳои низ мавҷуданд, ки тартиби махсуси ба ҷавобгарии маъмурӣ кашидани депутатҳо, судяҳо, қормандони прокуратура ва дигар шахсони соҳибмансабро муқаррар кардааст. Он мақсади имтиёздихӣ нашошта, балки барои бомуваффақият иҷро намудани фаъолияти хизматиашон (депутат, суд ва монанди инҳо) қафолат дода, онҳоро аз мамониятҳои сунъии иҷроиши вазифаҳои хизматиашон ҳифз мекунад.

Дар вақти ба ҷавобгарӣ кашидани шахсони номбурда дорои ҳуқуқҳои муқарраршаванда мегарданд. Меъёри тавсиршаванда ба назардошти шароити имрӯзаи бунёди қомаи шаҳрванди ифода ёфтааст. Чунончи, дар шароити ривочи бисёрҳизбӣ баробарии ҷавобгарии ҳуқуқвайронкунии маъмурӣ, новобаста аз мансубияти ҳизбӣ, миллат, наҷод, чинс, забон, эътиқоди динӣ, мавқеи сиёсӣ, таҳсилот, вазъи иҷтимоӣ ва молумулкӣ, бо маврид аст. Мадди назар қардани ақидаҳои сиёсӣ низ мутобиқи ақидаи озодандеши аст.

Ба инобат нағрифтани шаҳрвандӣ бошад, аз моҳияти боби дуоми Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон, эътирофи ҳуқуқҳои фитрӣ ва зарурати ҳифзи онҳо бармеояд. Дар шароити ривочи муносибатҳои бозоргонӣ ба инобат нағрифтани вазъи амволӣ ҳангоми ҷавобгарии ҳуқуқвайронкунии маъмурӣ низ аз аҳамият холи нест.

Мутобиқи моддаи 35-и Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи вазъи ҳуқуқии узви Маҷлиси миллӣ ва вақили Маҷлиси намояндағони Маҷлиси Олии «Ҷумҳурии Тоҷикистон, маҳрум намудани дахлнопазирии узви Маҷлиси миллӣ ва вақили Маҷлиси намояндагон бо пешниҳоди Прокурори генералӣ аз қониби Маҷлиси дахлдор ҳал қарда мешаванд.

¹ Эъломияи умумии ҳуқуқи башар.

Барои узви Маҷлиси миллӣ ва вакили Маҷлиси намояндагонро ҳабс кардан Прокурори генералии Тоҷикистон ба Маҷлиси дахлдор бо пешниҳод муроҷиат менамояд. Барои дида баромадани пешниҳоди Прокурори генералии Тоҷикистон оиди маҳрум намудан узви Маҷлиси миллӣ ва вакили Маҷлиси намояндагон аз ҳуқуқи дахлнопазирии шахсӣ дар сурати зарурат комиссияи тафтиши аъзогӣ ё вакилии маҷлиси дахлдор ташкил карда мешавад.

Маҷлиси миллӣ, Маҷлиси намояндагон пешниҳоди дохилшударо бо тартиби муқаррарнамудаи Дастури маҷлиси дахлдор дар чаласаи худ баррасӣ менамояд. Дар мавриди зарурӣ аз Прокурори генералии Тоҷикистон маводҳои иловагӣ талаб карда мешавад. Маҷлиси миллӣ ё Маҷлиси намояндагон нисбати узви Маҷлиси миллӣ ва вакили Маҷлиси намояндагон қарори асоснок қабул мекунанд ва дар муддати на дертар аз се рӯз Прокурори генералии Тоҷикистонро аз ин хусус вокиф мегардонанд. Узви Маҷлиси миллӣ ва вакили Маҷлиси намояндагон, ки нисбати ӯ маълумоти пешниҳодӣ дохил шудааст, ҳуқуқ дорад дар муҳокимаи масъалаҳо иштирок намояд.

Ба пешниҳодӣ Прокурори генералии Тоҷикистон оиди аз ҳуқуқи аз дахлнопазирии шахсӣ маҳрум намудани узви Маҷлиси миллӣ ё вакили Маҷлиси намояндагон ҷавоби рад додани Маҷлиси миллӣ ё Маҷлиси намояндагон барои боз доштани парвандаи ҷиноятӣ ва парвандаи маъмурӣ, ки ҷавобгариро аз тариқи суди пешбинӣ мекунад асос мегардад.

Дар хусуси оғози парвандаи ҷиноятӣ ва парвандаи маъмурӣ, ки ҷавобгариро аз тариқи суди пешбинӣ мекунад, дар бораи қатъ намудани парвандаҳои дар истехсолотбуда ё оиди ҳукми қонунӣ гирифтани қарори суд нисбати узви Маҷлиси миллӣ, вакили Маҷлиси намояндагон мақомоти тафтишот, ё суд вазифадоранд дар муддати на дертар аз се рӯз Маҷлиси миллӣ ва Маҷлиси намояндагонро хабардор намоянд¹. Инчунин дахлнопазирии прокурор ва муфаттиш аз тарафи Прокурори генералии Ҷумҳурии Тоҷикистон, дар ҳолати содир намудани ҷиноят ва ҳуқуқвайронкуниҳои маъмурӣ хусусияти коррупсионӣ дошта мутобиқи тартиби муқарраркардаи қонунгузории Ҷумҳурии Тоҷикистон муаян карда мешавад (моддаи 58 Қонуни конститутсионии ҶТ «Дар бораи мақомоти прокуратура»).

Ҳамин тариқ шахсоне, ки тибқи Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон ва қонунҳои Ҷумҳурии Тоҷикистон ҳуқуқи дахлнопазирӣ доранд, бе иҷозати мақомоти дахлдор мавриди ҳабс маъмурӣ, дастгиркунӣ, маҷбуран овардан, кофтукови шахсӣ қарор дода намешаванд².

Мутобиқи моддаи 8 Кодекси ҳуқуқвайронкунии маъмурии Ҷумҳурии Тоҷикистон:

1. Шахсоне, ки ҳуқуқвайронкунии маъмурӣ содир намудаанд, дар назди қонун баробаранд.

¹ Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи вазъи ҳуқуқи узви Маҷлиси Миллӣ ва вакили Маҷлиси Намояндагони Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон» соли 2001.

² Қонуни Конститутсионии Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи мақомоти прокуратураи Ҷумҳурии Тоҷикистон» бо тағйири иловаҳои соли 2007.

2. Шахсони воқеӣ, сарфи назар аз шахрвандӣ, миллат, нажод, чинс, забон, эътиқоди динӣ, мавқеи сиёсӣ, таҳсилот, вазъи иҷтимоӣ ва молумулкӣ барои содир намудани ҳуқуқвайронкунии маъмури ба ҷавобгарии маъмури кашида мешавад.

3. Шахсони ҳуқуқӣ, сарфи назар аз шакли моликият, маҳалли ҷойгиршавӣ, шаклҳои ташкилию ҳуқуқӣ, тобеият ва дигар ҳолатҳо барои содир намудани ҳуқуқвайронкунии маъмури ба ҷавобгарӣ кашида мешавад.

4. Узви Маҷлиси миллӣ ва вакили Маҷлиси намояндагонро бо иҷозати Маҷлиси дахлдор ба ҷавобгарии маъмури, ки ба тариқи судӣ таъйин карда мешавад, кашидан мумкин аст.

5. Шахсоне, ки тибқи Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон ва қонунҳои Ҷумҳурии Тоҷикистон ҳуқуқи дахлнопазирӣ доранд, бе иҷозати мақомоти дахлдор мавриди ҳабс маъмури, дастгиркунӣ, маҷбуран овардан, кофтукови шахсӣ қарор дода намешаванд¹.

Барои амали гардонидани принсипи баробарии ҳама дар назди қонун мақомоти салоҳиятдору зарур аст, ки бештар ба нишондоди моддаи 11-и Эъломияи умумии ҳуқуқи башар, ҳар як инсоне, ки дар содир кардани ҳуқуқвайронкуни яъне ҷиноят ва маъмури гунаҳгор доништа мешавад, ҳақ, дорад то замоне бегуноҳ доништа шавад, ки гуноҳаш дар мувофиқи ошкорое судие, ки дар он барои ҳимояи ӯ тамоми имкониятҳо фароҳам оварда мешаванд, бо тартиби қонунӣ исбот нагардидааст таввачуҳи хоса зоҳир намояд².

¹ Кодекси ҳуқуқвайронкунии маъмури Ҷумҳурии Тоҷикистон соли 2009.

² Маҷмӯи ҳуҷҷатҳои байналмиллалӣ ва қонунгузори Ҷумҳурии Тоҷикистон оид ба ҳуқуқи инсон (барои кормандони ҳифзи ҳуқуқ). – Душанбе, 2006.

*ЮНУСОВА Хадича Абдумаликовна,
старший преподаватель кафедры ЮНЕСКО
«Конституционное право и гендерная
политика» Кыргызско-Российского
Славянского университета им. Б.Н. Ельцина*

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ПРАКТИКИ ПРОВЕДЕНИЯ РЕФЕРЕНДУМА В КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ В 2010 ГОДУ

Со времени приобретения независимости в Кыргызской Республике в соответствии с Законом о референдуме в Республики Кыргызстан 1991 года были проведены референдумы 1994, 1996, 1998, 2003, 2007 годов, в которых основными вопросами были вопрос принятия изменений и дополнений в текст Конституции либо принятие новой редакции Конституции Кыргызской Республики¹.

27 октября 2007 года был принят новый Конституционный Закон «О референдуме Кыргызской Республики» (далее – Закон о референдуме КР 2007 года). Он содержал в себе нормы, закрепляющие вопросы, выносимые на референдум, расширил перечень вопросов, которые нельзя выносить на референдум, установил правовой статус субъектного состава референдума и иные вопросы, регулирующие порядок назначения, организации подготовки, проведения референдума и установления его итогов. Однако на основе этого закона на сегодняшний день не было проведено ни одного референдума, так как правовой основой порядка организации и проведения референдума в 2010 году стали Декреты Временного Правительства Кыргызской Республики (далее – Декреты ВП)².

Мы постараемся подробнее рассмотреть этот референдум и дать ему конституционно-правовой анализ.

После событий 7 апреля 2010 года, власть в Кыргызстане перешла к Временному Правительству, решения которого были оформлены Декретами. Декретами ВП был распущен Жогорку Кенеш Кыргызской Республики (далее – ЖК КР), упразднен Конституционный Суд Кыргызской Республики, принимается отставка Правительства, полномочия состава Центральной комиссии по выборам и проведению референдумов Кыргызской Республики (далее – ЦИК КР), сформированного в 2008 году были досрочно прекращены, а конституционные полномочия Президента, Парламента, Правительства перешли к ВП (в стране, фактически, произошла узурпация власти).

¹ Закон Республики Кыргызстан "О референдуме в Республике Кыргызстан" от 28 июня 1991 года. №533-ХІІ (утратил силу).

² Конституционный Закон Кыргызской Республики "О референдуме Кыргызской Республики" от 23 октября 2007 года, №159 // Газета "Эркинтоо". – 27 ноября 2007 г. – №94.

Обстоятельства сложились таким образом, что другого способа легитимизации власти, кроме референдума, не осталось¹.

В кратчайшие сроки было сформировано Конституционное совещание из 75 членов для подготовки проекта новой Конституции Кыргызской Республики.

Декретом ВП на 27 июня 2010 года был назначен референдум, на который были вынесены два вопроса: 1) принятие новой Конституции и 2) введения должности Президента Кыргызской Республики в Переходный период до 31 декабря 2011 года, на которую была предложена кандидатура Р. Отунбаевой².

Так, для проведения референдума была создана Временная центральная комиссия по выборам и проведению референдумов (далее – ВЦИК) в составе 13 человек (7 кандидатур от представителей политических партий, 6 – от неправительственных организаций)³.

Члены ВП дали разъяснение о временном порядке проведения референдума. В ходе организации подготовки и проведения референдума ВЦИК должны были руководствоваться в первую очередь Декретами ВП, а нормы действующего законодательства о референдуме применимы в части, не противоречащие актам ВП.

Из-за трагических событий в Ошской и Жалал-Абадской областях там был введен режим чрезвычайного положения. Однако, в целях гарантии проведения референдума на всей территории страны, режим чрезвычайного положения на один день – в день голосования был отменен⁴.

¹ Закон Кыргызской Республики «О нормативных правовых актах Кыргызской Республики» от 20 июля 2009 года, №241// Газета "Эркинтоо". – 7 августа 2009 г. – №68-69; Декрет Временного Правительства Кыргызской Республики" от 7 апреля 2010 года ВП №1(О переходе власти к Временному Правительству Кыргызской Республики); Декрет Временного Правительства Кыргызской Республики "О расформировании Конституционного суда Кыргызской Республики" от 12 апреля 2010 года ВП №2.

² Декрет Временного Правительства Кыргызской Республики "О референдуме (всенародном голосовании) Кыргызской Республики" от 21 апреля 2010 года ВП №20; Декрет Временного Правительства Кыргызской Республики "О референдуме (всенародном голосовании) по принятию новой Конституции Кыргызской Республики" от 20 мая 2010 года ВП №40; Роза Исаковна Отунбаева – политик и дипломат, лидер парламентской фракции Социал-демократической партии Кыргызстана. В результате событий 7 апреля 2010 года стала главой Временного Правительства.

³ Постановление Временного Правительства Кыргызской Республики "Об утверждении состава Временной Центральной комиссии по выборам и проведению референдумов Кыргызской Республики" от 21 апреля 2010 года ВП №14; Постановление Временного Правительства Кыргызской Республики "Об утверждении состава Центральной комиссии по выборам и проведению референдумов Кыргызской Республики" от 30 апреля 2010 года ВП №22.

⁴ Декрет Временного Правительства Кыргызской Республики "О введении чрезвычайного положения в г.Джалал-Абад и Сузакском районе Джалал-Абадской области Кыргызской Республики" от 19 мая 2010 года ВП №38; Декрет Временного Правительства Кыргызской Республики "О введении чрезвычайного положения в городах Ош, Узген, Карасуйском и Араванском районах Ошской области Кыргызской Республики" от 11 июня 2010 года ВП №65; Декрет Временного Правительства

К тому же возникла проблема с уточнением списков участников референдума и с обеспечением участия граждан в голосовании. В этой связи, было отменено минимальное количество участников референдума, требующее для признания референдума состоявшимся (т.е. референдум будет признан состоявшимся при любой явке) и гражданам разрешено было проголосовать без открепительного удостоверения на том участке, где он находился в день голосования в целях обеспечения гарантий прав граждан на участие в референдуме¹.

Так как большое число граждан выехало из зон конфликтов, при этом, не имея каких-либо документов, удостоверяющих их личность, разрешалось голосовать по ксерокопии паспорта или вообще без каких-либо документов². Многие же избиратели не находили свои данные в основных списках, вследствие чего им приходилось регистрироваться в дополнительных списках.

27 июня 2010 года на территории КР прошел референдум. Число граждан, принявших участие в референдуме, составило 1 962 804 (72,24% от общего числа граждан, обладающих право участвовать в референдуме). «За» проголосовали 1 777 339 человек (90,55% от общего числа граждан, принявших участие в голосовании), «Против»-158 373 (8,07% от общего числа граждан, принявших участие в голосовании)³. Основные изменения в новой конституции касались высших органов государственной власти: переход от президентско-парламентской формы правления к парламентско-президентской путем ограничения полномочий Президента и усиления роли Парламента в государственном управлении; изменение срока избрания Президента КР – с 5 лет на 6 лет и не более одного раза. Менялся

Кыргызской Республики "Об образовании добровольной народной дружины" от 12 июня 2010 года ВП №66; Декрет Временного Правительства Кыргызской Республики "О введении чрезвычайного положения в Джалал-Абадской области Кыргызской Республики" от 13 июня 2010 года ВП №70; Декрет Временного Правительства Кыргызской Республики "О продлении чрезвычайного положения в городах Ош, Узген, Карасуйском и Араванском районах Ошской области Кыргызской Республики" от 19 июня 2010 года ВП №75; Декрет Временного Правительства Кыргызской Республики "О продлении чрезвычайного положения в Джалал-Абадской области Кыргызской Республики" от 21 июня 2010 года ВП №79.

¹ Декрет Временного Правительства Кыргызской Республики "О дополнительных мерах по обеспечению гарантий права на участие в референдуме граждан Кыргызской Республики" от 10 июня 2010 года ВП №63; Постановление Временного Правительства Кыргызской Республики "Об использовании удостоверения личности гражданина Кыргызской Республики для участия в референдуме и выборах" от 21 июня 2010 года ВП №95.

² Декрет Временного Правительства Кыргызской Республики "О дополнительных мерах по обеспечению гарантий права на участие в референдуме граждан, потерявших паспорта или документы, удостоверяющие личность, во время трагических событий в городе Ош, Ошской и Джалал-Абадской областях в июне 2010 года" от 23 июня 2010 года ВП №80.

³ Постановление Центральной комиссии по выборам и проведению референдумов Кыргызской Республики от 1 июля 2010 года №130 "О результатах референдума (всенародного голосования) Кыргызской Республики 27 июня 2010 года".

порядок формирования Правительства КР. Вместо упраздненного Конституционного Суда предусматривалось формирование Конституционной Палаты Верховного Суда Кыргызской Республики и многое др.

Безусловно, исходя из вышесказанного, мы понимаем, что референдум 2010 года был проведен с грубейшими нарушениями законодательства КР.

Во-первых, правовой основой проведения референдума стал Временный порядок проведения референдума, утвержденного Декретом ВП от 21 апреля 2010 года №20. В ходе организации подготовки и проведения референдума ВЦИК руководствовались в первую очередь Декретами ВП, а нормы действующего законодательства о референдуме применялись в части, не противоречащие актам ВП. Хотя действие Закон о референдуме КР 2007 года, имеющего статус конституционного, никто не отменял.

Во-вторых, такой орган как ВП не предусмотрен ни Конституцией КР, ни иными законами, следовательно, ВП – неконституционное образование. ВП издавало акты, обязательные для соблюдения и исполнения на всей территории КР, хотя мы не можем отнести его к нормотворческому органу, наделенному правом принимать (издавать) нормативные правовые акты. В иерархии нормативных правовых актов КР Декреты не упоминаются вообще! Декреты принимались вне установленных нормотворческих процедур, следовательно, они не обладали формальными признаками нормативных правовых актов¹.

В-третьих, для проведения референдума был создан ВЦИК. Этот орган также не упоминается в Конституции.

В-седьмых, недопустимо было проводить референдум во время чрезвычайного положения, введенного на отдельной части территории страны и отмененного на один день – в день голосования, поскольку существовала невозможность в такой обстановке гарантировать конституционные права и свободы. Это противоречило п.1 ст. 9 Закона о референдуме в КР 2007 года.

Отмена минимального количества участников референдума, требующегося для признания референдума состоявшимся, противоречило п.2 ст. 45 Закона о референдуме КР 2007 года, где было установлено, что Центральная комиссия референдума признает референдум состоявшимся, если в голосовании приняло участие более половины граждан, имеющих право на участие в референдуме (участников референдума).

В противоречии ст. 36 Закона о референдуме 2007 года, гражданам разрешено было проголосовать без открепительного удостоверения на том участке, где он находился в день голосования (т.е. без учета прописки граждан) и по ксерокопии паспорта или вообще без каких-либо документов, удостоверяющих личность.

¹ Закон Кыргызской Республики «О нормативных правовых актах Кыргызской Республики» от 20 июля 2009 года №241// Газета "Эркинтоо". – 7 августа 2009 г. –№68-69.

На референдум также был вынесен вопрос о введении должности Президента переходного периода¹. Законодательством КР не была предусмотрена данная должность. А вынесение на референдум кандидатуры Президента Переходного периода на безальтернативной основе, с одной стороны, противоречило общепризнанным принципам избирательного права, а с другой стороны, противоречило требованиям п. 6 ст. 8 Закона о референдуме КР 2007 года, который запрещает выносить на всенародное голосование вопросы, связанные с избранием, назначением и освобождением должностных лиц представительных и исполнительных органов государственной власти.

Исследуя практику проведения отечественного референдума в 2010 году, мы пришли к выводу о том, что, несмотря на столь значительные нарушения процедуры его проведения, в столь сложный для страны период, именно референдум оказался единственным правовым механизмом выхода из конституционного кризиса и способом легитимизации новой власти.

Институт референдума в Кыргызской Республике играет важную роль, несмотря на разные точки зрения общественности, в становлении и развитии народовластия и остается одним из главных институтов демократии, обеспечивающего реализацию права народа непосредственно участвовать в решении государственно-важных вопросов.

Таким образом, институт референдума и впредь будет играть важную роль в укреплении демократического режима и становлении гражданского общества, а также являться главным связующим звеном во взаимоотношении власти и народа.

¹ Декрет Временного Правительства Кыргызской Республики "О Президенте Кыргызской Республики переходного периода" от 19 мая 2010 года ВП №39.

ЮЛДОШЕВ Рифат Рахмаджонович,
начальник Организационно-научного и
редакционно-издательского отдела, доцент
кафедры уголовного процесса Академии МВД
Республики Таджикистан, кандидат
юридических наук, майор милиции,

ТОШЕВ Амиршоҳ Мансурович,
адъюнкт кафедры государственно-правовых
дисциплин Академии управления МВД России,
майор милиции

ПРОЕКТ ЗАКОНА РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН «О ПОЛИЦИИ» И СТРАТЕГИЯ РЕФОРМЫ МИЛИЦИИ

Предпринятый нами анализ основных документов реформирования органов внутренних дел Таджикистана (в особенности милиции), по нашему мнению, не представляется возможным, если не учитывать иерархию и периодичность принятых (уже утвержденных) документов. Из трех основных документов, которые были разработаны (некоторые из них уже официально приняты) в ходе реформирования органов внутренних дел (Стратегия реформы милиции, Программы реформы (развития) милиции на 2014-2020 гг., Проект Закона Республики Таджикистан «О полиции»), мы сочли нужным проанализировать только две из них, которые указаны в заглавии данной работы.

Начнем анализ с содержания Стратегии реформы милиции на 2013-2020 гг.¹, утвержденной Указом Президента Таджикистана от 19 марта 2013 г. за № 1438². Здесь же следует отметить, что разработанный рабочий вариант Стратегии в стенах МВД Таджикистана послужил базисом, основанием для принятия анализируемого документа.

Безусловно, предпринимаемые в последние годы успешные шаги по реформированию органов внутренних дел со стороны руководства МВД Таджикистана являются положительными моментами, которые требуют тщательного анализа и дальнейшего целесообразного продолжения.

Анализируемая Стратегия, состоит из преамбулы; целей и задач реформы милиции; правовых основ и принципов реформы; взаимодействия милиции с населением, гражданским обществом, общественными организациями и СМИ; разграничение полномочий милиции, установление ее компетенции в системе органов государственной власти и

¹ Здесь и далее по всему тексту цитируется – Стратегия, если иное не оговорено в тексте.

² Стратегия реформы милиции на 2013-2020 годы // Официальный сайт МВД Республики Таджикистан [Электронный ресурс]: URL : <http://www.mvd.tj> (дата обращения : 06.10.2014 г.).

управления; структуры органов милиции, управление милицией; профессионализм в работе милиции, кадровая работа в милиции, отбор, подготовка, прием на работу и продвижение по службе сотрудников; службы в милиции, рабочее время и оплата сотрудника; применение милицией физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия; создания единой государственной системы регистрации и учета преступлений; международного сотрудничества и контроля за работой милиции, ответственности милиции и ее сотрудников.

По замыслу разработчиков, Стратегия, основываясь на нормах Конституции Республики Таджикистан, определяет цели, приоритеты и меры по реформе и развитию милиции, и отражает действия Правительства Республики Таджикистан на среднесрочный период.

Далее отмечается, что реализация целей, приоритетов и мер по реформированию и развитию милиции, способствует решению важных задач социально-экономического развития Таджикистана в современном мире и отвечает основным приоритетам Национальной стратегии развития Республики Таджикистан на период до 2015 года.

Наименее убедительной является, аргумент разработчиков, в силу чего, Стратегия представляет собой принципиально новый подход к обеспечению развития милиции Таджикистана, учитывающий мировой опыт по разработке и реализации аналогичных стратегических документов, уроки и выводы прошлых этапов развития милиции, а также сложившиеся реалии и перспективы ее развития.

Далее. Стратегия будет реализована с принятием Программы развития милиции на 2013-2020 гг. и планом ее реализации, участниками которой являются Правительство Республики Таджикистан, органы внутренних дел, институты гражданского общества и население республики, а также международные организации, страны-доноры и нормативно-правовые акты по реформе милиции. Необходимо отметить, что Программа реформы (развития) милиции на 2014-2020 гг¹. уже принята и активно внедряется.

Особо следует отметить, что в настоящее время в Таджикистане закончился второй этап судебно-правовой реформы, направленной на обеспечение верховенства закона и укрепление законности, последовательную демократизацию и либерализацию судебно-правовой сферы, укрепление судебной власти в целях надежной защиты прав и свобод человека *и гражданина* (дополнено авторами). Во многих пунктах Стратегии отсутствует упоминание о человеке, а порой и о гражданине.

¹ Программа реформы (развития) милиции на 2014-2020 гг. // Официальный сайт МВД Республики Таджикистан [Электронный ресурс]: URL: <http://www.mvd.tj> (дата обращения : 06.10.2014 г.).

Вроде бы все просто, но забывать об одном и путать его с другим, думаем, указывает об отсутствии системности в изложении данного документа.

Далее в тексте документа указывается, что милиция является одним из основных звеньев в правоохранительной сфере. Изменения, вносимые в работу судов, и других правоохранительных органов, с неизбежностью повлияют на характер деятельности других частей этой системы, в том числе и на работу органов внутренних дел и, прежде всего, милиции. Но существующая практика работы этих структур может ограничить позитивный эффект от судебно-правовой реформы. По этой причине судебно-правовая реформа должна также сопровождаться реформированием и развитием милиции Таджикистана, а также других элементов правоохранительной системы.

Последнее предложение выступает краеугольным камнем в концепции данного документа. Как правильно указано в Стратегии, в Таджикистане произошли серьезные экономические, социальные и политические изменения. Произошедшие изменения в различных сферах таджикского общества после приобретения независимости, обусловили поэтапное реформирование всей системы уголовного судопроизводства, к которой непосредственное отношение имеет и милиция. Заметим, что за последние семь лет в Таджикистане были приняты ряд программ и концепций¹, которые направлены на оптимизацию и эффективную деятельность государственных органов, должностных лиц, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства. Сразу же отметим, что абсолютное большинство указанных документов, усиливают только роль и полномочия судебного корпуса, а о составной части правовой реформы просто забывается. Это предложение в развитие тех мыслей, что принятием нескольких ключевых нормативных правовых актов (кодексов и ряд законов) вопросы организации, разработки соответствующих механизмов взаимодействия и реализации анализируемых сфер полностью не решаются и остаются неурегулированными, что и вызывает иногда парадокс в мышлении.

Утверждение разработчиков Стратегии о факте тандема судебно-правовых реформ с реформой милиции в этой части, выглядит крайне сомнительными и слабо аргументированными. Далее разработчики

¹ Об утверждении и принятии Программы судебно-правовой реформы в РТ / Указ Президента РТ Э. Рахмона от 23.06.2007 г. № 271; Об утверждении и принятии Программы судебно-правовой реформы в РТ на 2011–2013 гг. / Указ Президента РТ Э. Рахмона от 03.01.2011 г. № 976; Концепция прогнозного развития законодательства РТ / Утверждена Указом Президента РТ от 19.02.2011 г. № 1021 ч. 44; Государственная программа по реализации Концепции прогнозного развития законодательства РТ в сфере государственного устройства, правозащиты, обороны и безопасности на 2012-2015 гг. / Утверждена постановлением Правительства РТ от 01.03.2012 г., № 97 // <http://mmk.tj/ru> (дата обращения: 06.10.2014 г.).

правильно определяют векторы реформ, что все-таки должна быть обеспечена взаимозависимость реформирования милиции, уголовной юстиции, административной реформы, реформы органов государственной власти и органов местного самоуправления: реформирование милиции должно происходить в рамках коррекции уголовной политики государства, встроенной в процессе административной и судебно-правовой реформы, а также учитывать особенности текущего состояния экономики, государственного управления, развития гражданского общества и пр.

Совершенно правильно закреплены некоторые злободневные аспекты милицейской деятельности, такие как: повышение значения работ по предупреждению преступлений и правонарушений в деятельности милиции не должно привести к исключению ее роли в реагировании на совершенные преступления; основной задачей милиции на местах должно стать обеспечение общественного порядка, безопасности граждан и общества, защита их интересов с учетом их ожиданий от работы милиции и реформа направлена на формирование в общественном сознании совершенно нового социального облика, имиджа сотрудника милиции, свободного от коррупции, и нацеленного на оказание содействия гражданам.

Далее отмечается, что Правительство Республики Таджикистан приняло решение начать всеобъемлющую Программу реформы милиции на благо народа Таджикистана. Настоящая программа реформ будет основана на видении будущего правопорядка в Таджикистане, включающего три руководящих принципа: *подотчетность, соответствие и ориентированность на общество*. Эти принципы определяют общие цели процесса реформ и формируют последующие этапы планирования и реализации Стратегии реформ.

К отдельным общим недостаткам следует отнести нелогичное изложение идей и рекомендаций, отсутствие определенных переходов, частые повторы в тексте, грамматические и орфографические ошибки, которыми Стратегия в свою очередь страдает и нуждается в корректорской редакции. Увы, но документ уже принят и вряд ли можно что-то изменить в этом плане.

Положительным также является аргумент о том, что в рамках реформы очень важно, чтобы служба милиции отражала то общество, которому она служит. Личный состав милиции Таджикистана, как офицерский, так и рядовой, должны максимально отражать слои общества. Это требует обеспечения набора на службу в соответствии с профессиональными качествами и потребностями в специалистах в конкретном региональном подразделении с учетом возможностей разрешения социальных потребностей. Следует внедрять проведение конкурсных наборов сотрудников из числа выпускников других учебных

заведений, практиковать набор на службу молодых людей по наилучшим личным и профессиональным характеристикам.

Милиция Таджикистана должна решить проблемы по устранению коррупции на всех уровнях. Использование должности в целях личной выгоды со стороны отдельных сотрудников сильно подрывает доверие общества к честности и порядочности подразделений милиции в целом. Правительство Республики Таджикистан и МВД Республики Таджикистан считают коррупцию в милиции фактической угрозой демократии, верховенству закона и защите прав человека и поэтому создают и внедряют новые средства и методы борьбы с коррупцией.

В современном цивилизованном демократическом обществе, милицейская служба требует огромного интеллекта, внутренней культуры, силы характера, смелости, но прежде всего – подлинного желания служить гражданам в интересах личности, государства и общества в целом. Милиция должна улучшать качество жизни граждан, применяя в случае необходимости достаточные силовые средства и методы; уметь распознавать ситуации, когда следует применить неформальное принуждение в виде совета или предостережения вместо ареста или преследования; всегда действовать без предубеждений, с сочувствием относиться к гражданам как членам своей семьи и в соответствии с самыми высокими, насколько это возможно, этическими стандартами.

Милиция должна превратиться в круглосуточную сервисную службу с широким спектром социальных услуг. Представление милицией социальных услуг населению предполагает скорую медицинскую и психологическую помощь, поиск потерявшихся людей, помощь водителям, попавшим в трудную ситуацию, и даже спасение животных. Кроме того, поддержание милицией общественного порядка включает правовое, психологическое и педагогическое вмешательство и разрешение семейных и бытовых конфликтов, обеспечение транспортного движения, контроль за уровнем шума и обеспечение экологической безопасности, удаление нарушителей порядка из общественных мест. По данному абзацу, думаем трудновато будет воплотить все изложенные идеи, так как резкое превращение милиции в сервисную службу, выглядит крайне спорным, но оставляет желать только лучшего. Считаем, что в рамках реализации этих новаций системный подход будет основным критерием апробации этих нововведений.

Процесс реформирования милиции должен быть прозрачным и публичным, считают разработчики, с чем мы и согласны. Он предполагает создание различных механизмов, поддерживающих открытую и публичную дискуссию в течение всего периода реформирования. Формат дискуссии и принятия решений должен позволять гражданам принимать прямое и опосредованное участие в обсуждении хода реформы на разных ее этапах,

иметь возможность донести до Правительства Республики Таджикистан свои просьбы (ожидания) и предложения по этой теме, иметь возможность проконтролировать учет общественного запроса к реформе милиции.

Реформа предполагает установленную поэтапность с указанием сроков и ожидаемых результатов. На первом этапе планируется подготовка Закона Республики Таджикистан «О полиции», принятие которого повлечет за собой изменения в названии милиции, определение основных функций и задач милиции, изменение кадровой политики, проводимые в короткий промежуток времени.

Следует еще раз заострить внимание читателя на том факте, что содержание Стратегии охватывает актуальные проблемы функционирования органов внутренних дел, решение которых соответствует развитию и улучшению деятельности этих органов по обеспечению правового статуса личности и укреплению правопорядка в целом. Стратегия принята своевременно, в ней рассматриваются пути решения общественно значимых вопросов. Стратегия предусматривает развитие профилактики нарушений прав и свобод человека и гражданина; повышение уровня образования и профессионализма личного состава; взаимодействия с населением и гражданским обществом; улучшения уровня финансирования, в том числе оплаты труда сотрудников милиции; планируется подготовка Закона Республики Таджикистан «О полиции», которой должен основываться на опыте развитых государств; проведение конкурсных наборов сотрудников из числа выпускников общегражданских учебных заведений; борьба милиции по устранению коррупции; принятие этического кодекса, основанного на примере кодексов полицейской этики других развитых стран; обеспечение милиции наглядной информацией о правах задержанных, культуре обращения и правах человека в целом; публикация всех подзаконных актов, ограничивающих права человека. При МВД и управлениях милиции в областях будут созданы общественные советы, а при органах исполнительной власти на местах и органах самоуправления - Советы общественного порядка по содействию охране общественного порядка; создается Главная инспекция милиции подчиняющейся только Министру внутренних дел; планируется разработать и утвердить Концепцию взаимодействия милиции и гражданского общества.

Вместе с тем Стратегия не лишена проблем и недостатков. В демократическом и правовом государстве каждый нормативный правовой акт должен основываться на принципе верховенства прав и свобод человека и гражданина и уважения чести и достоинства личности. Но текст Стратегии об этом не упоминает. В Стратегии отмечается, что такие принципы как подотчетность, соответствие и ориентированность определяют общие цели процесса реформ и формируют последующие

этапы планирования и реализации стратегии реформ. По нашему мнению, логично было бы рассматривать уважение и соблюдение прав и свобод личности в качестве одного из основных принципов реформы милиции Таджикистана.

Кроме того, разработчики Стратегии чаще всего используют термин «гражданин». Например, говорят о «профилактике нарушений прав и свобод граждан со стороны сотрудников милиции», или: «Основной задачей милиции на местах должно стать обеспечение общественного порядка, безопасности граждан и общества», «...необходимо провести оценку действующих законов, положений, инструкций, приказов, регламентирующих деятельность органов внутренних дел, на соответствие их требований проводимым преобразованиям в органах внутренних дел, ориентируемым, прежде всего на защиту граждан и их прав...», «Милиция должна улучшать качество жизни граждан...», «Действия (бездействие) сотрудника милиции, нарушающие права и законные интересы гражданина, государственного органа, общественного объединения, религиозной и иной организации, могут быть обжалованы в вышестоящий орган...».

Полагаем, что Стратегия не вполне учитывает положения Конституции Республики Таджикистан и других общепризнанных международно-правовых актов о правах человека.

Исходя из вышеизложенного и проанализированного, приходим к выводу, что кардинальное изменение название милиции, в нашем случае не даст положительных эффектов, если не будут учтены и претворены в жизнь все положительные моменты анализируемых документов.

Проект закона «О полиции» вместо закона «О милиции» – это не просто изменение названия ранее принятых терминов, думаем мы. Если к этому все будет сведено, положительных сдвигов не будет, а вред авторитету органов внутренних дел от этой дорогостоящей акции можно ожидать. Разработчики проекта закона «О полиции» должны понять, что цель закона – не «ремонт» старого нормативного акта, не попытка покрыть современными терминами систему, а то, что безнадежно устарело и требует новых изысканий. По нашему мнению, закон «О полиции» – это начало реформирования всей правоохранительной системы. Поэтому важно не переписывать старое, а искать новое, соответствующим задачам. С этим вызовом в МВД Республики Таджикистан по сей день справляются, потому что активно работает рабочая группа по переработке текста проекта закона «О полиции».

Сам проект закона «О полиции» состоит из 6 глав и 39 статей. Следует оговориться, что активная работа ведомственной рабочей группы привела

к тому, что в настоящее время¹ кардинально изменилось содержание текста. С первичным обсуждением и выставлением на официальный сайт МВД проекта закона «О полиции», значительно увеличилось количество его статей, структура проекта изменена до не узнаваемости, расширены и конкретизированы полномочия сотрудников полиции. Краткий анализ оставляет желать только лучшего.

Вместе с тем, хотелось бы вкратце осветить несколько моментов в проекте. В соответствии со ст. 5 Конституции Республики Таджикистан «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Жизнь, честь, достоинство и другие естественные права человека неприкосновенны. Права и свободы человека и гражданина признаются, соблюдаются и защищаются государством»².

Словосочетания «права человека» и «права гражданина» широко используются в законодательстве и, в частности в отдельных положениях Конституции Таджикистана, и имеют разное смысловое значение. Устанавливая различия между статусом человека и статусом гражданина, Конституция Республики Таджикистан опирается на общечеловеческие ценности. Права человека вытекают из естественного права (право на жизнь, право на честь и достоинство, право на собственность, право на создание семьи и др.), а права гражданина – из позитивного права. Если права человека присущи всем от рождения независимо от того, являются ли они гражданами государства, в котором живут, или нет, то права гражданина определяются его принадлежностью к государству.

Таджикистан также признает и учитывает интересы иностранных граждан и лиц без гражданства. Законодательство Республики Таджикистан, в том числе Конституция Республики Таджикистан, используя формулировки «все», «каждый», «каждому», «никто», подчеркивает признание указанных прав и свобод за каждым человеком, находящимся на территории Таджикистана, независимо от того, является ли он гражданином Республики Таджикистан, иностранным гражданином или лицом без гражданства. Однако до сих пор существуют определенные противоречия в отечественных законодательных актах по определению статуса человека и гражданина.

Подготовленный проект закона «О полиции», несмотря на все положительные стороны (например, принципами деятельности полиции объявлено равенство всех перед законом; обеспечение прав и свобод человека; уважение и соблюдение прав и свобод, чести и достоинства

¹ До включения данной работы в сборник, т.е. до 10 декабря 2014 г. промежуточное содержание проекта включает в себя 9 глав и 69 статей

² Конституция Республики Таджикистан : офиц. текст (с изменениями и дополнениями от 2003 г.) // Единый государственный Реестр нормативных правовых актов Республики Таджикистан. – 2008. – № 1. – С. 5–21.

человека), также имеет недостатки. По нашему мнению, в тексте проекта закона, как и в Стратегии, чаще всего используется термин «гражданин» и должным образом не конкретизируется статус иностранных граждан, лиц без гражданства и лиц, имеющих двойное гражданство. К примеру: полиции для выполнения возложенных на нее обязанностей предоставляются следующие права: «требовать от граждан и должностных лиц соблюдения общественного порядка...»; «проверять у граждан документы, удостоверяющие их личность...»; «вызывать в полицию граждан и должностных лиц...»; «выносить гражданам официальные предостережения о недопустимости их противоправного поведения и осуществлять регистрации этих лиц»; «временно ограничивать или запрещать доступ граждан на отдельные участки местности или объекты в целях обеспечения общественного порядка, общественной безопасности, охраны жизни и здоровья граждан...»; «изымать у граждан и должностных лиц документы, имеющие признаки подделки...» (ч. 1 ст. 10); «сотрудник полиции имеет право не предупреждать о намерении использования физической силы, специальных средств или огнестрельного оружия, если промедление в их использовании непосредственно будет угрожать жизни и здоровью граждан или сотрудника полиции...» (ч. 4 ст. 14); «сотрудник полиции имеет право применять специальные средства, имеющиеся на вооружении полиции, в следующих случаях: для отражения нападения на граждан и сотрудника полиции...» (ч. 1 ст. 15); «сотрудник полиции в качестве крайней меры имеет право применять огнестрельное оружие в следующих случаях: для защиты граждан от нападения, а также для освобождения заложников...» (ч. 1 ст. 16); «оказывать помощь гражданам, пострадавшим от преступлений, административных правонарушений и несчастных случаев, а также гражданам, находящимся в беспомощном состоянии, опасном для их жизни...» (ч. 3 ст. 19) и другие¹.

С целью устранения отмеченного недостатка целесообразно было бы использовать в тексте проекта термины «каждого», «лиц», «человека и гражданина» или «личность». Поскольку в Таджикистане, кроме граждан Таджикистана временно или постоянно находятся также иностранные граждане и лица без гражданства, которые волею судьбы могут быть участниками тех правоотношений, которые регламентируются отечественным законодательством.

Подытоживая все изложенное, надеемся на положительный исход всего этапа реформирования органов внутренних дел. Дальнейшая разработка и окончательная редакция анализируемого проекта будет свидетельствовать о качестве данного закона и о его перспективе в

¹ О полиции: проект закона Республики Таджикистан / Официальный сайт МВД Республики Таджикистан [Электронный ресурс]: URL : <http://www.mvd.tj> (дата обращения: 8 июня 2014 г.).

дальнейшем. Этому будет посвящен отдельный научный анализ, который и подведет итоги. Проект до его окончательного принятия будет подвергаться изменениям. Частичное соотношение анализируемых документов, яркий пример качества работы разработчиков.

Не стоит забывать, что Президент Таджикистана Э. Рахмон в своем ежегодном послании поручил руководству МВД в кратчайшие сроки подготовить проект закона «О полиции» и «Об органах внутренних дел». Первый проект уже готов и дорабатывается, второй проект вскоре тоже будет разрабатываться. Все это свидетельствует о пристальном внимании Главы государства к качеству и эффективности проводимой реформы органов внутренних дел. Краткий анализ свидетельствует о качественной оптимизации реформы, что требует тщательного и продуманного продолжения с учетом освоения передового опыта.

*ЮСУФОВ Акмалджон Хотамович,
доцент кафедры государственно-правовых
дисциплин Академии МВД Республики
Таджикистан, кандидат юридических наук,
майор милиции*

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Масштабы социально-политических, экономических и иных крупных преобразований в Республике Таджикистан после приобретения государственной независимости обусловили развитие конституционного законодательства, выступающее в качестве «нормативного ядра» системы национального законодательства. С распадом Союза ССР, становлением бывших союзных республик как независимых и суверенных государств в них начался сложный процесс формирования национальных законодательных и правовых систем. На этом переходном этапе наряду с другими союзными странами в Республике проходило динамичное развитие законодательства во всех отраслях права, прежде всего, в конституционном праве, отличающегося в современный период высоким динамизмом. Процесс развития конституционного законодательства был неодинаковым, но несмотря на все имеющийся трудности, как справедливо отмечает профессор Д.З. Маджидзода характер, сущность и содержание конституционного законодательства Республики Таджикистан никогда не оставались неизменными, застывшими. Они постоянно изменялись и развивались по демократическому пути развития страны. Каждому этапу развития общества, его экономическому, социально-политическому, культурному и иному уровню всегда соответствует определенный уровень развития конституционного законодательства¹.

Формирующееся конституционное законодательство Республики Таджикистан в определенный период времени включало значительное число конституционно-правовых норм законодательства союза ССР. Вычленение норм союзного законодательства в Таджикистане происходило постепенно. Начальным этапом явилось принятие Декларации о суверенитете Таджикской Советской Социалистической Республики от 24 августа 1990 года. Декларация закрепляла верховенство Конституции и других законов Таджикской ССР на всей ее территории и предусматривала, что действие актов Союза ССР, вступающих в противоречие с суверенными правами Таджикской ССР, приостанавливается со стороны Верховного Совета Таджикской ССР. Это объясняется тем, что, во-первых, законы, принятые Таджикистаном в составе советского государства и в начале приобретения независимости, были несистемными и разнопрофильными. Во-вторых, с приобретением

¹ Маджидзода Д.З. (Зоиров Дж.М.). Конституция Республики Таджикистан: 20 лет: монография. – Душанбе: «Эр-граф», 2014. – С.114.

независимости и вхождением страны в свободную политическую, экономическую и международную сферы, без наличия совершенного, качественного и эффективного национального законодательства, основанного на конституционных устоях демократии и международных правовых актах, признанных Таджикистаном, было бы довольно проблематично¹.

В эволюции конституционного законодательства Республики Таджикистан следует подчеркнуть тенденцию внесения многочисленных поправок в Конституцию Таджикской ССР 1978 года, принятие законов, отражающих происходящие в стране преобразования в политической, экономической, социальной, экономической сферах, а также в государственном устройстве, в системе органов государственной власти и в других областях. Например, в целях последовательного осуществления конституционной реформы, обеспечения преемственности и эффективного функционирования всех ветвей и уровней государственной власти и государственного управления в ходе их предстоящей реорганизации 20 июля 1994 года был принят Закон Республики Таджикистан «О конституционной реформе в Республики Таджикистан, о порядке принятия и введения в действие Конституции Республики Таджикистан», предусматривающий необходимость принятия Конституции Республики Таджикистан и порядок прекращения действия Конституции (Основного Закона) Республики Таджикистан 1978 года. Кроме того, данный закон предусматривал необходимость совершенствования законодательства в целях упорядочения деятельности различных отраслей общественной жизни и приведения их в соответствие с основными положениями новой Конституции, а также принятие названных конституционных законов.

Стержневым направлением в формировании современной отрасли конституционного права Таджикистана является принятие Конституции Республики Таджикистан 1994 года, повлекшее за собой качественное изменение системы национального законодательства. Принятие Конституции, прежде всего, проявилось в становлении и развитии внутренне непротиворечивой системы национального законодательства суверенного Таджикистана, новых видов источников и принципиальном обновлении содержания его норм, появлении новых, а также преобразовании существующих отраслей законодательства. В системе национального законодательства ведущее место занимает конституционное законодательство, представляющее собой совокупность нормативных правовых актов (преимущественно – Конституция Республики Таджикистан, конституционные и отраслевые законы), регламентирующие основополагающие и системообразующие (правовые, политические, социально-экономические, духовные и другие) общественные отношения. Прежде всего, эти отношения связаны с конституционной формой государства, правовым статусом личности, организацией государственной власти, политической системы общества.

¹ Право современного Таджикистана / под ред. Рахимова М.З. – Душанбе, 2014. – С.48-49.

Как отмечает профессор М.З. Рахимов характерным признаком принятых в этот период законов явилось то, что с их помощью были созданы условия для укрепления конституционных основ государства, прав и свобод человека и гражданина, статуса органов местной власти, правительства и правоохранительных структур, а также развития новой системы экономических отношений¹.

Если в кратце проанализировать основные тенденции, присущие процессу становления конституционного законодательства Республики Таджикистан, то можно выделить следующие основные его направления:

- правовое обеспечение подлинного суверенитета Республики Таджикистан и становление ее как самостоятельного, независимого государства;

- деидеологизация конституционно-правового законодательства. Следовательно, в Конституции Республики Таджикистан отсутствуют идеологические характеристики сущности государства и институтов общественного строя, изменение названия государства и символов его государственного суверенитета, т.е. флаг, герб, гимн. Отрадно отметить, что конституционно закреплён принцип политического и идеологического плюрализма (ст. 8);

- гуманизация всех государственно-правовых институтов, перенос центра тяжести на признание прав и свобод человека и гражданина, которые конституционно утверждаются как высшая ценность. Это означает пересмотр концепции взаимоотношения государства и гражданина: вместо приоритета общественных, государственных интересов над личными и в основу кладется приоритет интересов личности²;

- реализация принципа разделения властей также выражается в признании данного принципа в качестве одной из основ конституционного строя и в многочисленных положениях Конституции закрепляют систему и компетенцию высших государственных органов;

- признание и гарантия местного самоуправления;

- коренное изменение системы органов государственной власти: учреждение института президентства, двухпалатного парламента, образование Конституционного суда и т.д.;

- существенная реорганизация государственного устройства. Данная тенденция развития конституционного права связана с преодолением немалых трудностей и с согласованием противоречивых интересов;

- переход к рыночным отношениям в экономике. Конституционно закреплены свобода экономической и предпринимательской деятельности, равноправие и правовую защиту всех форм собственности, в том числе частной.

Развитие отрасли конституционного законодательства Республики Таджикистан на современном этапе связано с осуществлением следующих основных задач:

¹ Рахимов М.З. Развитие законодательства Республики Таджикистан в период независимости // Журнал российского права. – 2013. – №2. – С.105.

² Маджидзода Д.З. (Зоиров Дж.М.). Указ. соч. – С.120.

1) Укрепление государства в лице всех институтов различных уровней власти;

2) Обеспечение единства конституционного законодательства путем устранения имеющегося несоответствия положений законов и других нормативных правовых актов нормам Конституции;

3) Обеспечение соответствия законодательства Республики Таджикистан Конституции Республики Таджикистан и международным нормативным правовым актам, признанным Таджикистаном. Так, как отмечает профессор Д.З. Маджидзода одной из тенденций развития таджикского законодательства, *в частности конституционного*, является его тесное взаимодействие с принципами и нормами международного права¹.

4) Расширение гарантий, реального обеспечения конституционных прав и свобод человека и гражданина;

5) Развитие процессов формирования гражданского общества, становление подлинной многопартийной системы;

6) Развитие законодательства, способствующего практическому утверждению местного самоуправления;

7) Повышение действенности конституционно-правового регулирования механизма реализации конституционно-правовых норм; усиление различных форм ответственности за их нарушение.

Осуществление указанных и иных вытекающих из них задач является важным условием формирования Республики Таджикистан как правового государства и требует активного воздействия конституционного законодательства.

Подводя итог эволюции конституционного законодательства суверенного Таджикистана, необходимо отметить, что Конституция Республики Таджикистан 1994 года, являясь основным источником конституционного законодательства, выступает важнейшим документом регулирования общественных отношений, связанные с конституционным строем, организацией и функционированием государственной власти, общественно-политической жизни, важными сферами существования человека, развитием гражданского общества и правовой системы страны.

¹ Маджидзода Д.З. (Зоиров Дж.М.). Указ. соч. – С.124.

ЩЕНДРИГИН Евгений Николаевич,
заведующий кафедрой конституционного и
избирательного права юридического
факультета ФГБОУ ВПО «Орловский
государственный университет», доктор
юридических наук, профессор, Заслуженный
юрист Российской Федерации

20 ЛЕТ КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Конституция РФ, принятая всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., не была первой конституцией в истории страны, она стала логическим завершением большого трехлетнего труда. Конституция России – результат кропотливого труда ученых и практиков различных специальностей (юристов, экономистов, политологов, филологов, психологов). Это поистине коллективный труд. Конституция РФ 1993 г. отличается от всех российских конституций советского времени в первую очередь тем, что является основным законом самостоятельного, действительно суверенного государства. Как отмечается в преамбуле Конституции РФ, ее принятие связано с возрождением суверенной государственности России и утверждением незыблемости ее демократической основы. Она несет в себе новые ценности и ориентиры политического и социально-экономического развития, в центре которых стоят основные права и свободы человека¹. Конституция РФ создана с

¹ Сальников В.П. Право и свобода в качественной иерархии ценностей личности // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – 2006. – №9. – С.6–15; Сальников М.В. Равноправие граждан пред законом как условие стабильности общества // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2003. – №1 (17). – С.103–104; Морозова Л.А., Сальников В.П., Федоров А.Б. Права человека и статус правоохранительных органов (материалы симпозиума в Санкт-Петербургском юридическом институте МВД России) // Государство и право. – 1994. – №11. – С.81; Сальников В.П., Цмай В.В. Современная система защиты прав человека // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1999. – №1. – С.82; Сальников В.П. Гарантии конституционных прав и свобод граждан России как механизм их социально-правовой защиты // Права человека в России и правозащитная деятельность государства: Сборн. матер. Всеросс. науч.-практ. конф., Москва, 12 мая 2003 г. / под ред. В.Н. Лопатина. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – С.62–66; Хабриева Т.Я. Право граждан на обращение: проблемы правового регулирования // Права человека в России и правозащитная деятельность государства: сб. матер. Всеросс. науч.-практ. конф., Москва, 12 мая 2003 г. / под ред. В.Н. Лопатина. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – С.54–61; Российская правозащитная политика: монография / под ред. А.В. Малько. – М.: Юрлитинформ, 2014. – 248 с.; Конституция, судебная власть и права человека в Российской Федерации: матер. докл. и сообщ. участн. межвуз. научн.-практ. конф., посвященной памяти проф. В.А. Ржевского / отв.ред. Н.С. Бондарь. – Ростов-на-Дону: РостГУ, 2006. – 295 с.; Бондарь Н.С. Аксиология судебного конституционализма: конституционные ценности в теории и практике конституционного правосудия. Серия «Библиотечка судебного конституционализма». Вып. 2. – М.: Юрист, 2013. – 176 с.; Медведев С.М., Числов А.И. Права, свободы, законные интересы граждан и органы

учетом современных идей конституционализма, таких, как свобода, гуманизм, права личности, разделение властей, представительная форма правления¹.

Конституция в любом государстве – это правовой акт высшей юридической силы, своеобразный признак государственности, юридический фундамент государственной и общественной жизни, главный источник национальной системы права.

Действующая Конституция РФ – это подлинный источник права и применяется непосредственно не только Конституционным Судом, но и всеми иными судами. На основе Конституции выстроена новая система организации публичной власти, конституционные механизмы, препятствующие возрождению тоталитарного общества и государства и способствующие защите прав граждан от произвола со стороны государства. Конституцию можно рассматривать как микромодель общества, его юридический каркас, в рамках и на основе которого функционирует механизм государственной власти, обеспечиваются права и свободы человека и гражданина.

Конституция 1993 г. занимает верховенствующее положение в правовой системе страны. Ее положения являются первичными. Все остальные правовые акты, принимаемые в рамках Российской Федерации, в том числе федеральные законы, конституции республик, уставы краев,

местного самоуправления: монография / под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2013. – 232 с. – (Серия: «Безопасность человека и общества»); Права человека и правовое социальное государство в России / отв. ред. Е.А. Лукашева. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. – 400 с.; Эбзеев Б.С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации: монография. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2013. – 656 с.; Комаров С.А., Ростовщиков И.В. Личность. Права и свободы. Политическая система. – СПб.: Юридический институт (Санкт-Петербург), 2002. – 336 с.; Российская Конституция: первые 20 лет: Цикл лекций в Государственной Думе. 18 марта – 22 апреля 2013 года. – М.: Издание Государственной Думы, 2013. – 216 с.

¹ Бондарь Н.С. Местное самоуправление и конституционное правосудие: конституционализация муниципальной демократии в России. – М.: Норма, 2009. – 592 с.; Хабриева Т.Я., Чиркин В.Е. Теория современной конституции. – М.: Норма, 2005. – 320 с.; Шахрай С.М. О Конституции: Основной закон как инструмент правовых и социально-политических преобразований / Отд-ние общественных наук РАН. – М.: Наука, 2013. – 919 с.; Шахрай С.М. Неизвестная Конституция. *Constitutio incognita*. – М.: Красная звезда, 2013. – 320 с.; Романовская В.Б. *Magna carta libertatum* в контексте современной проблемы прав личности // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. – 2009. – №5. – С.258–261; Сальников В.П., Ромашов Р.А., Сальников М.В. Теория правового государства (попытка современной интерпретации) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2002. – №3; Чукин С.Д., Сальников В.П., Балахонский В.В. Философия права: учебник. – М., 2002; Сальников В.П. Правовая культура как фактор стабилизации современного российского общества // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. – 2001. – №1. – С.187–189; Сальников В.П. Советское правовое государство и юридическая наука: (круглый стол, выступление) // Государство и право. – 1988. – №3. – С.65.

областей, городов федерального значения, автономной области и автономных округов, должны соответствовать Конституции РФ.

Конституция РФ выступает как юридическая база для развития всех отраслей права, составляющих российскую правовую систему. Кодексы, другие федеральные законы, как правило, содержат ссылки на действующую Конституцию, что иной раз делается после приведения ранее принятых актов в соответствие с ней. Тем самым обеспечиваются единство и взаимная согласованность отраслей права, общность их исходных принципов.

Конституция РФ разрабатывалась и утверждалась с тем, чтобы воплотить достижения цивилизации, в том числе общепризнанные принципы права, фундаментальные права и свободы человека. Россия рассматривает себя как часть мирового сообщества, в котором все его члены добровольно берут на себя обязательство закрепить в праве, в первую очередь в конституциях, эти принципы и их последовательно реализовывать. Причем речь идет не о любых принципах, а только о тех, которые официально признаны Россией. Кроме того, Конституция воплотила в себе многие идеи, сформированные в отечественных политико-правовых традициях за многовековую историю России, это Российская Конституция¹.

¹ Сальников М.В. Отечественная политико-правовая традиция: факторы, определяющие самобытность // Правовое поле современной экономики. – 2013. – №10; Сальников В.П., Сальников М.В. Правовая культура и правовая традиция в их категориальном соотношении и понимании // Правовое государство: теория и практика. – 2014. – №3 (37). – С.13–19; Сальников В.П., Сальников М.В. Национально-этнические ценности в правовой культуре и политико-правовых традициях // Вестник Башкирского университета. – 2014. – Т.19. – №3. – С.950–956; Сальников В.П., Сальников М.В. Правовая культура и политико-правовые традиции в контексте абсолютных ценностей // Юридическая мысль. – 2014. – №4. – С.70–86; Сальников В.П., Сальников М.В. Правовая культура и правовая традиция в их категориальном соотношении и понимании // Правовое государство: теория и практика. – 2014. – №3 (37). – С.13–19; Сальников М.В. Генезис и эволюция российской политико-правовой традиции (историко-теоретический и сравнительно-правовой анализ): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – СПб., 2005. – 53 с.; Сальников М.В. Геополитические, экономические и социо-культурные факторы в контексте становления и динамики развития национальной политико-правовой традиции в России // Правовое поле современной экономики. – 2012. – №11. – С.47–66; Сальников М.В. Западная традиция права: политико-правовые ценности и идеалы // Мир политики и социологии. – 2013. – №10. – С.170–191; Сальников М.В. Национальное и универсальное начала в политико-правовой традиции (теоретико-правовой и аксеологический анализ) // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – №10 – С.11–32; Сальников М.В. Политико-правовая традиция, правовая культура и правовая система: к вопросу о соотношении категорий // Мир политики и социологии. – 2012. – №9. – С.153–156; Сальников М.В. Политико-правовая традиция: социальный феномен и категория политического правоведения // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – №11. – С.151–166; Сальников М.В. Развитие русской отечественной мысли конца XIV – начала XVI века // История государства и права. – 2005. – №1. – С.49; Сальников М.В. Традиционализм как политико-правовой феномен: методология познания и исследования // Мир политики и социологии. – 2012. – №11. – С.169–179;

Двадцать лет Россия прожила в согласии с идеалами и политико-правовыми устоями, заложенными Конституцией РФ 1993 г. За это время произошла глубочайшая трансформация всего общественного уклада, сменилось государственно-правовое и социально-экономическое обустройство страны. Конституция служит одним из важнейших инструментов проведения политических и экономических реформ, создания гражданского общества, рыночной экономики. Более того, конституционная реформа 1993 г. открыла путь экономическим, политическим, социальным и иным преобразованиям.

Прошедший период стал в прямом смысле слова переломным в деле законодательного регулирования основ государственности. Конституционные принципы и нормы стали правовым базисом для выстраивания системы общественных отношений. Регулирующая роль конституции касается всего общественного организма. Она охватывает не только государственную организацию, но и негосударственные сферы – социально-экономическое устройство, культурную жизнь, отношения в сфере гражданского общества. Никакая конституция не может обойти взаимоотношения государства с институтами собственности, общественными и религиозными учреждениями.

Сегодня мы имеем основания сказать, что каждое положение Конституции претворяется. То есть, по крайней мере, у общества есть такое достижение как отсутствие не востребуемых конституционных положений. Если Конституция закрепила плюрализм форм собственности, многообразие видов экономической деятельности, - это действительно существует. Если Конституция установила, что есть институты законодательной, исполнительной и судебной власти, - они также имеются и функционируют. Если Конституцией гарантируется широкий круг прав и свобод – они реализуются. В этом плане надо смотреть правде в глаза и не отрицать очевидного.

Современное регулирование конституционных отношений все чаще исходит из новых тенденций развития человечества. Как бы мы ни оценивали это, но в мире происходят процессы глобализации и интеграции при одновременном более точном учете местных особенностей. В основе регулирования конституционных отношений теперь все чаще лежит комплекс взаимосвязей: личность-коллектив-общество – государство – международная среда. Внесение принципиальных изменений в

Сальников М.В. Эволюция отечественной политико-правовой традиции: некоторые проблемы соотношения статического и динамического начал // Правовое поле современной экономики. – 2013. – №9. – С.62–81; Сальников М.В., Вележев С.И., Тищенко А.Г. Отечественная и западная политико-правовые традиции: сравнительно-правовой аксиологический анализ // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2004. – №4 (24). – С.29–31; Сальников С.П. Правовые идеалы российского общества второй половины XIX – начала XX веков // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2006. – №1 (29-1). – С.107–108.

Конституцию РФ и тем более принятие новой Конституции – возможно, дело будущего. Сегодня для развития положений Основного закона следует обратить внимание на другие резервы повышения эффективности Конституции, правовой, демократический и нравственный потенциалы которой в полной мере еще не востребованы, важно использовать возможности, заложенные в самой Конституции РФ.

В этой связи Президент РФ в своем Ежегодном послании Федеральному Собранию РФ обозначил свое видение фундаментальных норм нашей жизни, целей и ценностей нашего общества, закрепленных в Конституции России и благодаря этому прямо влияющих на все аспекты внутренней и внешней политики.

Президент подчеркнул, что решающая роль Конституции в становлении российской демократии. Гарантируемый ею уровень свободы личности, зрелость демократических институтов и процедур – это источник нашего дальнейшего подъема. Ставя задачи нового этапа развития, необходимо обеспечить широкое участие граждан, политических партий и других общественных институтов в их решении. Конечным итогом наших совместных действий, как отметил Президент РФ, станет качественное изменение не только уровня жизни граждан нашей страны. Измениться должны мы сами. Необходимо преодолеть широко распространённые представления о том, что все существующие проблемы должно решить государство или кто-то ещё, но только не каждый из нас на своём месте. Личный успех, поощрение инициативы, повышение качества общественной дискуссии, нетерпимость к коррупции должны стать частью нашей общенациональной культуры, именно частью общенациональной культуры.

Задача государства – это создание условий для развития гражданского общества. Люди, неравнодушные к тому, что происходит вокруг, должны иметь все возможности для реализации своих благородных устремлений. А рост гражданского самосознания, развитие институтов гражданского общества возможно только в развитой политической системе¹.

¹ См.: Романовская В.Б. Духовность и правосознание (соотношение феноменов) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И.Лобачевского. Серия: Право. – 2001. – №1 (3). – С.149-152; Сальников В., Сальников М. Правовая онтология гражданского сознания // Юридический мир. – 2005. – №11. – С.48-53; Сальников В.П., Сальников М.В., Биктасов О.В. Онтологическо-правовые основания гражданского сознания // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2005. – №3. – С.7–13; Сальников В.П. Правовая культура как фактор стабилизации современного российского общества // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. – 2001. – №1. – С.187–189; Сальников В.П. Проблемы и пути духовно-нравственного воспитания личного состава органов внутренних дел // Государство и право. – 1995. – №2. – С.140; Чукин С.Д., Сальников В.П., Балахонский В.В. Философия права: учебник. – М., 2002; Захарцев С.И. Правосознание: понятие и уровни // Правовое поле современной экономики. – 2012. – №2. – С.48–53; Захарцев С.И. Некоторые

Согласно Конституции, единственным источником власти в нашей стране является народ. На практике же в течение этих двадцати лет экономическая, социальная, внешняя политика разрабатывается в результате сложного взаимодействия самых разных общественных групп. Как отметил Президент РФ в своем Ежегодном послании, следование законным интересам и учёт мнений всех граждан России, независимо от их национальности, религиозных, политических и иных убеждений, - это обязанность государства, это обязанность демократического государства. Способность эту обязанность выполнять является главным критерием эффективности такого государства.

Одним из принципов конституционного строя Российского государства является политическое многообразие, которое определяет и структуру нашей многопартийной системы. Сегодня можно сказать, что многопартийная система в Российской Федерации в целом сложилась. Она стала стабильно функционирующим, общенациональным политическим институтом, важнейшим инструментом, обеспечивающим фундаментальные права и свободы нашего народа, в том числе и его исключительное право на власть. В России современные политические партии располагают организационной структурой, кадровым и интеллектуальным потенциалом, программами, отражающими весь спектр существующих в обществе политических взглядов.

Вместе с тем, перемены к лучшему происходят только там, где есть возможность для открытого обсуждения возникающих проблем, для честного соревнования идей, определяющих методы их решения, где граждане ценят общественную стабильность, уважают и соблюдают закон.

проблемы теории и философии права: монография / под общ. ред В.П. Сальникова. – М.: Норма, 2014. – С.102–113; Захарцев С.И., Сальников В.П. Правосознание юриста и правовой нигилизм: современные проблемы профессиональной деформации // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – №11. – С.11–29; Бачинин В.А., Сальников В.П. Правовая реальность в контексте цивилизации и культуры. Методология причинного анализа: монография / под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2005. – 224 с. – (Серия «Наука и общество»); Бачинин В.А., Сальников В.П. Причинность как философско-правовая проблема: монография / под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 184 с.; Безрядин В.И., Сальников П.П., Шхагапсоев З.Л. Профессиональная культура юриста: некоторые современные проблемы формирования // Мир политики и социологии. – 2012. – №2. – С.116-126; Безрядин В.И., Сальников П.П., Шхагапсоев З.Л. Юридическое образование как социальная ценность гражданского общества и правового государства // Правовое поле современной экономики. – 2012. – №1. – С.35-42; Бондарь Н.С. Конституционная модель современного юриста: соответствует ли ей нынешняя система юридического образования // Человек и закон. – 2010. – №1. – С.18–27; Бондарь Н.С. О конституционной модели юриста и роли конституционной компаративистики в системе юридического образования // Сравнительное конституционное обозрение. – 2009. – №6. – С.57–65; Бондарь Н.С. Российское юридическое образование как конституционная ценность: национальные традиции и космополитические иллюзии. Серия: «Библиотечка судебного конституционализма». Вып. 3. 2-е изд. доп. – М.: Юрист, 2014. – 72 с.; Захарцев С.И. Право и истина // Мир политики и социологии. – 2012. – №9. – С.146–152.

В этой связи необходимо отметить, что один из аспектов, идеологического назначения Конституции РФ заключается именно в том, что она помогает формировать общественное сознание, в свою очередь положения конституции сами должны стать частью общественного сознания.

Надо сказать, что обозначенные задачи решаются с разной мерой успеха. В формальном смысле не так уж сложно пропагандировать в обществе большую роль Конституции РФ, гораздо труднее другое: сформировать так называемое конституционное правосознание. Для этого, прежде всего, требуется не столько прокламировать значение Конституции, сколько обеспечивать претворение в жизнь ее постулатов. Кратко говоря, тезис должен быть таким: «надо жить по Конституции»!

**БАРОИ ҚАЙДҲО
ДЛЯ ЗАПИСИ**

**ҶАБҲАҲОИ КОНСТИТУТСИОНИИ ҲОЛАТИ МУОСИРИ
ҚОНУНГУЗОРИИ ҶУМҲУРИИ ТОҶИКИСТОН**

**Маводи конференсияи илмӣ-назариявӣ байналмилалӣ
(Душанбе, 11 октябри 2014 с.)**

**КОНСТИТУЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННОГО
СОСТОЯНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН**

**Материалы международной научно-теоретической конференции
(Душанбе, 11 октября 2014 г.)**

Художественный редактор: Исаев А.
Технический редактор: Шарифов М.

Подписано к печати 19.11.2014 г. Формат 60x84 1/8.
Бумага офсетная. Гарнитура литературная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 22,0. Усл. изд. лист 19,0.
Тираж 100 экз. Заказ № 8. Цена договорная.

Издательское предприятие «Ирфон»
Министерства культуры Республики Таджикистан,
734018, г. Душанбе, улица Н. Карабаева, 17.
E-mail: irfon_company@mail.ru

Отпечатано в типографии ООО «Андалеб-Р».
734036, г. Душанбе, ул. Р. Набиева 218.
E-mail: andaleb.r@mail.ru